

№ 5, 2026
Volume 5, 2026

ИНТЕЛЛЕКТ ИННОВАЦИИ ИНВЕСТИЦИИ

INTELLECT.INNOVATIONS.INVESTMENTS

ISSN 2077-7175
doi 10.25198/2077-7175

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ

Журнал основан в 2008 году

Учредитель:

**федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко»**

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Периодичность издания: 6 номеров в год.

Решением Межведомственной рабочей группы по формированию и актуализации «Белого списка» научных журналов от 09.09.2025 журнал включён в третий уровень Единого государственного перечня научных изданий (ЕГПНИ).

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям:

- 2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.4. Этика (философские науки);
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

В Перечне ВАК РФ журнал имеет категорию K2.

Журнал входит в список рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Ученым советом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора экономических наук.

Журнал индексируется в РИНЦ, Crossref, DOAJ, Google Scholar, ВИНТИ РАН, eLIBRARY.RU, архивируется в РГБ, eLIBRARY.RU, НЭБ «КиберЛенинка», ЭБС «Лань» и Znanium, на Национальном цифровом ресурсе «Рукопт», Национальной платформе периодических научных изданий РЦНИ, Информационной системе для сбора информации об опубликованных научных произведениях «Метафора».

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат двойному анонимному рецензированию.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция в своей деятельности руководствуется разработками Комитета по публикационной этике (Committee on Publication Ethics (COPE)), Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) «Этические принципы научных публикаций».

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS

Journal appeared in 2008

Established by:
**Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«Orenburg State University named after V.A. Bondarenko»**

Journal «Intellect. Innvations. Investments» is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-63471, 30.10.2015.

Publication frequency: 6 issues per year.

By the decision of the Interdepartmental Working Group on the Formation and Updating of the «White List» of Scientific Journals dated 09.09.2025, the journal was included in the third level of the Unified State List of Scientific Publications (USLPS).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science in the science field of:

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews in the following journal headings are accepted for publication:

Economic Sciences

The results of fundamental and applied scientific research in the field of regional and sectoral economics, finance, management are published.

Philosophical Sciences

The subject of the articles are topical issues in the field of ontology and theory of knowledge, history of philosophy, aesthetics and ethics, philosophy of science and technology, social and political philosophy, philosophical anthropology and philosophy of culture, philosophy of religion and religious studies.

Transport

Original articles are published presenting the results of solving scientific and practical problems in the field of operation of road transport are considered.

In the List of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation, the journal has a category K2.

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Academic Council of the Lomonosov Moscow State University for publication of the main scientific results of theses for the degree of Candidate and Doctor of Economic Sciences.

The journal is indexed in Science Index, Crossref, DOAJ, Google Scholar, VINITI RAS, eLIBRARY.RU, archived in the Russian State Library, eLIBRARY.RU, NEB «Cyberleninka», EBS «LAN» and Znanium, NCR «Rucont», RCSI Journals Platform, Metaphor Information System for collecting information about published scientific works.

When reprinting a link to the journal «Intellect. Innovation. Investments» is required.

All materials submitted to the editors are subject to double anonymous review.

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

In its activities, the editorial board is guided by the developments of the Committee on Publication Ethics (COPE), the Declaration of the Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP) «Ethical Principles of Scientific Publications».

The terms of publication of articles are posted on the journal website: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

С.А. Мирошников, чл.-кор. РАН, д-р биол. наук, профессор РАН, ректор,
Оренбургский государственный университет имени В. А. Бондаренко, Оренбург, Россия

Ответственный секретарь

Т.П. Петухова, канд. физ.-мат. наук, доцент,
Оренбургский государственный университет имени В. А. Бондаренко, Оренбург, Россия

Редакционный совет

Экономические науки

Алина Г.Б., канд. экон. наук, ассоциированный профессор, декан факультета бизнеса и управления, Esil University, Астана, Республика Казахстан

Архипова М.Ю., д-р экон. наук, профессор, профессор департамента статистики и анализа данных факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Вегера С.Г., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, финансов, логистики и менеджмента, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Республика Беларусь

Елисеева И.И., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Есенгельдин Б.С., д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям, Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан

Корзёб Збигнев, д-р экон. наук, заместитель декана факультета экономики и управления по научной работе, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансов и бухгалтерского учета, Белостокский технологический университет, Белосток, Польша

Носов В.В., д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Нурланова Н.К., д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела региональной экономики, Институт экономики Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Осипов В.С., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Панков Д.А., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

Попова Е.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Христаускас Чесловас, профессор, доцент факультета бизнеса, Каунасское высшее учебное заведение «Кауно Колегия», Каунас, Литва

Цветков В.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Шеломенцев А.Г., д-р экон. наук, профессор, профессор базовой кафедры «Аналитика больших данных и методы видеоанализа», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург; главный научный сотрудник сектора экономики и управления развитием территорий Института социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Уфа, Россия

Широв А.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН), заведующий лабораторией анализа и прогнозирования производственного потенциала и межотраслевых взаимодействий, ИНП РАН, Москва, Россия

Сель Николя, Ph.D., профессор экономики спорта, Манчестерский Столичный Университет, Манчестер, Великобритания

Философские науки

Бажанов В.А., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Олимов Караматулло, акад. АН Республики Таджикистан, акад. Международной Академии высших школ, д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

Смирнов А.В., акад. РАН, д-р филос. наук, ВРИО Первого заместителя директора по научной работе Института философии Российской академии наук, руководитель секции философии, политологии, психологии, социологии и права Отделения общественных наук Российской академии наук, Москва, Россия

Тульчинский Г.Л., д-р филос. наук, профессор, профессор департамента государственного администрирования, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Транспорт

Володькин П.П., д-р техн. наук, профессор, руководитель Высшей школы транспортных систем и технологий, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Захаров Н.С., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса автомобилей и технологических машин, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Кузьмин Н.А., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой «Автомобильный транспорт», Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

Кулаков А.Т., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры автомобилей, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

Псарианос Василь, д-р техн. наук, профессор, Национальный технический университет Афин, Афины, Греция

Пашкевич Антон, д-р техн. наук, доцент кафедры транспортных систем инженерно-строительного факультета, Краковский технологический университет, Краков, Польша

Редакционная коллегия

Экономические науки

Балтина А.М., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и финансов, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия

Боброва В.В., д-р экон. наук, доцент, директор Института менеджмента, экономики и предпринимательства, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия

Борисюк Н.К., д-р экон. наук, профессор, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института развития экономики и новых компетенций университета, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия

Ермакова Ж.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, директор Оренбургского филиала Института экономики УрО РАН, Оренбург, Россия

Корабейников И.Н., д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, директор Научно-исследовательского института развития экономики и новых компетенций университета, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия

Леонтьева Л.С., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Мусина А.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансов, Esil University, Астана, Республика Казахстан

Панкова С. В., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры анализа, экономической безопасности и таможенного дела, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия

Сабитова Н.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Суглобов А.Е., д-р экон. наук, профессор, руководитель Всероссийского научно-исследовательского института организации производства, труда и управления в сельском хозяйстве – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», Москва, Россия

Черненко В.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики, организации и управления производством, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

Юматов А.С., канд. экон. наук, доцент, заместитель директора филиала, заведующий кафедрой цифровой экономики и логистики, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург, Россия

Философские науки

Анкин Д. В., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аполлонов И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры графики, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Беляев И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия

Коломиец Г. Г., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия

Косиченко А. Г., д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Лойко А. И., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой «Философские учения», Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

Максимов А.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры общественных наук и молодежной политики, Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия

Федяев Д.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Транспорт

Аземша С. А., канд. техн. наук, доцент, заведующий кафедрой «Управление автомобильными перевозками и дорожным движением», Белорусский государственный университет транспорта, Гомель, Республика Беларусь

Ларин О.Н., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры «Цифровые технологии управления транспортными процессами», Российский университет транспорта, Москва, Россия

Рассоха В.И., д-р техн. наук, доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия

Родионов Ю.В., д-р техн. наук, профессор, декан автомобильно-дорожного института, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Султанов Н.З., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры информационных технологий и систем, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Трофименко Ю.В., заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой инженерно-экологических инноваций и комплексной безопасности, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

Якунин Н.Н., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия

EDITORIAL TEAM

Chief Editor

S.A. Miroshnikov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences,
Doctor of Biological Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences, Rector,
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

Executive Secretary

T.P. Petukhova, Ph.D., Associate Professor,
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

Editorial Council

Economic Sciences

Alina G.B., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Business and Management, Esil University, Astana, Republic of Kazakhstan

Arkhipova M.Yu., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Data Analysis, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vegera S.G., Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Accounting, Finance, Logistics and Management, Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk, Republic of Belarus

Eliseeva I.I., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Esengeldin B.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and International Relations, Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Korzeb Zbigniew, Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Finance and Accounting, Bialystok University of Technology, Bialystok, Poland

Nosov V.V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nurlanova N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Regional Economics, Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Osipov V.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of World Economy and Management of Foreign Economic Activity, Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Pankov D.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Sectors of the National Economy, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

Popova E.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Christauskas Ceslovas, Professor, Associate Professor, Faculty of Business, Kauno Kolegija Higher Education Institution, Kaunas, Lithuania

Tsvetkov V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Shelomentsev A.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Big Data Analytics and Video Analysis Methods, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg; Chief Researcher of the Sector of Economics and Territorial Development Management of the Institute of Social and Economic Researches, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Shirov A.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute for National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (INP RAS), Head of the Laboratory for Analysis and Forecasting of Production Potential and Intersectoral Interactions, INP RAS, Moscow, Russia

Scelles Nicols, PhD, Professor of Sports Economics, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

Philosophical Sciences

Bazhanov V.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Olimov Karamatullo, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Academician of the International Academy of Higher Schools, Ph.D., Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Smirnov A.V., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Acting First Deputy Director for Scientific Work at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Head of the Section of Philosophy, Political Science, Psychology, Sociology and Law of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tulchinsky G.L., Ph.D., Professor, Professor of the Department of public administration, St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Transport

Volodkin P.P., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Higher School of Transport Systems and Technologies, Pacific State University, Khabarovsk, Russia

Zakharov N.S., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Service and Technological Machines, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Kuzmin N.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department «Automobile Transport», Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

Kulakov A.T., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Automobiles, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Basil Psarianos, Dr. – Ing., Professor, National Technical University of Athens, Athens, Greece

Pashkevich Anton, Ph. D., Assistant Professor, Professor of the Department of Transportation Systems, Cracow University of Technology, Krakow, Poland

Editorial team

Economic Sciences

Baltina A.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economics and Finance, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

Bobrova V.V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Management, Economics and Entrepreneurship, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

Borisjuk N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Senior Researcher at the Scientific Research Institute for the Development of Economics and New Competencies of the University, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

Ermakova J.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Director of the Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

Korabeynikov I.N., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management, Director of the Research Institute for Economic Development and New Competences of the University, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

Leontieva L.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional and Municipal Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Musina A.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Finance, Esil University, Astana, Republic of Kazakhstan

Pankova S. V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Analysis, Economic Security, and Customs Affairs, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

Sabitova N.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial Markets and Financial Institutions, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Suglobov A.E., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the All-Russian Scientific Institute for Organization of Production, Labor and Management in Agriculture- the branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories-All-Russian Research Institute of Agriculture», Moscow, Russia

Chernenko V.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics, Organization and Production Management, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russia

Yumatov A.S., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the branch, Head of the Department of Digital Economy and Logistics, Orenburg Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orenburg, Russia

Philosophical Sciences

Ankin D. V., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Apollonov I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Graphics, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Belyaev I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of philosophy, culture and sociology, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

Kolomiets G. G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

Kosichenko A. G., Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Loiko A. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department «Philosophical Studies», Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

Maksimov A.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Youth Policy, Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia

Fedyaev D.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Transport

Azemsha S. A., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Road Transport and Traffic Management, Belarusian State University of Transport, Gomel, Republic of Belarus

Larin O.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department «Digital Technologies of Transport Process Management», Russian University of Transport, Moscow, Russia

Rassoha V.I., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Transport, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

Rodionov Yu.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean of the Automobile and Road Institute, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

Sultanov N.Z., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Information Technologies and Systems, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Trofimenko Yu.V., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Engineering and Environmental Innovations and Integrated Safety, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia

Yakunin N.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ц. Б. Бальжиров

Коллективные инвестиции: терминологический анализ 11

В. А. Гневашева

Региональная дифференциация качества жизни как детерминанта социально-политической устойчивости России 21

Е. И. Дюдикова

Протокольная субъектность в DeFi 33

Э. Р. Сагатгареев, Т. Н. Ларина

Теоретические положения оценки результатов инвестиционного процесса в муниципальном образовании 46

Л. А. Свиридова, Т. А. Терентьева

Особенности учета субсидии из бюджета в коммерческой организации 60

ТРАНСПОРТ

**Л. М. Нурғалиев, Р. Ф. Калимуллин,
С. Ю. Коваленко**

Трансформация функций водителей грузовых автомобилей в условиях интеллектуализации транспорта 74

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Н. Д. Асташова

Интеллектуальный конфликт в экономике 89

В.В. Габеев

Религиозное трансцендирование как аутотрансформация личности 100

А. М. Дорожкин, С. В. Шибаршина

Этико-эпистемологические аспекты несоизмеримости в междисциплинарных исследованиях 109

Б. Л. Недяк, И. И. Евлампиев

Проблема свободы воли в неклассической философии: А. Шопенгауэр и А. Бергсон 119

О. И. Соколова

О некоторых эпистемологических предпосылках построения междисциплинарных команд 130

Ю. В. Соколова

Осмысление религии в философском наследии В. Э. Сеземана 139

CONTENTS

ECONOMICAL SCIENCES

Ts. B. Balzhirov

Collective investments: terminological analysis 11

V. A. Gnevasheva

Regional differentiation of the quality of life as a determinant of the socio-political stability of Russia 21

E. I. Dyudikova

Protocol agency in DeFi 33

E. R. Sagatgareev, T. N. Larina

Theoretical provisions for evaluating the results of the investment process in a municipality 46

L. A. Sviridova, T. A. Terentyeva

Features of accounting for subsidies from the budget in a commercial organization 60

TRANSPORT

L. M. Nurgaliyev, R. F. Kalimullin, S. Yu. Kovalenko

Transformation of truck driver functions in the context of transport intelligentization 74

PHILOSOPHICAL SCIENCES

N. D. Astashova

Intellectual conflict in the economics 89

V. V. Gabeev

Religious transcendence as autotransformation of personality 100

A. M. Dorozhkin, S. V. Shibarshina

Ethical and epistemological aspects of incommensurability in interdisciplinary research 109

B. L. Nediak, I. I. Evlampiev

The problem of free will in non-classical philosophy: A. Schopenhauer and H. Bergson 119

O. I. Sokolova

On some epistemological prerequisites for building interdisciplinary teams 130

Yu. V. Sokolova

Understanding Religion in the Philosophical Heritage of V. E. Sesemann 139

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 336.76

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-11>

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ц. Б. Бальжиров

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: Balzhirov.2018@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что индустрия коллективного инвестирования превратилась в значимый сегмент российского финансового рынка, тогда как её категориальный аппарат остаётся непроработанным. В отечественной науке и законодательстве отсутствует единое определение коллективных инвестиций, а три близких термина – коллективные инвестиции, рынок коллективных инвестиций и система коллективных инвестиций – употребляются, как правило, без разграничения. Терминологическая неопределённость имеет практические следствия: от выбора трактовки зависят границы статистического учёта рынка, периметр надзора мегарегулятора и состав объектов прикладного анализа. Цель статьи – систематизировать сложившиеся подходы к определению коллективного инвестирования, выявить их ограничения и предложить разграничение трёх указанных категорий по логике «процесс – рынок – система». Методологическую основу составляет синтез системного подхода Л. фон Берталанфи и институционального подхода Р. Коуза и Д. Норта, дополненный сравнительным анализом нормативных, учебно-научных и международных определений. Основные результаты состоят в следующем. Во-первых, систематизированы сложившиеся трактовки понятия и показано, что они фиксируют различные стороны явления – внешние формы, институциональную организацию, макроэкономическую функцию и механизм управления активами, – не образуя целостной конструкции. Во-вторых, обосновано разграничение коллективных инвестиций как экономического процесса, рынка коллективных инвестиций как пространства его реализации и системы коллективных инвестиций как институциональной оболочки, а также сформулировано эмпирически проверяемое положение об институциональной первичности системы по отношению к рынку в условиях строго регулируемого финансового рынка. В-третьих, предложены четыре квалифицирующих признака коллективного инвестирования, позволяющие отделить его форму от смежных конструкций и каналов дистрибуции инструментов; их применение продемонстрировано на примере долевого страхования жизни. Научная новизна работы заключается в построении трёхуровневой демаркации категориального аппарата теории коллективного инвестирования. Практическая значимость состоит в том, что предложенный аппарат формирует основу для корректного статистического учёта, определения периметра надзора и последующего эмпирического и эконометрического анализа российской системы коллективных инвестиций.

Ключевые слова: коллективные инвестиции, система коллективных инвестиций, рынок коллективных инвестиций, терминологический анализ, институциональный подход, доверительное управление, паевые инвестиционные фонды, доленое страхование жизни.

Для цитирования: Бальжиров Ц. Б. Коллективные инвестиции: терминологический анализ // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 11–20. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-11>.

COLLECTIVE INVESTMENTS: TERMINOLOGICAL ANALYSIS

Ts. B. Balzhirov

Saint-Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: Balzhirov.2018@mail.ru

Abstract. *The relevance of the study stems from the fact that the collective investment industry has become a significant segment of the Russian financial market, while its conceptual apparatus remains underdeveloped. Russian scholarship and legislation lack a single definition of collective investment, and three closely related terms – collective investment, the collective investment market and the collective investment system – are typically used without differentiation. This terminological ambiguity has practical consequences: the boundaries of market statistics, the supervisory perimeter and the object of applied analysis all depend on the chosen interpretation. The aim of the article is to systematise the established approaches to defining collective investment, to reveal their limitations and to propose a demarcation of the three categories along the logic «process – market – system». The methodological basis is a synthesis of L. von Bertalanffy's systems approach and the institutional approach of R. Coase and D. North, supplemented by a comparative analysis of normative, academic and international definitions. The main results are as follows. First, the established interpretations are systematised, showing that they capture different facets of the phenomenon without forming a coherent construction. Second, a demarcation is substantiated between collective investment as an economic process, the collective investment market as the space of its realisation and the collective investment system as an institutional shell, together with an empirically testable proposition on the institutional primacy of the system over the market under a regulated financial market. Third, four qualifying criteria of collective investment are proposed that separate its form from adjacent constructions and the channels distributing its instruments, demonstrated on the case of unit-linked life insurance. The scientific novelty lies in constructing a three-level demarcation of the conceptual apparatus of collective investment theory. The practical significance is that the proposed apparatus provides a basis for correct statistical accounting, supervisory scoping and subsequent empirical and econometric analysis of the Russian collective investment system.*

Key words: *collective investment, collective investment system, collective investment market, terminological analysis, institutional approach, trust management, mutual funds, unit-linked life insurance.*

Cite as: Balzhirov, Ts. B. (2026) [Collective investments: terminological analysis]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 11–20. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-11>.

Введение

Индустрия коллективного инвестирования стала значимым сегментом российского финансового рынка: на 30 июня 2025 г. стоимость чистых активов паевых инвестиционных фондов достигла 19,43 трлн руб., активы негосударственных пенсионных фондов – 5,7 трлн руб.¹ Масштаб сегмента повышает цену теоретической неопределённости: пока не установлено, какие именно финансовые конструкции образуют коллективное инвестирование, остаются подвижными и границы статистического учёта рынка, и периметр надзора мегарегулятора, и состав объектов прикладного анализа. Тем самым определение коллективных инвестиций представляет собой не вопрос словоупотребления, а условие корректного измерения и регулирования соответствующего сегмента.

Дополнительную сложность создаёт параллельное использование в литературе и нормативных актах трёх близких терминов – коллективные инвестиции (КИ), рынок коллективных инвестиций (РКИ) и система коллективных инвестиций (СКИ), – содержание которых, как правило, специально не разграничивается. Цель статьи – систематизировать сложившиеся подходы к определению коллективного инвестирования, выявить их ограничения и предложить разграничение трёх указанных категорий по логике «процесс – рынок – система».

Обзор литературы

Необходимость терминологического разграничения вытекает не из требований стиля, а из правил юридической техники и из устройства финансовой статистики.

¹ Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов / Банк России. – М., 2025. – URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46283/review_pif_aif_23Q2.pdf (дата обращения: 01.06.2026); Обзор ключевых показателей негосударственных пенсионных фондов за I квартал 2026 года / Банк России. – М., 2025. – URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/62021/review_npf_26Q1.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

Единообразное понимание терминов признаётся одним из первоочередных условий построения непротиворечивого нормативного документа: использование одного термина, допускающего взаимоисключающие толкования, противоречит законодательной технике и затрудняет правоприменение [7]. Применительно к коллективным инвестициям это означает, что отнесение либо неотнесение того или иного продукта – паевого фонда, договора страхования с инвестиционной составляющей, краудфандинговой платформы – к данной категории напрямую определяет, попадает ли он в соответствующий контур надзора и в статистику рынка.

Российское законодательство усиливает эту проблему. Перечень форм коллективного инвестирования был закреплён ещё Комплексной программой мер по обеспечению прав вкладчиков и акционеров 1996 г.: к ним отнесены паевые и акционерные инвестиционные фонды, негосударственные пенсионные фонды и ряд иных институтов². Однако родового определения коллективных инвестиций нормативные акты не содержат, а регулирование перечисленных форм распределено между обособленными законами. Отсутствие единого инвестиционного закона при множественности специальных режимов отмечается как самостоятельная проблема отечественного инвестиционного права [7]. Правовой анализ профессиональной деятельности на рынках ценных бумаг и коллективных инвестиций также показывает общность регуляторных средств – лицензирования, саморегулирования, отчётности и специальных режимов деятельности, – но не устраняет понятийной неопределённости самой категории коллективного инвестирования [16].

В отечественной научной литературе сложились несколько линий анализа коллективного инвестирования. Функциональная линия рассматривает коллективные инвестиции как источник финансирования предпринимательских структур и механизм трансформации сбережений населения в инвестиции [9]³. В новейших работах эта линия распространяется на проектное финансирование: Е. А. Перов рассматривает коллективные инвестиции как инструмент финансирования девелоперских проектов и привлечения средств граждан на рынок недвижимости [11]. Институциональная линия акцентирует систему участников и правил: О. А. Школик определяет коллективные инвестиции

как систему особых экономических отношений по поводу инвестирования через специализированные финансовые институты и формы, основанную на объединении капитала частных инвесторов в рамках единого инвестиционного портфеля и функционирующую на единых регулятивных принципах [17], а в учебнике под его редакцией коллективные инвестиции определяются как «система инвестирования посредством использования финансовых институтов, основанных на принципе объединения капитала», базисом которой объявляется консолидация однотипных активов разных инвесторов в рамках единого инвестиционного портфеля⁴.

Эмпирико-рыночная линия представлена исследованиями эффективности и динамики отдельных сегментов. А. Е. Абрамов и К. С. Акшенцева анализируют российские взаимные фонды через масштаб деятельности, издержки управления, конкуренцию и качество регулирования [1]. В более поздних работах рынок ПИФов и НПФ описывается через рост числа пайщиков, развитие биржевых фондов, влияние санкционных ограничений, блокировку иностранных активов, качество управления портфелями и уровень финансовой грамотности розничных инвесторов [3; 4; 6; 14]. Тенденции и перспективы развития сегмента паевых инвестиционных фондов в условиях меняющейся внешней среды анализируются в работах Е. М. Поповой и Ю. Б. Максименко [12; 13]. Е. И. Куликова показывает, что устойчивость российского фондового рынка в условиях санкционных шоков во многом обеспечивается активностью частных и институциональных инвесторов, включая негосударственные пенсионные фонды [8]. Эти исследования важны для характеристики состояния рынка, однако чаще описывают его динамику и барьеры роста, чем уточняют родовые признаки коллективного инвестирования.

Отдельная линия литературы посвящена смежным финансовым конструкциям. На примере краудфинансирования О. А. Школик показывает, что привлечение средств множества лиц само по себе не делает продукт формой коллективного инвестирования: решающее значение имеют правовой режим объединённого имущественного комплекса, профессиональное управление и распределение инвестиционного результата [18]. Близкую логику задаёт анализ договорных форм инвестирования: А. О. Иншакова подчёркивает, что

² Об утверждении Комплексной программы мер по обеспечению прав вкладчиков и акционеров: Указ Президента Российской Федерации от 21.03.1996 № 408 (ред. от 16.10.2000; утратил силу с 16.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 13. – Ст. 1311.

³ Кузьмина О. Ю., Коновалова М. Е. Институты коллективного инвестирования: учеб. пособие. Электрон. дан. – Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2017. – 69 с.

⁴ Финансовые рынки и институты: учебник / Е. Г. Князева [и др.]; под общ. ред. О. А. Школика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 312 с.

место продукта в системе гражданско-правовых конструкций определяется корректной квалификацией инвестиционного договора, а не самим фактом привлечения средств [5]. Такой вывод непосредственно значим для разграничения коллективных инвестиций и каналов распространения их инструментов, включая страховые и цифровые оболочки.

В зарубежной и международной литературе доминирует регулятивно-портфельный подход. Дж. Богл связывает взаимные фонды с профессионально управляемым диверсифицированным портфелем, формируемым за счёт средств множества инвесторов [20]. IOSCO

и европейская модель UCITS закрепляют сходную логику коллективного аккумулирования средств, инвестирования в активы и защиты инвестора через раскрытие информации, надзор и требования к управляющим [22; 23]. В докладе Г. Стромберг регулирование инвестиционных фондов также рассматривается прежде всего через защиту инвесторов, контроль конфликта интересов и ответственность управляющих [24]. Той же логике следует сравнительный анализ специальных механизмов защиты инвесторов на зарубежных фондовых рынках, проведённый М. В. Шульгой и О. А. Школиком [19]. Сопоставление подходов приведено в таблице 1.

Таблица 1. Сопоставление подходов к определению коллективного инвестирования

Источник	Трактовка коллективного инвестирования	Доминанта определения
Комплексная программа 1996 г.	перечень форм (ПИФ, АИФ, НПФ и др.) без родового определения	нормативно-перечислительная
О. Ю. Кузьмина, М. Е. Коновалова	институты коллективного инвестирования как механизм трансформации сбережений населения в инвестиции	функционально-институциональная
О. А. Школик [17]	коллективные инвестиции как система особых экономических отношений и финансовых институтов, основанная на объединении капитала частных инвесторов на единых регулятивных принципах	институционально-системная
А. Е. Абрамов, К. С. Акшенцева [1]	взаимные фонды как профессионально управляемый механизм массового портфельного инвестирования, зависящий от масштаба, издержек и регулирования	эмпирико-рыночная
Г. Т. Гафурова и др.; Е. Г. Репина [3; 14]	рынок ПИФов анализируется через факторы роста, санкционные ограничения, качество управления и финансовую грамотность инвесторов	проблемно-аналитическая
J. C. Bogle [20]	объединение средств в профессионально управляемые диверсифицированные портфели	портфельно-управленческая
IOSCO, UCITS, G. Stromberg [22–24]	схема коллективного аккумулирования средств и инвестирования в активы при профессиональном управлении, раскрытии информации и защите инвесторов	регулятивно-стандартизирующая

Источник: разработано автором на основе работ [1; 3; 14; 17; 20; 22–24]

Приведённые определения не столько противоречат друг другу, сколько фиксируют разные стороны одного явления: нормативная традиция – его внешние формы, институциональная – организацию участников и правил, функциональная – макроэкономическое назначение, эмпирико-рыночная – динамику конкретных сегментов, портфельная и регулятивная – механизм управления активами и защиты инвестора. При этом ни одна из рассмотренных линий не разводит последовательно процесс инвестирования, рыночную среду его осуществления и институциональную оболочку, обеспечивающую его устойчивость. Именно смешение этих трёх уровней порождает характерные неточности – например, описание системы как элемента, «существующего

в рамках рынка», тогда как с институциональной точки зрения система задаёт правила и инфраструктуру рынка, а не подчиняется ему. Показательно, что эта двойственность обнаруживается даже у одного автора: характеризуя коллективные инвестиции как систему – «систему особых экономических отношений» [17] и «систему инвестирования», – О. А. Школик одновременно раскрывает их через объединение и консолидацию капитала множества инвесторов в едином портфеле, то есть через процесс. Тем самым один и тот же термин обозначает и процесс инвестирования, и институциональную систему, что напрямую подтверждает необходимость их последовательного разграничения. Восполнение указанного пробела и составляет предмет настоящей работы.

Методы

Исследование опирается на синтез двух подходов. Системный подход, восходящий к Л. фон Берталанфи, трактует систему как совокупность взаимосвязанных элементов, взаимодействующих с внешней средой [2]; применительно к коллективному инвестированию это позволяет представить его как преобразование входа (сбережений) в выход (инвестиционный доход и макроэкономический эффект) через управление активами и диверсификацию. Институциональный подход Р. Коуза и Д. Норта вводит в анализ транзакционные издержки и устойчивые правила взаимодействия: институт доверительного управления снижает издержки мелкого инвестора по поиску, анализу и управлению активами [21], а конфигурация национальной системы во многом определяется траекторией предшествующего развития и закреплёнными правилами [10]. Сочетание двух подходов задаёт аналитическую рамку «процесс – рынок – система». Эмпирической базой сравнительного анализа выступили нормативные определения, закреплённые в российском законодательстве, трактовки в отечественной учебно-научной литературе, исследования динамики ПИФов и НПФ, работы о смежных финансовых конструкциях и международные стандарты регулирования коллективно-инвестирования [1; 3–9; 11–20; 22–24].

Результаты исследования

Предлагается разграничивать три категории последовательно. Логически и исторически первичны коллективные инвестиции (КИ) – экономический

процесс объединения денежных средств множества лиц для совместного вложения в диверсифицированный портфель активов на принципах доверительного управления и пропорционального распределения дохода. Процесс может реализовываться и в неинституционализированных формах: участники финансовых пирамид 1990-х гг. формально осуществляли объединение средств для совместного вложения, однако отсутствие институциональной оболочки закономерно приводило к утрате капитала. Это указывает на то, что устойчивое существование процесса требует его институционального оформления.

Второй уровень образует рынок коллективных инвестиций (РКИ) – сегмент финансового рынка, в рамках которого осуществляются эмиссия, обращение и погашение инструментов коллективного инвестирования (паёв паевых и биржевых ПИФ, пенсионных договоров)⁵. Этот сегмент не сводится к рынку капитала: наряду с фондами, размещающими средства в долгосрочные акции и облигации, в нём функционируют фонды денежного рынка, активы которых (краткосрочные облигации, депозиты, инструменты РЕПО) относятся к денежному рынку. Третий, наиболее общий уровень – система коллективных инвестиций (СКИ), понимаемая как институциональная среда: совокупность организационно-правовых форм, профессиональных участников, инфраструктурных элементов и нормативных механизмов, обеспечивающих устойчивое функционирование процесса КИ в пределах РКИ. Соотношение трёх категорий представлено в таблице 2.

Таблица 2. Трёхуровневая демаркация понятий коллективного инвестирования

Уровень категории	Онтологический статус	Содержание и функция
Коллективные инвестиции (КИ)	экономический процесс; логически первичен	объединение средств множества лиц для совместного вложения в диверсифицированный портфель на принципах доверительного управления
Рынок коллективных инвестиций (РКИ)	рыночное пространство; обособленный сегмент финансового рынка	среда эмиссии, обращения и погашения инструментов КИ; формирование цен и объёмов
Система коллективных инвестиций (СКИ)	институциональная оболочка; первична на строго регулируемом рынке	совокупность форм, участников, инфраструктуры и норм, обеспечивающая устойчивое функционирование процесса КИ в рамках РКИ

Источник: разработано автором

Соотношение системы и рынка. В условиях строго регулируемого финансового рынка система коллективных инвестиций предшествует рынку в институциональном смысле: обособленный, про-

зрачный и защищённый сегмент обращения инструментов КИ не формируется без предварительно созданной нормативной базы, специализированного надзора, обособления имущества фондов, фидуци-

⁵ О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения: 01.06.2026).

арной ответственности управляющих и механизмов гарантирования прав инвесторов. Данное положение является эмпирически проверяемым: его опровергло бы возникновение устойчивого и защищённого рынка коллективных инвестиций в отсутствие перечисленных институтов. Опыт российского рынка 1990-х гг., на котором при отсутствии надзора и обособления активов возникли массовые квазиколлективные конструкции, не образовавшие устойчивого сегмента, подтверждает сформулированный тезис. Связь системы и рынка при этом двусторонняя: система создаёт условия для рынка, а развивающийся рынок предъявляет к системе новые требования, стимулируя её эволюцию.

Авторское определение системы коллективных инвестиций. Проведённое разграничение позволяет определить СКИ с двух взаимодополняющих позиций. С институциональной точки зрения это многоуровневая конструкция, нормативно и инфраструк-

турно обеспечивающая существование сегмента коллективно-долевого инвестирования и объединяющая организационно-правовые формы (паевые и акционерные инвестиционные фонды, негосударственные пенсионные фонды), профессиональных управляющих, инфраструктуру, нормативную среду и регулятора в лице Банка России. С функциональной точки зрения СКИ представляет собой институционально поддерживаемый механизм коллективно-долевой трансформации сбережений экономических агентов в долгосрочный инвестиционный капитал на условиях пропорционального участия в результатах размещения и фидуциарной ответственности профессиональных управляющих.

Значимость выделяемого сегмента и устойчивость его институциональной оболочки подтверждаются динамикой количественного состава участников рынка коллективных инвестиций за последние пять лет, что представлено в таблице 3.

Таблица 3. Динамика количества участников российского рынка коллективных инвестиций в 2020–2025 гг.

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	30.06.2025
Паевые инвестиционные фонды, ед.	1631	1965	2163	2645	3230	3406
Акционерные инвестиционные фонды, ед.	2	2	2	2	2	2
Негосударственные пенсионные фонды, ед.	43	41	39	37	37	38
Управляющие компании (лицензия УК ПИФ/АИФ), ед.	268	259	268	282	324	337
Специализированные депозитарии, ед.	25	26	29	26	31	31
Владельцы паёв ПИФ, млн человек	3,6	8,7	9,3	12,0	16,1	19,0

Источник: составлено автором по данным Статистика. Пенсионные фонды и коллективные инвестиции / Центральный банк Российской Федерации: официальный сайт. – М., 2000–2026. – URL: <https://www.cbr.ru/RSCI/statistics/> (дата обращения: 05.06.2026)

Данные таблицы 3 демонстрируют разнонаправленную динамику элементов системы. Число зарегистрированных ПИФ за 2020 г. – первое полугодие 2025 г. выросло более чем вдвое (с 1631 до 3406), количество владельцев паёв – более чем в пять раз (с 3,6 млн до 19,0 млн человек), число управляющих компаний увеличилось с 268 до 337. Сегмент НПФ, напротив, прошёл этап консолидации (сокращение с 43 до 37 фондов), и лишь запуск программы долгосрочных сбережений возобновил рост числа фондов (38 к середине 2025 г.); акционерные инвестиционные фонды как форма фактически не востребованы (2 фонда на протяжении всего периода). При этом состав инфраструктуры – специализированных депозитариев – и надзорный контур остаются стабильными. Подобная динамика эмпирически иллюстрирует предложенное разграничение: процесс

коллективного инвестирования масштабируется внутри сложившейся институциональной оболочки, не создавая её заново, что согласуется с положением об институциональной первичности системы по отношению к рынку.

Квалифицирующие признаки коллективного инвестирования. Практическое применение разграничения требует операциональных критериев отнесения финансового продукта к формам коллективного инвестирования. Их отсутствие приводит к расширительному толкованию, при котором к коллективным инвестициям относят разнородные конструкции, объединённые лишь внешним признаком привлечения средств множества лиц, в том числе каналы, через которые распространяются паи уже существующих фондов. Предлагается считать продукт формой коллективного инвестирования при одновременном выполнении четырёх признаков, представленных в таблице 4.

Таблица 4. Квалифицирующие признаки формы коллективного инвестирования

Квалифицирующий признак	Экономическое содержание
Пулинг капитала	объединение средств многих лиц в единый имущественный комплекс
Долевое (паевое) участие	право инвестора на долю в комплексе при обособлении активов от имущества управляющего
Профессиональное доверительное управление	управление активами профессиональным субъектом при фидуциарной ответственности
Диверсификация	распределение риска, обеспечиваемое структурой портфеля и регуляторными лимитами

Источник: разработано автором

Применение критериев иллюстрирует случай долевого страхования жизни (ДСЖ), введённого в России с 2025 г.⁶ По договору ДСЖ часть страховой премии по указанию страхователя направляется на приобретение паёв открытых ПИФ; страхователь становится владельцем паёв и несёт инвестиционный риск, а при расторжении получает их стоимость по текущей цене. Внешне продукт удовлетворяет признакам коллективного инвестирования, однако формой КИ выступает не ДСЖ, а паевой фонд: именно его паи приобретаются, именно он осуществляет пулинг средств и профессиональное управление. По отношению к фонду договор ДСЖ выполняет функцию канала дистрибуции, дополненного страховой защитой. Отнесение ДСЖ к самостоятельным формам КИ на основании того, что через него реализуются паи, было бы равнозначно отнесению к таким формам брокера или банка-агента, реализующих те же паи. Отсюда следует правило квалификации: проверке по четырём признакам подлежит инвестиционный продукт, паи которого распространяются (в данном случае – паевой фонд), а не дистрибуционная или страховая оболочка вокруг него.

Заключение

Проведённый анализ позволил получить три результата. Во-первых, систематизированы сложившиеся

подходы к определению коллективного инвестирования и показано, что они фиксируют различные стороны явления, не разграничивая процесс, рыночную среду и институциональную оболочку. Во-вторых, на основе синтеза системного и институционального подходов предложено разграничение трёх категорий – КИ как процесса, РКИ как пространства его реализации и СКИ как институциональной оболочки, – снимающее характерные терминологические неточности и обоснованное как эмпирически проверяемое положение об институциональной первичности системы. В-третьих, сформулированы четыре квалифицирующих признака, позволяющие отделить форму коллективного инвестирования от смежных конструкций и каналов дистрибуции её инструментов. Предложенный категориальный аппарат формирует основу для корректного статистического учёта, определения периметра надзора и последующего эмпирического и эконометрического анализа российской системы коллективных инвестиций. Дальнейшие исследования предполагают эмпирическую верификацию предложенной демаркации на данных российского рынка коллективных инвестиций.

Литература

1. Абрамов А. Е., Акшенцева К. С. Развитие коллективных инвестиций в России. – М.: РАНХиГС, 2014. – 92 с.
2. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем: сб. переводов / общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.
3. Гафурова Г. Т., Нотфуллина Г. Н., Ковалева Э. Р. Тренды развития паевых инвестиционных фондов в условиях санкций // Russian Journal of Economics and Law. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 490–514. – <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.490-514>. – EDN: RUDFRX.

⁶ Долевое страхование жизни введено Федеральным законом от 25.12.2023 № 631-ФЗ, дополнившим Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/9f94368a45623d0fb09cfe5574f5cca6e06a9c3d/ (дата обращения: 01.06.2026).

4. Дробышевская Л. Н., Маргарян А. А. Коллективное инвестирование в России: тенденции и перспективы развития // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 5 (123). – С. 123–127. – <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-5-123-127>. – EDN: KYQBVM.
5. Иншакова А. О. Договорные формы инвестирования в законодательстве и практике Российской Федерации // Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 77–89. – <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.11>. – EDN: BLDZSJ.
6. Корпоративные пенсионные планы: тенденции и перспективы реализации / А. Е. Абрамов [и др.] // Экономическое развитие России. – 2021. – Т. 28, № 10. – С. 35–39. – EDN: XDZKQR.
7. Кравченко А. С. Кодификация инвестиционного законодательства Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 11–5 (42). – С. 96–97. – <https://doi.org/10.18454/IRJ.2015.42.142>. – EDN: VCTOTJ.
8. Куликова Е. И. Роль частных и институциональных инвесторов в развитии российского фондового рынка // Финансовая жизнь. – 2023. – № 2. – С. 104–109. – EDN: PBZYIF.
9. Магомаева Л. Р. Коллективные инвестиции, как источники финансирования деятельности крупных предпринимательских структур // Российское предпринимательство. – 2011. – Т. 12, № 12. – С. 104–110.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики : монография / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. – EDN: YQDVYE.
11. Перов Е. А. Роль коллективных инвестиций в финансировании проектов деvelopeмента // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 13, № 12 (153). – С. 104–112. – <https://doi.org/10.36871/ek.up.r.r.2024.12.13.013>. – EDN: UVZTDQ.
12. Попова Е. М., Максименко Ю. Б. Актуальные тенденции на рынке коллективного инвестирования в сегменте паевых инвестиционных фондов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 3–1 (141). – С. 34–39. – EDN: WGGUIT.
13. Попова Е. М., Максименко Ю. Б. Перспективы развития паевых инвестиционных фондов в условиях меняющейся внешней среды // Банковские услуги. – 2022. – № 11. – С. 22–27. – https://doi.org/10.36992/2075-1915_2022_11_22. – EDN: QVINHN.
14. Репина Е. Г. Ключевые проблемы развития российского рынка коллективных инвестиций // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 12. – С. 5035–5048. – <https://doi.org/10.18334/ce.17.12.120163>. – EDN: EFUAWS.
15. Финансовые рынки и финансовые институты: стратегии адаптации в условиях внешних экономических шоков и информационных диспропорций / О. Ю. Орлова, Е. Н. Клочкова, И. А. Башарин [и др.]. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – 159 с. – EDN: SJZRMD.
16. Шевченко О. М. Правовые режимы осуществления предпринимательской деятельности на рынке ценных бумаг и коллективных инвестиций // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 12 (100). – С. 70–81. – <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.100.12.070-081>. – EDN: EXTXX.
17. Школик О. А. Перспективы развития современных тенденций в сфере коллективного инвестирования // Российский экономический интернет-журнал. – 2022. – № 4. Порядковый номер 38. – EDN: EXRVWT.
18. Школик О. А. Теоретико-практические коллизии в сфере цифровых финансовых инструментов и инвестиционных платформ краудфинансирования // Российский экономический интернет-журнал. – 2022. – № 2. Порядковый номер 5. – EDN: WUJFWD.
19. Шульга М. В., Школик О. А. Финансовые инструменты защиты инвесторов на фондовых рынках иностранных государств // Российский экономический интернет-журнал. – 2024. – № 2. Порядковый номер 50. – EDN: BMDWYO.
20. Bogle J. C. (2010) Common Sense on Mutual Funds: Fully Updated 10th Anniversary Edition. – Hoboken (N.J.): John Wiley & Sons. – 656 p. (In Eng.).
21. Coase R. H. (1988) The Firm, the Market, and the Law. – Chicago: University of Chicago Press. – 217 p. (In Eng.).
22. Directive 2009/65/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS) (recast) (Text with EEA relevance). *Official Journal of the European Union*. – 2009. – L 302, pp. 32–96. (In Eng.).
23. Objectives and Principles of Securities Regulation / International Organization of Securities Commissions (IOSCO). – Madrid: IOSCO, 2017. – 76 p. (In Eng.).
24. Stromberg G. (1995) Regulatory Strategies for the Mid-'90s: Recommendations for Regulating Investment Funds in Canada. – Toronto: Ontario Securities Commission. – 240 p. (In Eng.).

References

1. Abramov, A. E., Akshentseva, K. S. (2014) *Razvitie kollektivnykh investitsiy v Rossii* [Development of Collective Investments in Russia]. Moscow: RANEPa, 92 p.
2. Bertalanffy, L. von (1969) [General System Theory: A Critical Review]. *Issledovaniya po obshchey teorii sistem* [Studies in General Systems Theory]. Moscow: Progress Publ., pp. 23–82. (In Russ.).
3. Gafurova, G. T., Notfullina, G. N., Kovaleva, E. R. (2023) [Trends in the Development of Mutual Funds under Sanctions]. *Russian Journal of Economics and Law* [Russian Journal of Economics and Law]. Vol. 17. No. 3, pp. 490–514. – <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.490-514>. (In Russ.).
4. Drobyshevskaya, L. N., Margaryan, A. A. (2025) [Collective Investment in Russia: Trends and Development Prospects]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and Business: Theory and Practice]. Vol. 5 (123), pp. 123–127. – <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-5-123-127>. (In Russ.).
5. Inshakova, A. O. (2024) [Contractual Forms of Investment in the Legislation and Practice of the Russian Federation]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept]. Vol. 23. No. 3, pp. 77–89. – <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.11>. (In Russ.).
6. Abramov, A. E., et al. (2021) [Corporate Pension Plans: Trends and Prospects for Implementation]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Russian Economic Development]. Vol. 28. No. 10, pp. 35–39. (In Russ.).
7. Kravchenko, A. S. (2015) [Codification of the Investment Legislation of the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal]. Vol. 11–5 (42), pp. 96–97. – <https://doi.org/10.18454/IRJ.2015.42.142>. (In Russ.).
8. Kulikova, E. I. (2023) [The Role of Private and Institutional Investors in the Development of the Russian Stock Market]. *Finansovaya zhizn* [Financial Life]. Vol. 2, pp. 104–109. (In Russ.).
9. Magomaeva, L. R. (2011) [Collective Investments as Sources of Financing the Activities of Large Business Structures]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship]. Vol. 12. No. 12, pp. 104–110. (In Russ.).
10. North, D. (1997) *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow: Nachala Publ., 180 p. (In Russ., transl. from Engl.).
11. Perov, E. A. (2024) [The Role of Collective Investments in Financing Real Estate Development Projects]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions]. Vol. 13. No. 12 (153), pp. 104–112. – <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.12.13.013>. (In Russ.).
12. Popova, E. M., Maksimenko, Yu. B. (2023) [Current Trends in the Collective Investment Market in the Mutual Funds Segment]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saint Petersburg State University of Economics]. Vol. 3–1 (141), pp. 34–39. (In Russ.).
13. Popova, E. M., Maksimenko, Yu. B. (2022) [Prospects for the Development of Mutual Funds in a Changing External Environment]. *Bankovskie uslugi* [Banking Services]. Vol. 11, pp. 22–27. – https://doi.org/10.36992/2075-1915_2022_11_22. (In Russ.).
14. Repina, E. G. (2023) [Key Challenges for the Development of the Russian Collective Investment Market]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy]. Vol. 17. No. 12, pp. 5035–5048. – <https://doi.org/10.18334/ce.17.12.120163>. (In Russ.).
15. Orlova, O. Yu., Klochkova, E. N., Basharin, I. A., et al. (2025) *Finansovye rynki i finansovye instituty: strategii adaptatsii v usloviyakh vneshnikh ekonomicheskikh shokov i informatsionnykh disproportsiy* [Financial Markets and Financial Institutions: Adaptation Strategies under External Economic Shocks and Information Disproportions]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. of Economics Publ., 159 p.
16. Shevchenko, O. M. (2022) [Legal Regimes of Entrepreneurial Activity in the Securities Market and the Collective Investments Market]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]. Vol. 12 (100), pp. 70–81. – <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.100.12.070-081>. (In Russ.).
17. Shkolik, O. A. (2022) [Prospects for the Development of Modern Trends in the Field of Collective Investment]. *Rossiyskiy ekonomicheskii internet-zhurnal* [Russian Economic Online Journal]. Vol. 4. No. 38. (In Russ.).
18. Shkolik, O. A. (2022) [Theoretical and Practical Collisions in the Field of Digital Financial Instruments and Crowdfunding Investment Platforms]. *Rossiyskiy ekonomicheskii internet-zhurnal* [Russian Economic Online Journal]. Vol. 2. No. 5. (In Russ.).
19. Shulga, M. V., Shkolik, O. A. (2024) [Financial Instruments for Investor Protection in the Stock Markets of Foreign States]. *Rossiyskiy ekonomicheskii internet-zhurnal* [Russian Economic Online Journal]. Vol. 2. No. 50. (In Russ.).

20. Bogle, J. C. (2010) *Common Sense on Mutual Funds: Fully Updated 10th Anniversary Edition*. Hoboken (N.J.): John Wiley & Sons, 656 p. (In Eng.).
21. Coase, R. H. (1988) *The Firm, the Market, and the Law*. Chicago: University of Chicago Press, 217 p. (In Eng.).
22. European Parliament and Council (2009) Directive 2009/65/EC on Undertakings for Collective Investment in Transferable Securities (UCITS) (recast). *Official Journal of the European Union*, L 302, pp. 32–96. (In Eng.).
23. International Organization of Securities Commissions (2017) *Objectives and Principles of Securities Regulation*. Madrid: IOSCO, 76 p. (In Eng.).
24. Stromberg, G. (1995) *Regulatory Strategies for the Mid-'90s: Recommendations for Regulating Investment Funds in Canada*. Toronto: Ontario Securities Commission, 240 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Цырен Бургэтович Бальжиров, аспирант, научная специальность 5.2.4 Финансы, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID iD: 0009-0000-0963-3451, **SPIN-код:** 3646-9660, **AuthorID:** 1305631

e-mail: Balzhirov.2018@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 22.06.2026; принята в печать: 17.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Tsyren Burgetovich Balzhirov, postgraduate student, scientific specialty 5.2.4 Finance, Saint-Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID iD: 0009-0000-0963-3451, **SPIN-code:** 3646-9660, **AuthorID:** 1305631

e-mail: Balzhirov.2018@mail.ru

The paper was submitted: 22.06.2026.

Accepted for publication: 17.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РОССИИ

В. А. Гневашева

Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия

e-mail: vera_cos@rambler.ru

Аннотация. В условиях геополитических трансформаций и внешних экономических шоков обеспечение социально-политической устойчивости Российской Федерации требует переосмысления традиционных подходов к региональному управлению, поскольку применение исключительно политики регулирования и оценки макроэкономических показателей для решения вопросов качества жизни населения оказывается недостаточным, а сохраняющаяся высокая региональная дифференциация снижает эффективность вертикали власти и порождает структурную социальную напряженность. Целью исследования является выявление статистически значимых причинно-следственных связей между региональной дифференциацией качества жизни населения и показателями социально-политической устойчивости государства, а также обоснование необходимости ответного реагирования со стороны политических форм управления. В работе использован комплексный подход, сочетающий анализ качественных и количественных данных; методический аппарат исследования включает сравнительный анализ, корреляционный анализ взаимосвязей между экономическими показателями регионов и индексом социальной стабильности, а также системный подход к оценке эффективности управления, при этом информационную базу составили официальные данные Росстата, в том числе показатели потребительских ожиданий населения и среднедушевых располагаемых доходов за период 1998–2026 гг. Основными результатами исследования стало выявление устойчивых тенденций поляризации регионов России по качеству жизни: разрыв в отдельных показателях между федеральными округами составляет 1,68 раза при пороговом уровне социально приемлемой дифференциации 1,5 раза; установлено, что отрицательный баланс по условию формирования сбережений указывает на низкую финансовую устойчивость домохозяйств практически во всех регионах и их неспособность самостоятельно справляться с внешними экономическими шоками без дополнительных социальных гарантий. Научная новизна работы заключается в разработке системы из двенадцати социально-политических маркеров раннего предупреждения рисков социальной стабильности, сгруппированных по четырем направлениям – социально-экономическому (индекс регионального разрыва), демографическому (межпоколенческий разрыв ожиданий), инфляционному (индекс инфляционной тревожности) и динамическому (тренд дивергенции регионов), а также в формировании на их основе интегративной матрицы рисков по федеральным округам, позволяющей идентифицировать зоны повышенного внимания со стороны федеральных и региональных властей. Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенный инструментарий может быть использован органами государственной власти для адресного мониторинга социальной напряженности и превентивного управления политическими рисками на региональном уровне. Направлениями дальнейших исследований могут стать апробация разработанной системы маркеров в динамике на панельных данных субъектов РФ, а также расширение методологии за счет включения индикаторов цифрового неравенства и пространственной доступности социальных услуг. В качестве рекомендаций предложено усовершенствовать методику распределения федеральных трансфертов с учетом не только бюджетной обеспеченности, но и индексов качества жизни, внедрить единые федеральные стандарты доступности базовых социальных услуг независимо от места проживания, а также осуществлять регулярный мониторинг субъективного благополучия населения как ключевого индикатора политической лояльности и долгосрочной устойчивости государственности.

Ключевые слова: региональная дифференциация, социально-политическая устойчивость, неравенство, качество жизни.

Для цитирования: Гневашева В. А. Региональная дифференциация качества жизни как детерминанта социально-политической устойчивости России // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 21–32. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-21>.

REGIONAL DIFFERENTIATION OF THE QUALITY OF LIFE AS A DETERMINANT OF THE SOCIO-POLITICAL STABILITY OF RUSSIA

V. A. Gnevasheva

Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: vera_cos@rambler.ru

Abstract. *In the context of geopolitical transformations and external economic shocks, ensuring the socio-political stability of the Russian Federation requires rethinking traditional approaches to regional governance, since the use of exclusively regulatory policies and assessment of macroeconomic indicators to address issues of the quality of life of the population is insufficient, and the continued high regional differentiation reduces the effectiveness of the vertical of power and generates structural social tension. The purpose of the study is to identify statistically significant cause-and-effect relationships between the regional differentiation of the quality of life of the population and indicators of socio-political stability of the state, as well as substantiate the need for a response from political forms of government. The work uses an integrated approach combining the analysis of qualitative and quantitative data.; The methodological framework of the study includes comparative analysis, correlation analysis of the interrelationships between the economic indicators of the regions and the index of social stability, as well as a systematic approach to assessing management effectiveness, while the information base was made up of official data from Rosstat, including indicators of consumer expectations of the population and per capita disposable income for the period 1998–2026. The main results of the study were the identification of stable trends in the polarization of Russian regions in terms of quality of life: the gap in individual indicators between the federal districts is 1.68 times with a threshold level of socially acceptable differentiation of 1.5 times; it was found that a negative balance in terms of savings formation indicates low financial stability of households in almost all regions and their inability to independently cope with external economic conditions, shocks without additional social guarantees. The scientific novelty of the work consists in the development of a system of twelve socio-political markers of early warning of risks to social stability, grouped into four areas – socio-economic (index of regional gap), demographic (intergenerational gap of expectations), inflationary (index of inflation anxiety) and dynamic (trend of regional divergence), as well as in the formation of their based on an integrative risk matrix for federal districts, which makes it possible to identify areas of increased attention from federal and regional authorities. The practical significance of the study lies in the fact that the proposed toolkit can be used by public authorities for targeted monitoring of social tension and preventive management of political risks at the regional level. Areas of further research may include the testing of the developed system of markers in dynamics on panel data of the subjects of the Russian Federation, as well as the expansion of the methodology by including indicators of digital inequality and spatial accessibility of social services. As recommendations, it is proposed to improve the methodology for allocating federal transfers, taking into account not only budget security, but also quality of life indices, introduce uniform federal standards for the availability of basic social services regardless of place of residence, and regularly monitor the subjective well-being of the population as a key indicator of political loyalty and long-term sustainability of statehood.*

Key words: regional differentiation, socio-political stability, inequality, quality of life.

Cite as: Gnevasheva, V. A. (2026) [Regional differentiation of the quality of life as a determinant of the socio-political stability of Russia]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 21–32. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-21>.

Введение

Социально-политическая устойчивость регионов и государства в целом является приоритетной задачей государственного управления на всех уровнях, особенно в современных условиях беспрецедентных геополитических трансформаций, санкционного давления и структурной перестройки национальной

экономики. Период 2022–2026 гг. характеризуется серией последовательных внешних шоков, которые обнажили уязвимость сложившейся модели территориального развития России и актуализировали вопрос о факторах, обеспечивающих долгосрочную стабильность государственности. В этих условиях обеспечение единства страны, легитимности ин-

ституты власти и доверия населения к государству становится не только политической, но и стратегической экономической задачей, требующей переосмысления традиционных подходов к региональному управлению.

Исторически в российской научной и управленческой практике устойчивость общества, в том числе в отношении институтов власти, рассматривается преимущественно через призму макроэкономических показателей – темпов роста ВВП, уровня безработицы, сбалансированности региональных бюджетов. Однако подобный редукционизм оказывается недостаточным для объяснения природы социальной напряженности и политических рисков в условиях, когда формально позитивная макроэкономическая динамика сопровождается устойчивым расслоением населения по качеству жизни. На данном этапе общественного развития показатели качества жизни – материального благосостояния, доступности социальных услуг, потребительских ожиданий, сберегательной способности домохозяйств – выступают не просто индикаторами социального развития, но и ключевыми детерминантами легитимности власти, политической лояльности населения и, в конечном счете, социально-политической устойчивости государства.

Научная проблема, требующая решения в настоящем исследовании, связана с сохраняющейся высокой региональной дифференциацией качества жизни населения, которая, несмотря на предпринимаемые меры федерального регулирования, продолжает углубляться и формировать структурные риски для единства страны. Официальная статистика свидетельствует о том, что разрыв в отдельных показателях качества жизни между наиболее и наименее обеспеченными федеральными округами достигает 1,68 раза, превышая пороговый уровень социально приемлемой дифференциации (1,5 раза). Подобная поляризация, при которой ресурсы концентрируются в «столичных» и ресурсных регионах, а аграрные и депрессивные территории устойчиво теряют в доходах и человеческом капитале, порождает не только экономические, но и глубоко политические последствия – отток населения, рост протестных настроений, снижение доверия к вертикали власти.

Вместе с тем в существующей научной литературе причинно-следственные связи между региональной дифференциацией качества жизни и показателями социально-политической устойчивости государства исследованы фрагментарно. Большинство работ либо ограничиваются констатацией фактов территориального неравенства, либо рассматривают качество жизни исключительно как объект социальной политики,

без учета его роли как системного фактора политической стабильности. Отсутствует единый методологический инструментарий, позволяющий количественно оценить влияние региональной поляризации на устойчивость государства и выявить зоны повышенного риска на основе опережающих индикаторов. Данное противоречие между практической значимостью проблемы и недостаточной разработанностью ее научно-методологического аппарата определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования состоит в выявлении статистически значимых причинно-следственных связей между региональной дифференциацией качества жизни населения и показателями социально-политической устойчивости государства, а также в обосновании необходимости ответного реагирования со стороны политических форм управления на основе разработки системы опережающих маркеров и интегративной матрицы рисков по федеральным округам.

Поставленная цель определила решение следующих взаимосвязанных задач: проведение сравнительного анализа региональной дифференциации доходов и потребительских ожиданий населения за период 1998–2026 гг.; выявление устойчивых тенденций поляризации регионов по качеству жизни; разработка системы из двенадцати социально-политических маркеров раннего предупреждения рисков социальной стабильности, сгруппированных по четырем направлениям (социально-экономическому, демографическому, инфляционному и динамическому); формирование на их основе комбинаторной матрицы рисков по федеральным округам, позволяющей идентифицировать зоны повышенного внимания со стороны федеральных и региональных властей; формулирование практических рекомендаций по совершенствованию методики распределения федеральных трансфертов и внедрению единых стандартов доступности базовых социальных услуг.

Научная и практическая значимость исследования заключается в том, что предложенный автором методологический инструментарий (система маркеров раннего предупреждения и интегративная матрица рисков) может быть использован органами государственной власти для адресного мониторинга социальной напряженности, превентивного управления политическими рисками на региональном уровне и повышения эффективности пространственной политики. Результаты исследования вносят вклад в развитие научного направления «региональная экономика» (паспорт научной специальности 5.2.3), расширяя представления о качестве жизни как детерминанте не только социального, но и политического развития государства.

Проведенное исследование обладает выраженной научной значимостью, которая раскрывается в нескольких плоскостях и вносит существенный вклад в развитие научного направления «региональная экономика» (в соответствии с паспортом научной специальности 5.2.3).

Теоретическая значимость заключается в преодолении традиционного макроэкономического редукционизма при оценке устойчивости территорий. В работе обоснован и доказан тезис о том, что качество жизни (включая как объективные показатели располагаемых доходов, так и субъективные индикаторы потребительских ожиданий) выступает не просто следствием экономического развития, а самостоятельной, системообразующей детерминантой социально-политической устойчивости государства и индикатором легитимности институтов власти. Теоретически расширено понимание механизмов трансформации экономического неравенства в структурные политические риски.

Методологическая значимость состоит в разработке и апробации оригинального аналитического инструментария для мониторинга скрытых угроз государственности. Впервые предложена и структурирована система из двенадцати социально-политических маркеров раннего предупреждения, сгруппированных по четырем измерениям (социально-экономическому, демографическому, инфляционному и динамическому). Разработанный автором подход к формированию комбинаторной матрицы рисков по федеральным округам позволяет перейти от констатации фактов неравенства к превентивной количественно-качественной оценке зон социальной напряженности.

Эмпирическая и фактологическая значимость обусловлена выявлением на основе длинных временных рядов (1998–2026 гг.) устойчивых тенденций пространственной поляризации России. Впервые в научный оборот введены операционализированные пороговые значения социально приемлемой дифференциации (коэффициент 1,5) и зафиксировано их критическое превышение (1,68). Эмпирически подтверждено, что такие феномены, как межпоколенческий разрыв ожиданий (свыше 15 п.п.) и индекс инфляционной тревожности (свыше 60%), выступают опережающими индикаторами уязвимости домохозяйств перед внешними шоками, что формирует новую доказательную базу для разработки адресной региональной политики.

Полученные результаты создают фундамент для дальнейших научных изысканий в области пространственного развития России, позволяя интегрировать показатели субъективного благополучия и демогра-

фических асимметрий в модели прогнозирования социально-политической стабильности макрорегионов.

Литературный обзор по теме исследования

В современных исследованиях показатели качества жизни нередко рассматриваются как индикаторы экономической и социальной защищенности [4; 14].

Подчеркивается, что показатели качества жизни не только направлены на определение уровня располагаемого дохода, но и предопределяют региональную социально-экономическую устойчивость, а также служат индикаторами эффективности государственного управления [6; 2].

Отмечаются и проблемы оценки дифференциации регионов, в том числе по экономическим показателям. При этом нередко исследователями выявляется региональный разрыв [7; 10; 11]. Подобная ситуация, по мнению авторов, создает структурные риски как в отношении социальной сплоченности, так и в отношении лояльности к вертикали власти.

Важным определяется необходимость унификации метрик для комплексной оценки регионального развития [3]. Минимизация политических рисков рассматривается как первичное условие для реализации долгосрочных реформ [5], в том числе и создание институциональной среды ценностных ориентиров общества [8]. Многие исследователи предпринимают попытки интеграции российского опыта в глобальные цели устойчивого развития [1]. Зубаревич Н. В. доказывает, что в условиях кризиса усиливается роль «столичных» регионов и городов-миллионников, тогда как периферия и депрессивные территории теряют человеческий капитал и усиливают зависимость от федеральных трансфертов.

Как справедливо отмечает Н. В. Зубаревич, в новых экономических условиях адаптационный потенциал регионов оказывается крайне неоднородным: «столичные» агломерации и ресурсные центры консолидируют ресурсы, тогда как депрессивные территории сталкиваются с оттоком человеческого капитала и усилением зависимости от федеральной поддержки [11]. Это подтверждает тезис о том, что макроэкономическая стабилизация на фоне растущей пространственной поляризации создает скрытые угрозы для социально-политической устойчивости государства. Современные исследования подчеркивают, что существующие механизмы бюджетного выравнивания не способны нивелировать глубинные диспропорции в качестве жизни. А. Д. Кондратьева обосновывает необходимость смещения фокуса региональной политики с чисто экономических показателей на управленческие решения, направленные на повышение субъективного благополучия населения и доступности базовых

вых социальных услуг [8]. Исследователи обращают внимание на то, что региональная дифференциация уровня жизни перерастает рамки чисто экономической проблематики, формируя острые социальные вызовы [12; 13]. Е. Г. Решетникова доказывает, что устойчивое неравенство в доступе к ресурсам и возможностям порождает у населения чувство пространственной несправедливости, что напрямую коррелирует со снижением доверия к институтам власти и ростом скрытой социальной напряженности [11]. Анализ факторов формирования пространственного неравенства, проведенный Н. В. Новиковой и А. А. Лысенко, показывает, что на современном этапе институциональные и поведенческие факторы (включая потребительские ожидания и адаптивную готовность населения) оказывают не меньшее влияние на устойчивость регионов, чем объективные экономические показатели [9]. Это обосновывает включение в разработанную автором систему маркеров не только доходных, но и инфляционно-поведенческих индикаторов. Выявленная высокая внутренняя вариация доходов в Центральном федеральном округе (коэффициент 0,45) согласуется с выводами О. П. Штанько, который, анализируя макрорегион, указывает на парадоксальную ситуацию: формальное лидерство ЦФО по уровню среднедушевых доходов маскирует глубокую внутреннюю стратификацию и контраст между «столичным ядром» и периферийными областями округа, что создает специфические риски социально-политической напряженности даже в регионах-донорах [15]. Вместе с тем идея системности мер является универсальной для большинства авторских научных подходов.

Таблица 1. Распределение среднедушевого дохода населения по федеральным округам России (в % к общему уровню по РФ, по данным 2024 г.)

Федеральный округ	Уровень доходов (%)	Коэффициент вариации
Центральный	128,5	0,45
Северо-Западный	115,2	0,38
Уральский	112,8	0,32
Дальневосточный	105,4	0,29
Южный	92,1	0,25
Приволжский	89,5	0,22
Сибирский	88,7	0,24
Северо-Кавказский	76,3	0,18

Источник: оценено автором по данным официальной статистики Росстата

¹ Росстат. Уровень жизни. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>. (дата обращения: 03.07.2026).

² Росстат. Уровень жизни. Доходы, расходы и сбережения населения. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>. (дата обращения: 03.07.2026).

³ Росстат. Уровень жизни. Потребительские ожидания населения. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 03.07.2026).

Методология и информационная база

Исследование опирается на комплексный анализ количественных и качественных данных. Информационную базу составили официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) «Уровень жизни»¹ (среднедушевые денежные доходы населения², потребительские ожидания населения³).

Методологический инструментарий включает сравнительный анализ, корреляционный анализ взаимосвязей между экономическими показателями регионов и индексом социальной стабильности, а также системный подход к оценке эффективности управления.

Анализ региональной дифференциации качества жизни

Качество жизни является интегральным показателем, включающим материальное благосостояние, здоровье, образование и безопасность. Анализ статистики выявляет устойчивую тенденцию к поляризации регионов.

Неравенство доходов. По данным Росстата, коэффициент фондов (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных) в целом по России колеблется в пределах 12–13 раз. Однако на региональном уровне диспропорции значительно выше. В субъектах-донорах (Москва, Ханты-Мансийский АО, Санкт-Петербург) среднедушевые денежные доходы в 2024 году превышали общероссийский уровень на 40–60%, тогда как в ряде субъектов Северного Кавказа и депрессивных регионах Центральной России этот показатель составлял менее 70% от среднего, что представлено в таблице 1.

Полученные данные свидетельствуют о наличии региональной дифференциации в распределении дохода. Разрыв между регионами с максимальной и минимальной долей составил 1,68 раза при допустимом социально приемлемом уровне дифференциации в 1,5 раза. Данные отражают устойчивый рост накопления ресурсов в «столичных» регионах при одновременном устойчивом снижении доходов в аграрных и депрессивных регионах. Выявленный коэффициент вариации отражает неоднородность распределения: от 0,45 в Центральном ФО до 0,18 в Северо-Кавказском

ФО. Подобная поляризация в распределении доходов населения может создавать структурные риски социально-политической устойчивости общества.

На основе данных Росстата (в частности, по индексам потребительских ожиданий населения и среднему денежному доходу по федеральным округам) проведен анализ взаимосвязи между региональным неравенством и факторами социально-политической стабильности.

Отметим ключевые эмпирические закономерности, представленные в таблице 2.

Таблица 2. Региональная дифференциация доходов (2024 г.)

Федеральный округ	Уровень доходов (% к РФ)	Коэффициент вариации	Интерпретация
Центральный	128,5	0,45	Лидерство при высоком внутреннем неравенстве
Северо-Западный	115,2	0,38	Устойчивое превышение среднего
Уральский	112,8	0,32	Ресурсная экономика, умеренное неравенство
Дальневосточный	105,4	0,29	Северные надбавки, низкая вариация
Южный	92,1	0,25	Ниже среднего, однородная структура
Приволжский	89,5	0,22	Стабильное отставание
Сибирский	88,7	0,24	Депрессивные тенденции
Северо-Кавказский	76,3	0,18	Критическое отставание при низкой вариации

Источник: составлено автором по данным Росстата

На основе анализа данных определен разрыв между наиболее и наименее обеспеченными округами, который составляет 1,68 раза, что превышает пороговое значение социально приемлемой диффе-

ренциации (1,5).

Представим анализ динамики потребительской уверенности за период 1998–2026 гг. в таблице 3.

Таблица 3. Индекс потребительской уверенности (баланс, %): кризисные минимумы

Год	Характеристика	Значение
1998	дефолт	–58
2009	мировой кризис	–35
2015	санкции, девальвация	–32
2020	пандемия	–30
2022	геополитический шок	–31
Текущее состояние (Q 1 2026)		–12

Источник: составлено автором по данным Росстата

По данным таблицы 3 можно отметить:

- отрицательное значение баланса свидетельствует о преобладании пессимистических ожиданий;
- посткризисное восстановление индекса проис-

ходит медленно (3–5 лет);

- текущий уровень (–12) остается в зоне «осторожного пессимизма».

Таблица 4. Структурные компоненты потребительских ожиданий (Q1 2026)

Индикатор	Баланс, %	Интерпретация
Текущее материальное положение	–3	Относительная стабилизация
Изменения за последний год	–10	Преобладание негативного опыта
Ожидания на следующий год	–6	Осторожный оптимизм
Условия для крупных покупок	–19	Сдержанность в расходах
Условия для сбережений	–22	Низкая способность к накоплению

Источник: рассчитано автором по данным официальной статистики Росстата

На основании данных таблицы 4 опишем систему социально-политических маркеров, позволяющих оценить влияние выявленной региональной дифференциации по показателям качества жизни

на социально-политическую устойчивость. Маркеры разделены на группы. Данные представлены в таблицах 5–8.

Таблица 5. Группа экономико-социальных маркеров

№	Маркер	Методика расчета	Пороговое значение риска	Интерпретация
1	Индекс регионального разрыва доходов	Отношение макс. к мин. уровню доходов по ФО	> 1,5	Превышение указывает на структурное неравенство, способное генерировать социальную напряженность
2	Коэффициент внутренней вариации доходов	Стандартное отклонение / среднее по региону	> 0,40	Высокая вариация внутри округа свидетельствует о неравномерном распределении благ
3	Индекс потребительской уверенности (ИПУ)	Баланс положительных/отрицательных ответов	< –20	Зона «кризисных ожиданий», коррелирует с ростом протестного потенциала
4	Индикатор отложенного потребления	Баланс по вопросу «условия для крупных покупок»	< –25	Массовое откладывание расходов снижает экономическую активность и доверие к будущему
5	Индекс сберегательной способности	Баланс по вопросу «условия для формирования сбережений»	< –30	Невозможность накоплений снижает устойчивость домохозяйств к шокам

Источник: рассчитано автором по данным официальной статистики Росстата

Таблица 6. Демографическая группа маркеров

№	Маркер	Методика расчета	Пороговое значение риска	Интерпретация
1	Межпоколенческий разрыв ожиданий	Разница ИПУ: < 30 лет минус 50+ лет	> 15 п.п.	Большой разрыв указывает на конфликт ценностных ориентаций и восприятия будущего
2	Индекс гендерной асимметрии ожиданий	Разница ИПУ: мужчины минус женщины	> 8 п.п.	Значимые различия могут отражать дифференцированный доступ к ресурсам и возможностям
3	Доля респондентов с ухудшением материального положения	% ответов «плохое» + «очень плохое»	> 35%	Рост доли сигнализирует о массовом снижении жизненных стандартов

Источник: рассчитано автором по данным официальной статистики Росстата

Полученные экономико-социальные маркеры позволяют выявить социально-политические риски на ранних этапах. Так, в полученных результатах индекс регионального разрыва принимает величину более 1,5 при коэффициенте вариации более 0,4, что отражает структурное неравенство, которое может привести к процессам дестабилизации общества.

Потребительские индексы фиксируют снижение финансовой устойчивости домохозяйств, отражают неудовлетворенность их потребительских ожиданий. Превышение пороговых значений сигнализирует о нарастании напряженности, а при сдерживании совокупных расходов подобная ситуация приводит

к еще большему снижению спроса.

Группа демографических маркеров фиксирует риски социального характера; в частности, можно проследить степень межпоколенческого разрыва ожиданий, что, по данным исследования, составило более 15 п.п. Полученные результаты свидетельствуют о разности ценностных установок разных поколений. Гендерная асимметрия, отражающая гендерное неравенство в доступе к ресурсам, составила более 8 п.п. При этом для 35% включённых в исследование отмечается ухудшение материального положения, что говорит о снижении качества жизни и может усилить рост протестных настроений в обществе.

Таблица 7. Группа инфляционных и поведенческих маркеров

№	Маркер	Методика расчета	Пороговое значение риска	Интерпретация
9	Индекс инфляционной тревожности	Доля ожидающих «значительного роста цен»	> 60%	Высокие инфляционные ожидания дестабилизируют потребительское поведение
10	Индекс адаптивной готовности	Доля затруднившихся ответить + нейтральных	> 25%	Высокая неопределенность в ответах указывает на когнитивную перегрузку и дезориентацию

Источник: рассчитано автором по данным официальной статистики Росстата

Инфляционные маркеры фиксируют риски дестабилизационного потребительского поведения. Индекс инфляционной тревожности составил более 60%, что говорит о преобладании пессимистических ожиданий, приводящих либо к росту ажиотажного спроса, либо

к формированию отложенного потребления. Индекс адаптивной готовности более 25% говорит о когнитивной перегрузке населения: большая часть населения дезориентирована в современных экономических условиях и неспособна к рациональному выбору.

Таблица 8. Группа динамических и структурных маркеров

№	Маркер	Методика расчета	Пороговое значение риска	Интерпретация
11	Тренд конвергенции/дивергенции регионов	Годовое изменение разрыва доходов между ФО	Дивергенция > 1% в год	Усиление разрыва указывает на недостаточную эффективность выравнивающих механизмов
12	Волатильность потребительской уверенности	Стандартное отклонение квартального ИПУ за 3 года	> 8 п.п.	Высокая волатильность свидетельствует о нестабильности ожиданий и восприимчивости к шокам

Источник: рассчитано автором по данным официальной статистики Росстата

В представленных данных тренд дивергенции составил более 1% в год, что сигнализирует о неэффективности механизмов выравнивания доходов; более того, структурные диспропорции усиливаются. Высокая волатильность потребительских ожиданий снижа-

ет предсказуемость поведения населения и повышает его уязвимость в условиях внешних шоков.

Представим интегральные оценки рисков устойчивости населения в таблице 9.

Таблица 9. Комбинаторная матрица социально-экономических и политических рисков в ракурсе федеральных округов России

Федеральный округ	Экономический риск	Социальный риск	Политический риск	Итоговая оценка
Центральный	Низкий	Средний (высокая вариация)	Низкий	Устойчив
Северо-Западный	Низкий	Низкий	Низкий	Устойчив
Уральский	Низкий	Низкий	Низкий	Устойчив
Дальневосточный	Средний (логистика)	Средний (миграция)	Средний	Условно устойчив
Южный	Средний	Средний	Средний	Условно устойчив
Приволжский	Средний	Средний	Средний	Условно устойчив
Сибирский	Высокий (отставание)	Высокий (депопуляция)	Средний	Зона внимания
Северо-Кавказский	Высокий (критическое отставание)	Высокий (молодежная безработица)	Высокий	Зона риска

Источник: рассчитано автором по данным официальной статистики Росстата

В результате представленных расчетов можно отметить региональное неравенство как структурный фактор нестабильности, что подчеркивается выявленным разрывом в структуре общества. Особенно уязвимым регионом в этой связи, с учетом низких доходов и высокой молодежной доли населения, является Северный Кавказ. Индекс потребительской уверенности демонстрирует высокую чувствительность к внешним шокам. Кризисы повторяются часто, а восстановление докризисных уровней занимает 3–5 лет, что требует долгосрочного планирования социальной политики.

Заключение

Проведённое исследование позволило достичь поставленной цели – выявить статистически значимые причинно-следственные связи между региональной дифференциацией качества жизни населения и показателями социально-политической устойчивости Российской Федерации, а также обосновать необходимость ответного реагирования со стороны политических институтов управления. На основе анализа официальных данных Росстата за период 1998–2026 гг. получены следующие основные результаты.

1. Эмпирически подтверждён тезис о том, что качество жизни выступает не просто производной экономического развития, а самостоятельной системообразующей детерминантой социально-политической устойчивости государства и индикатором легитимности институтов власти. Установлено, что разрыв в показателях качества жизни между наиболее и наименее обеспеченными федеральными округами составляет 1,68 раза, что критически превышает по-

роговый уровень социально приемлемой дифференциации (1,5 раза).

2. Выявлена устойчивая тенденция пространственной поляризации России: ресурсы концентрируются в «столичных» и ресурсных регионах (Центральный, Северо-Западный, Уральский ФО), тогда как аграрные и депрессивные территории (Северо-Кавказский, Сибирский, Приволжский ФО) системно теряют в доходах и человеческом капитале. Тренд дивергенции регионов превышает 1% в год, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих механизмов выравнивания.

3. Впервые в научный оборот введён оригинальный методологический инструментарий – система из двенадцати социально-политических маркеров раннего предупреждения рисков социальной стабильности, сгруппированных по четырём измерениям: социально-экономическому (индекс регионального разрыва), демографическому (межпоколенческий разрыв ожиданий), инфляционному (индекс инфляционной тревожности) и динамическому (тренд дивергенции регионов). На их основе сформирована комбинаторная матрица рисков по федеральным округам, позволяющая идентифицировать зоны повышенного внимания (Северо-Кавказский ФО – «зона риска»; Сибирский ФО – «зона внимания»).

4. Установлено, что отрицательный баланс по условию формирования сбережений (–22 п.п.) и высокий индекс инфляционной тревожности (более 60%) свидетельствуют о низкой финансовой устойчивости домохозяйств практически во всех регионах и их неспособности самостоятельно справляться с внешними экономическими шоками без дополни-

тельных социальных гарантий. Межпоколенческий разрыв ожиданий (более 15 п.п.) фиксирует конфликт ценностных ориентаций, формирующий дополнительный политический риск.

Научная новизна исследования заключается в преодолении традиционного макроэкономического редукционизма при оценке устойчивости территорий и разработке инновационного аналитического инструментария, позволяющего перейти от констатации фактов неравенства к превентивной количественно-качественной оценке зон социальной напряжённости. Предложенный подход интегрирует объективные показатели располагаемых доходов и субъективные индикаторы потребительских ожиданий в единую систему мониторинга политической лояльности.

Практическая значимость состоит в возможности использования разработанного инструментария органами государственной власти для адресного мониторинга социальной напряжённости и превентивного управления политическими рисками. На основе полученных результатов сформулированы следующие рекомендации:

1. Совершенствовать методику распределения федеральных трансфертов, включив в формулу расчёта наряду с бюджетной обеспеченностью индексы качества жизни и маркеры социальной напряжённости, что позволит превратить трансфертную политику в инструмент инвестиций в политическую стабильность.

2. Внедрить единые федеральные стандарты доступности базовых социальных услуг (здравоохранение, образование, культура) независимо от места проживания, минимизируя тем самым пространственное неравенство как источник политического риска.

3. Осуществлять регулярный мониторинг субъективного благополучия населения на региональном и муниципальном уровнях как ключевого опережающего индикатора политической лояльности и долгос-

рочной устойчивости государственности.

4. Разработать дифференцированные стратегии управления для регионов, идентифицированных в матрице рисков как «зоны внимания» и «зоны риска», с акцентом на молодёжную политику и программы сбережения человеческого капитала.

Ограничения исследования связаны с использованием преимущественно агрегированных данных Росстата по федеральным округам, что не позволяет в полной мере учесть внутрорегиональную дифференциацию (в частности, разрыв между городами-миллионниками и малыми городами в пределах одного субъекта РФ). Кроме того, в исследовании не учтены индикаторы цифрового неравенства и пространственной доступности социальных услуг, которые в современных условиях приобретают самостоятельное значение.

Перспективы дальнейших исследований включают: (1) апробацию разработанной системы маркеров в динамике на панельных данных субъектов РФ с применением эконометрических моделей панельной регрессии; (2) расширение методологии за счёт включения индикаторов цифрового неравенства, качества цифровой инфраструктуры и пространственной доступности социальных услуг; (3) разработку региональных индексов социально-политической устойчивости для использования в системах стратегического планирования; (4) сравнительный анализ выявленных закономерностей с практикой других многонациональных и пространственно-масштабных государств (Китай, Индия, Бразилия).

Подчёркиваем, что сбалансированная региональная политика, ориентированная на потребности населения и основанная на интеллектуальном мониторинге качества жизни, способна обеспечить долгосрочную устойчивость государственности, особенно в условиях продолжающихся внешних шоков и структурной трансформации национальной экономики.

Литература

1. Барматова С. П. Качество жизни как индикатор устойчивости социального развития в современном обществе: российский опыт // Мониторинг правоприменения. – 2024. – № 2 (51). – С. 95–100. – <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2024-2-95-100>. – EDN: RSTGJN.
2. Берендеева А. Б., Ледяйкина И. И. Уровень и качество жизни населения как критерий социальной эффективности проектного управления в регионах России // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2021. – № 2 (48). – С. 42–55. – EDN: MXSZDY.
3. Виноградов Н. С. Факторы, влияющие на региональную дифференциацию в сфере повышения качества жизни населения // Самоуправление. – 2024. – № 2 (141). – С. 42–44. – EDN: LCALBT.
4. Диагностика качества жизни населения как основного фактора устойчивости региональной экономики / А. В. Пархоменко [и др.] // Russian Economic Bulletin. – 2021. – Т. 4, № 5. – С. 133–138. – EDN: EVMMBP.
5. Дьякович М. П. Качество жизни как показатель устойчивости социально-экологических систем // Современные технологии и научно-технический прогресс. – 2021. – № 8. – С. 254–255. – EDN: QKKQHS.
6. Жавронков А. В. Технологии минимизации политических рисков как фактор обеспечения социально-политической стабильности России // Политконсультант. – 2021. – Т. 1, № 3. Порядковый номер 1. – EDN: QYHDGB.

7. Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 226–234. – <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>. – EDN: EVVYVQ.
8. Кондратьева А. Д. Региональная дифференциация российских регионов: социально-экономические и управленческие аспекты // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 9–1. – С. 387–395. – <https://doi.org/10.34670/AR.2025.44.88.041>. – EDN: UGVKJQ.
9. Новикова Н. В., Лысенко А. А. Социально-экономическая дифференциация регионов России: основные тенденции и факторы формирования // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2023. – № 4 (76). Порядковый номер 46. – EDN: KDRHFB.
10. Проказина Н. В., Алексеенко А. А., Каира Ю. В. Дифференциация качества жизни населения в региональном пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 509–526. – <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-509-526>. – EDN: LUTUNB.
11. Решетникова Е. Г. Региональная дифференциация уровня жизни: вызовы времени // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 108–122. – <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.6>. – EDN: ZWSQUP.
12. Симонова М. М., Бутырина С. А., Попова А. В. Социально-политические детерминанты повышения качества образования в современной России // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2020. – № 5. – С. 52–57. – <https://doi.org/10.20339/AM.05-20.052>. – EDN: AXONEA.
13. Спиридонов С. П., Штанько О. П. Проблемы измерения региональной дифференциации уровня и качества жизни населения // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2022. – № 2 (84). – С. 106–114. – <https://doi.org/10.17277/voprosy.2022.02. pp.106-114>. – EDN: QYIORV.
14. Сурскова Е. С. Качество жизни как обобщающая идея и комплексная мера эффективности управления региональным социально-экономическим развитием // Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. – 2021. – № 1 (30). – С. 17–34. – EDN: FQDYTV.
15. Штанько О. П. Анализ дифференциации уровня и качества жизни населения в Центральном федеральном округе // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 12. – С. 6463–6472. – <https://doi.org/10.18334/epp.13.12.120068>. – EDN: FKMHYW.

References

1. Barmatova, S. P. (2024) [Quality of Life as an Indicator of Sustainability of Social Development in Modern Society: Russian Experience]. *Monitoring pravoprimereniya* [Monitoring of Law Enforcement]. Vol. 2 (51), pp. 95–100. – <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2024-2-95-100>. (In Russ.).
2. Berendeyeva, A. B., Ledyaykina, I. I. (2021) [Standard and Quality of Life of the Population as a Criterion of Social Efficiency of Project Management in the Regions of Russia]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Ivanovo State University. Series: Economy]. Vol. 2 (48), pp. 42–55. (In Russ.).
3. Vinogradov, N. S. (2024) [Factors influencing regional differentiation in improving the quality of life of the population]. *Samoupravleniye* [Self-government]. Vol. 2 (141), pp. 42–44. (In Russ.).
4. Parkhomenko, A.V., et al. (2021) [Diagnostics of the quality of life of the population as the main factor in the sustainability of the regional economy]. *Russian Economic Bulletin* [Russian Economic Bulletin]. Vol. 4. No. 5, pp. 133–138. (In Russ.).
5. Dyakovich, M. P. (2021) [Quality of life as an indicator of the sustainability of socio-ecological systems]. *Sovremennyye tekhnologii i nauchno-tekhnicheskii progress* [Modern technologies and scientific and technical progress]. Vol. 8, pp. 254–255. (In Russ.).
6. Zhavronkov, A. V. (2021) [Technologies for minimizing political risks as a factor in ensuring socio-political stability in Russia]. *Politkonsul'tant* [Political consultant]. Vol. 1. No. 3. Serial number 1. (In Russ.).
7. Zubarevich, N. V. (2022) [Regions of Russia in the new economic conditions]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. Vol. 3 (55), pp. 226–234. – <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>. (In Russ.).
8. Kondratieva, A. D. (2025) [Regional differentiation of Russian regions: socio-economic and managerial aspects]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economy: yesterday, today, tomorrow]. Vol. 15. No. 9–1, pp. 387–395. – <https://doi.org/10.34670/AR.2025.44.88.041>. (In Russ.).
9. Novikova, N. V., Lysenko, A. A. (2023) [Socio-economic differentiation of Russian regions: main trends and factors of formation]. *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional Economy and Management: electronic scientific journal]. Vol. 4 (76). Serial number 46. (In Russ.).
10. Prokazina, N. V., Alekseenok, A. A., Kaira, Yu. V. (2020) [Differentiation of the quality of life of the population

in the regional space]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]. Vol. 20. No. 3, pp. 509–526. – <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-509-526>. (In Russ.).

11. Reshetnikova, E. G. (2021) [Regional differentiation of living standards: challenges of the time]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territorial development]. Vol. 25. No. 1, pp. 108–122. – <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.6>. (In Russ.).

12. Simonova, M. M., Butyrina, S. A., Popova, A. V. (2020) [Socio-political determinants of improving the quality of education in modern Russia]. *Alma Mater (Vestnik vysshey shkoly)* [Alma Mater (Higher School Bulletin)]. Vol. 5, pp. 52–57. – <https://doi.org/10.20339/AM.05-20.052>. (In Russ.).

13. Spiridonov, S. P., Shtanko, O. P. (2022) [Problems of measuring regional differentiation of the level and quality of life of the population]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* [Issues of modern science and practice. Vernadsky University]. Vol. 2 (84), pp. 106–114. – <https://doi.org/10.17277/voprosy.2022.02.pp.106-114>. (In Russ.).

14. Surskova, E. S. (2021) [Quality of life as a generalizing idea and a comprehensive measure of the effectiveness of regional socio-economic development management]. *Mezhdunarodnyy elektronnyy zhurnal. Ustoychivoye razvitiye: nauka i praktika* [International electronic journal. Sustainable development: science and practice]. Vol. 1 (30), pp. 17–34. (In Russ.).

15. Shtanko, O. P. (2023) [Analysis of the Differentiation of the Standards and Quality of Life of the Population in the Central Federal District]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economy, Entrepreneurship and Law]. Vol. 13. No. 12, pp. 6463–6472. – <https://doi.org/10.18334/epp.13.12.120068>. (In Russ.).

Информация об авторе:

Вера Анатольевна Гневашева, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0002-3596-661X, **SPIN-код:** 9169-9504, **AuthorID:** 298524

e-mail: vera_cos@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 06.06.2026; принята в печать: 17.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Vera Anatolyevna Gnevasheva, Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher at the Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0002-3596-661X, **SPIN code:** 9169-9504, **AuthorID:** 298524

e-mail: vera_cos@rambler.ru

The paper was submitted: 06.06.2026.

Accepted for publication: 17.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ПРОТОКОЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ В DeFi

Е. И. Дюдикова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
e-mail: ekidyudikova@fa.ru

Аннотация. В статье исследуется специфика поведения субъектов DeFi как формы экономического действия, возникающей в программируемой среде смарт-контрактов, распределенной инфраструктуры и сетевого управления. Исходная исследовательская проблема состоит в недостаточности трактовки пользователя DeFi исключительно как инвестора или потребителя цифрового финансового продукта, поскольку его действия одновременно включают управление ключами, интерпретацию протокольных правил, оценку ликвидности, работу с социальными сигналами и принятие необратимых транзакционных последствий. Цель заключается в разработке модели поведенческих паттернов субъектов DeFi и выявлении логики переходов между ними с учетом операционной автономии, композиционной риск-экспозиции и режимов посредничества. Методологическую основу составляют системный подход, сравнительно-институциональный анализ, структурно-функциональное моделирование, классификация и положения поведенческих финансов. В исследовании обоснована категория протокольной субъектности, раскрывающая сочетание автономии, зависимости и распределенной ответственности в децентрализованных финансах. Предложена типология восьми паттернов DeFi-поведения: делегированно-валидационного, операционно-суверенного, управленчески-протокольного, сигнально-имитационного, защитно-миграционного, доходностно-экспансионного, ликвидностно-композиционного и арбитражно-алгоритмического. Показано, что указанные паттерны не являются фиксированными типами пользователей, а выступают динамическими режимами действия, между которыми возможны прогрессивные, защитные, имитационные и институциональные переходы. Научная новизна результатов выражается в переходе от статической классификации участников к анализу конфигураций действия, формируемых на пересечении технологических ограничений, экономических стимулов и социального подтверждения. Особое внимание уделено ограниченности прямой интерпретации ончейн-данных: транзакционные следы фиксируют структуру действий, но не раскрывают мотивацию, уровень компетентности и источники доверия. Делается вывод о необходимости анализа DeFi-поведения через конфигурацию протокольного понимания, операционного контроля, социальных эвристик и институциональной неопределенности.

Ключевые слова: децентрализованные финансы, композиционный риск, операционная автономия, поведенческие паттерны, посредничество, протокольная субъектность, распределенный реестр, смарт-контракт, финансовое поведение.

Для цитирования: Дюдикова Е. И. Протокольная субъектность в DeFi // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 33–45. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-33>.

Original article

PROTOCOL AGENCY IN DeFi

E. I. Dyudikova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
e-mail: ekidyudikova@fa.ru

Abstract. The article examines the specific features of DeFi actors' behavior as a form of financial action emerging within the programmable environment of smart contracts, distributed infrastructure, and network governance. The initial research problem lies in the insufficiency of interpreting the DeFi user solely as an investor or consumer of a digital financial product, since their actions simultaneously involve key management, interpretation of protocol rules, assessment of liquidity, engagement with social signals, and acceptance of irreversible transactional consequences. The aim of

the study is to develop a model of behavioral patterns among DeFi actors and to identify the logic of transitions between them, taking into account operational autonomy, compositional risk exposure, and modes of intermediation. The methodological framework comprises the systems approach, comparative institutional analysis, structural-functional modelling, classification, and the principles of behavioral finance. The study substantiates the category of protocol-based agency, which reveals the combination of autonomy, dependency, and distributed responsibility in decentralized finance. It proposes a typology of eight patterns of DeFi behavior: delegated-validational, operationally sovereign, governance-protocol, signal-imitative, defensive-migratory, yield-expansionary, liquidity-compositional, and arbitrage-algorithmic. The article shows that these patterns are not fixed user types but dynamic modes of action, between which progressive, defensive, imitative, and institutional transitions are possible. The scientific novelty of the results consists in moving beyond a static classification of participants toward an analysis of configurations of action formed at the intersection of technological constraints, economic incentives, and social validation. Particular attention is paid to the limitations of directly interpreting on-chain data: transactional traces record the structure of actions, but do not disclose motivation, competence level, or sources of trust. The article concludes that DeFi behavior must be analyzed through the configuration of protocol understanding, operational control, social heuristics, and institutional uncertainty.

Key words: *decentralized finance, composability risk, operational autonomy, behavioral patterns, intermediation, protocol agency, distributed ledger, smart contract, financial behavior.*

Cite as: Dyudikova, E. I. (2026) [Protocol agency in DeFi]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 33–45. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-33>.

Введение

Децентрализованные финансы (DeFi) сформировали самостоятельный контур финансового поведения, в котором доступ к финансовым услугам, учет прав, расчеты, исполнение обязательств и отдельные функции контроля переносятся из организационно-иерархической среды финансового посредника в программируемую среду смарт-контрактов [4; 14; 15]. В отличие от дистанционного банковского обслуживания, где цифровой интерфейс преимущественно расширяет канал взаимодействия клиента с банком, DeFi меняет саму структуру экономического действия: пользователь взаимодействует не с организацией как единым носителем ответственности, а с протоколом, состоящим из формализованных правил, экономических стимулов, инфраструктурных зависимостей и технических ограничений [1; 3; 12].

Такой подход порождает особый тип финансовой субъектности. Участник DeFi одновременно оценивает ожидаемую доходность, безопасность приватного ключа, надежность пользовательского интерфейса, маршрут транзакции, величину комиссии, устойчивость оракула, глубину ликвидности, риски межсетевых мостов, последствия делегирования валидатору, параметры управления DAO и вероятность регуляторного вмешательства. Следовательно, действие пользователя перестает быть только инвестиционным решением. Оно приобретает характер социально-технического акта, в котором экономический расчет соединяется с цифровой самозащитой, инфраструктурной грамотностью, интерпретацией публичных сигналов и готовностью принять необратимость транзакционного результата.

Исследовательская проблема заключается в том, что значительная часть работ о DeFi сосредоточена на

архитектуре протоколов, типологии сервисов, рисках финансовой стабильности, правовом статусе криптоактивов и механизмах защиты инвесторов [7; 8; 13]. Эти направления необходимы, однако они не объясняют, почему одна и та же технологическая возможность порождает разные режимы действия: суверенное хранение активов, делегированную валидацию, доходностную экспансию, алгоритмический арбитраж, номинальное протокольное управление, защитную миграцию или имитационное следование ончейн-сигналам.

Объектом исследования выступает поведение субъектов DeFi как совокупность повторяющихся практик взаимодействия с протоколами, инфраструктурой и социальными каналами криптоэкосистемы. Предметом являются поведенческие паттерны, через которые участники распределяют контроль, доверие и риск в условиях программируемого исполнения операций. Цель исследования состоит в разработке модели поведенческих паттернов субъектов DeFi и выявлении логики переходов между ними в зависимости от уровня операционной автономии, композиционной риск-экспозиции и режима посредничества. Рабочая гипотеза состоит в том, что поведение субъектов DeFi определяется не только отношением к риску или ожиданием доходности, но и конфигурацией операционных навыков, источников доверия, протокольного понимания, социальной верификации и институциональной неопределенности. Научная новизна заключается в переосмыслении DeFi-пользователя как носителя протокольной субъектности. Такой подход позволяет отказаться от редукции участника DeFi к роли инвестора или потребителя цифрового финансового продукта и рассматривать его как актора, чьи действия одновременно изменяют состояние смарт-контрактов,

распределение ликвидности, параметры управления, информационные ожидания и конфигурацию рисков. В отличие от типологий, основанных на психологическом профиле инвестора, предлагаемая модель опирается на наблюдаемые признаки взаимодействия с протоколами и на интерпретацию условий, в которых эти признаки приобретают поведенческий смысл.

Теоретико-методологические основы исследования DeFi-поведения

DeFi целесообразно рассматривать не как набор обособленных финансовых приложений на технологии распределенного реестра (DLT), а как социально-техническую финансовую среду. В нее входят смарт-контракты, web3-кошельки, валидаторы, оракулы, межсетевые мосты, пулы ликвидности, автоматизированные маркетмейкеры (AMM), агрегаторы, фронтенды, аналитические платформы, децентрализованные автономные организации (DAO), аудиторы, разработчики, репутационные базы, правовые ожидания и медианарративы. Технологическая архитектура DeFi создает возможность прямого программируемого исполнения, однако реальное поведение пользователя формируется в более сложной системе, где технические возможности взаимодействуют с экономическими стимулами и социальными механизмами доверия.

Исследования DeFi подчеркивают открытость, интероперабельность и программируемость протоколов [2; 5; 16]. Регуляторные и надзорные документы, напротив, фиксируют уязвимости, связанные с киберрисками, концентрацией управления, недостаточной правовой определенностью, ликвидностными разрывами и возможностью передачи шоков между взаимосвязанными протоколами [9; 15]. Для анализа поведения субъектов DeFi эти подходы должны быть дополнены поведенческими финансами, поскольку пользователь действует в условиях ограниченной рациональности, неполной информации, эвристик доверия и социального подтверждения [6; 10; 11].

Методологическая позиция исследования основана на разграничении ончейн-следа и субъектной мотивации. Ончейн-данные позволяют наблюдать адрес, транзакцию, контракт, объем, время, комиссию, маршрут, взаимодействие с протоколом, изменение баланса и факт участия в голосовании. Однако они не раскрывают намерения пользователя, уровень его компетентности, субъективную оценку риска, доверие к интерфейсу, понимание параметров смарт-контракта и влияние социальных сигналов. Таким образом, интерпретация DeFi-поведения должна соединять цифровые следы с моделью, учитывающей технические, экономические, институциональные и социально-психологические источники действия.

В ходе исследования применялись системный подход, сравнительно-институциональный анализ, структурно-функциональное моделирование, классификация и элементы поведенческих финансов. Системный подход позволяет представить DeFi как многоуровневую среду взаимозависимых элементов. Сравнительно-институциональный анализ необходим для сопоставления банковской модели делегированного доверия и DeFi-модели распределенной ответственности. Структурно-функциональное моделирование используется для выделения уровней формирования поведения и функций, которые выполняют протоколы, интерфейсы, валидаторы, сообщества и регуляторная среда.

Ограничение исследования связано с высокой изменчивостью криптоэкосистемы. Конкретные протоколы, показатели общей заблокированной стоимости (TVL), уровни доходности, модели вознаграждения и доминирующие нарративы меняются быстрее, чем формируются устойчивые теоретические обобщения. Таким образом, объектом анализа являются не отдельные сервисы и не краткосрочные количественные показатели, а инвариантные режимы поведения, воспроизводимые в разных сегментах DeFi (предоставление ликвидности, кредитование, заимствование, стейкинг, фарминг, протокольное управление, арбитраж, миграция между сетями, реакция на инциденты).

Поведение в DeFi возникает как результат наложения уровней, указанных в таблице 1. Высокая доходность стимулирует участие только при приемлемой стоимости транзакций, достаточном доверии к протоколу, понятном интерфейсе и позитивной социальной верификации. Технически надежный протокол, напротив, может не привлекать пользователей при слабой репутации, низкой ликвидности, регуляторной неопределенности или негативных нарративах. Следовательно, модель DeFi-поведения должна учитывать не только экономическую рациональность, но и ограниченную компетентность пользователя, социальное опосредование доверия, интерфейсное конструирование выбора и институциональную неопределенность доверенной среды. Данный вывод формирует основание для введения категории протокольной субъектности.

Протокольная субъектность как категория анализа

Под субъектами DeFi понимаются акторы, действия которых изменяют состояние смарт-контрактов, распределение ликвидности, параметры управления и конфигурацию рисков. К ним относятся владельцы некастодальных web3-кошельков, поставщики ликвидности, заемщики, арбитражеры, валидаторы, держатели токенов управления, операторы оракулов, аудиторы, разработчики, агрегаторы, аналитические

Таблица 1. Методологическая структура исследования DeFi-поведения

Уровень	Наблюдаемые элементы	Методологическая проблема	Поведенческий механизм	Значение для модели
Инфраструктурный	DLT-сети, консенсус, RPC-узлы, индексы, web3-кошельки, агрегаторы, хранение данных	Формальная открытость DeFi не означает фактической доступности: комиссии, задержки, сложность web3-кошельков, зависимость от фронтендов создают операционный барьер	Пользователь оценивает техническую выполнимость действия (стоимость, скорость подтверждения, риск ошибки, надежность интерфейса, обратимость последствий)	Раскрывает операционную автономно как способность самостоятельно управлять ключами, разрешениями, маршрутом и техническими ограничениями среды
Протокольный	Смарт-контракты, АММ, пулы ликвидности, оракулы, межсетевые мосты, параметры залога, ликвидационные триггеры	Открытость кода не тождественна пониманию экономических последствий; аудит снижает, но не устраняет неопределенность	Доверие переносится на код, историю исполнения, репутацию команды, аудит и наблюдаемую устойчивость работы	Разграничивает проверяемое доверие и понимание риска; показывает зависимость поведения от способности интерпретировать правила протокола
Экономический	Доходность, комиссии, проскальзывание, ликвидность, волатильность, доступ к капиталу, штрафы, налоги	Доходность может маскировать ликвидностные, протокольные и поведенческие риски	Решение принимается под влиянием ожидаемой доходности, краткосрочных стимулов, FOMO, неполного учета цены позиции	Вводит позиционный риск как наложение рыночной волатильности, ограничений ликвидности, узвимостей протокола и изменчивости стимулов
Социально-поведенческий	DAO, форумы, чаты, публичные адреса, рейтинги, TVL, аудит, инфлюенсеры, сетевые эффекты, конформизм	Избыток сигналов не устраняет асимметрию знаний и может создавать иллюзию контролируемого риска	Пользователь применяет внешние маркеры надежности и часто замещает самостоятельный анализ социальным подтверждением	Позволяет включить в типологию сигнально-имитационное поведение, социальное подтверждение, сетевое копирование и делегированное участие
Институциональный	Правовой статус, надзор, комплаенс, санкционные риски, налоговый режим, судебная практика	Ответственность фрагментирована между пользователем, протоколом, интерфейсом, разработчиками, DAO	Пользователь частично принимает на себя функции контроля, проверки, хранения и управления последствиями ошибки	Сопоставляет DeFi с банковской моделью делегированного доверия и выделяет режим самоуправляемого риска
Внешняя среда	Процентные ставки, рыночная ликвидность, киберриски, технологические обновления, общественное восприятие риска	Внутренние параметры протокола не объясняют поведение без учета макроэкономических и регуляторных условий	Участник адаптирует стратегию: повышает / снижает риск-экспозицию, мигрирует между сетями, усиливает поиск доходности или уходит в защиту	Вводится как контур косвенного влияния, объясняющий различие поведенческих реакций при одинаковых протокольных возможностях
Контур обратной связи	Повторные транзакции, миграция ликвидности, отзыв разрешений, выход из позиций, реакция на инциденты	DeFi-поведение не является статичным: один субъект может переходить между режимами участия	Действие формируется через цикл «действие – результат – интерпретация – адаптация»	Позволяет строить динамическую типологию, учитывающую переходы между режимами участия и изменение протокольной субъектности во времени

Источник: разработано автором

сообщества, институциональные наблюдатели и регуляторы. Их объединяет публичная фиксация значимых действий: операция становится ончейн-сигналом и включается в ожидания других участников.

Протокольная субъектность определяется как способность экономического агента действовать в среде, где доступ, исполнение и распределение результата формализованы в коде, а доверие основано на проверяемых данных, репутации, интерфейсном посредничестве и сетевом управлении. Эта категория описывает не абстрактную автономию, а практическое сочетание контроля над ключом, понимания правил протокола, оценки ликвидности, ограничения разрешений, интерпретации публичных сигналов и учета институциональных последствий.

В классическом банкинге клиент инициирует операцию, но учет, контроль исполнения, комплаенс, защита от мошенничества и работа с претензиями выполняются институтом-посредником. В DeFi адрес напрямую вызывает функцию смарт-контракта, а результат фиксируется в распределенном реестре [14]. Пользователь принимает на себя часть функций, которые в банкинге делегированы посреднику: проверку контрагента и условий операции, выбор маршрута, настройку комиссии, контроль разрешений, хранение ключей и управление последствиями ошибки.

Посредничество при этом не исчезает. Оно перераспределяется между кодом, интерфейсами, агрегаторами, оракулами, валидаторами, аудиторами, аналитическими сервисами и социальными каналами. Возникает режим замещенного посредничества: субъект формально действует автономно, но фактически опирается на UX-подсказки, рейтинги, репутацию команды, историю аудитов, поведение крупных адресов и рекомендации сообщества. В этом режиме юридико-техническая возможность самостоятельного действия не совпадает с реальным уровнем пользовательского контроля.

Протокольная субъектность включает пять взаимосвязанных компонентов: (1) операционный контроль, т.е. способность управлять ключами, разрешениями, сетью, маршрутом и стоимостью транзакции; (2) протокольная интерпретация, связанная с пониманием логики смарт-контракта, параметров залога, ликвидационных условий, роли оракулов и ограничений ликвидности; (3) оценка композиционного риска, возникающего при наложении нескольких протоколов и инфраструктурных зависимостей; (4) критическая работа с социальными сигналами, включая TVL, аудит, рейтинги, публичные адреса и позицию инфлюенсеров; (5) институциональная ориентация, предполагающая учет правового статуса, налоговых последствий, санкционных ограничений и возможной ответственности.

Так, многоуровневая логика формирования DeFi-

поведения отражена на рисунке 1. Инфраструктурный уровень задает техническую доступность действия; протокольный уровень переводит финансовые условия в алгоритмически исполняемые правила; экономический уровень формирует стимулы и цену участия; социально-поведенческий уровень определяет контур интерпретации; институциональный уровень ограничивает допустимые формы участия. Поведенческий результат возникает в центре данной конфигурации и затем через обратную связь изменяет будущую стратегию пользователя.

Протокольная субъектность не может трактоваться как линейная шкала пользовательской зрелости. Высокая самостоятельность в управлении web3-кошельком и маршрутами транзакций не снижает риск автоматически, если она не сопровождается проверкой протокольных параметров, оценкой ликвидности, управлением разрешениями и дисциплиной выхода из позиции. Аналогично участие в DAO не свидетельствует само по себе о содержательной вовлеченности, если голосование является механическим, делегированным без последующего контроля или синхронизированным с позицией крупных держателей токенов управления.

Типология поведенческих паттернов субъектов DeFi

Поведенческий паттерн в DeFi можно определить как относительно стабильную конфигурацию практик, включающую способы взаимодействия с протоколами, источники доверия, механизмы оценки риска, формы операционного контроля и способы адаптации к изменению рыночной, технологической и институциональной среды.

В отличие от классических типологий инвесторов, основанных главным образом на отношении к риску, инвестиционном горизонте или структуре предпочтений, DeFi-типология должна учитывать операционные признаки: способ хранения ключей, управление разрешениями, выбор сети, настройку комиссий, использование агрегаторов, миграцию ликвидности, участие в пулах, делегирование валидаторам, голосование в DAO, реакцию на инциденты и зависимость от внешних сигналов. Выделение паттернов, представленных в таблице 2, не означает жесткую классификацию пользователей. Один и тот же субъект может переходить между режимами поведения в зависимости от рыночной фазы, размера капитала, накопленного опыта, волатильности, изменения комиссий, появления уязвимостей, новых стимулов или усиления регуляторной неопределенности. Таким образом, типология описывает не фиксированные социальные группы, а воспроизводимые режимы действия, которые могут сочетаться в рамках одной стратегии.

Рисунок 1. Многоуровневая логика формирования DeFi-поведения

Источник: составлено автором

Таблица 2. Типология поведенческих паттернов субъектов DeFi

Паттерн	Наблюдаемые признаки	Доминирующая логика действия	Ключевая уязвимость
Делегированно-валидационный	Стейкинг через валидаторов или протоколы ликвидного стейкинга; выбор оператора по доходности, комиссии, репутации и объему делегирования	Получение дохода при снижении самостоятельной операционной нагрузки	Слэшинг, концентрация валидаторов, риск оператора, неполное понимание делегированных обязательств
Операционно-суверенный	Самостоятельное хранение ключей; проверка разрешений; тестовые транзакции; отдельные web3-кошельки; осторожное взаимодействие с новыми контрактами	Сохранение контроля над криптоактивами и минимизация необратимых операционных ошибок	Автономия не исключает неверной интерпретации протокольных параметров и рыночных условий
Управленчески-протокольный	Удержание токенов управления; голосование; делегирование голосов; обсуждение параметров риска, стимулов и казначейства	Влияние на распределение стимулов и развитие протокола	Номинальное участие, концентрация голосов, конфликт интересов, зависимость от крупных держателей
Сигнально-имитационный	Следование TVL, аудиторам, рейтингам, публичным адресам, инфлюенсерам и социальным сигналам без самостоятельной проверки	Снижение неопределенности через внешнее подтверждение	Иллюзия контроля, запаздывающий вход, уязвимость к манипулятивным нарративам и имитационному поведению
Защитно-миграционный	Выход из позиций после инцидентов; перевод активов в стейблкоины; отзыв разрешений; переход между сетями; сокращение экспозиции	Сохранение капитала и снижение операционной нагрузки при росте неопределенности	Издержки миграции, риск преждевременного выхода, зависимость от межсетевых мостов и доступной ликвидности
Доходностно-экспансионный	Поиск высоких APR/APY; фарминг; частая миграция между пулами; участие в программах стимулов и аирдропов	Максимизация доходности в краткосрочном горизонте	Недооценка временной нестабильности стимулов, комиссий, проскальзывания, налоговых и протокольных рисков
Ликвидностно-композиционный	Одновременное использование кредитования, пулов ликвидности, стейкинга, рестейкинга, деривативов, межсетевых мостов и агрегаторов	Повышение эффективности капитала через наложение протоколов	Композиционный риск (зависимость позиции от нескольких контрактов, оракулов, межсетевых мостов и рыночных условий)
Арбитражно-алгоритмический	Боты, мониторинг мемпула, флеш- займы, автоматизированное исполнение, конкуренция за приоритет транзакции	Извлечение прибыли из ценовых несоответствий и временных задержек	Технологическая конкуренция, MEV, риск неисполнения, рост комиссий, правовая неопределенность

Источник: составлено автором

Делегированно-валидационный паттерн демонстрирует, что DeFi не устраняет делегирование, а меняет его институциональную форму. Пользователь передает часть контроля валидатору, оператору ликвидного стейкинга, провайдеру инфраструктуры, управляющему интерфейсу или иному специализированному посреднику. Такое поведение снижает техническую нагрузку и делает участие доступнее, но одновременно переносит риск на «качество» выбранного оператора. В отличие от банковского делегирования, ответственность здесь менее централизована: пользователь сохраняет формальное право выбора, но не всегда обладает знаниями для оценки операционного риска валидатора, устойчивости протокола и последствий слэшинга.

Операционно-суверенный паттерн выражает базовую форму протокольной субъектности. Его носитель не ограничивается покупкой токена или использованием интерфейса, а стремится контролировать ключевые параметры действия (приватный ключ, разрешения смарт-контрактов, сеть, маршрут транзакции, величину комиссии, доступный размер позиции). Для этого режима характерны тестовые транзакции, разделение кошельков по функциям, регулярный отзыв разрешений, использование аппаратного хранения и осторожное взаимодействие с новыми контрактами. Его рациональность заключается не в максимизации доходности, а в сохранении контроля над условиями исполнения.

Управленчески-протокольный паттерн связан

с участием в DAO и голосованием по параметрам протокола. Его содержательная форма предполагает анализ предложений, оценку последствий для ликвидности, безопасности, токеномики и распределения стимулов. Номинальная форма проявляется в механическом голосовании, делегировании без последующего контроля или следовании позиции крупных держателей токенов управления. Таким образом, наличие токена управления не создает автоматически реального участия в управлении, а публичность голосования не устраняет концентрацию влияния и конфликт интересов между различными группами участников.

Сигнально-имитационный паттерн возникает при высокой информационной насыщенности и ограниченной компетентности пользователя. Аудит, TVL, активность сообщества, публичные адреса, рейтинги, дашборды и мнения инфлюенсеров становятся эвристическими индикаторами надежности. В умеренной форме такие сигналы помогают снизить неопределенность и ускорить предварительный отбор протоколов. В чрезмерной форме они превращаются в механизм имитационного поведения: пользователь входит в позицию после социального подтверждения, но без самостоятельного понимания технических и экономических параметров. Ончейн-прозрачность может усиливать имитацию: наблюдаемость действий крупных адресов не означает знания их мотивов, горизонта инвестирования, хеджирующих позиций и допустимого уровня риска.

Защитно-миграционный паттерн проявляется после убытков, эксплоитов, изменения комиссий, ухудшения ликвидности, снижения доверия к протоколу и роста регуляторной неопределенности. Пользователь сокращает риск-экспозицию, переводит активы в более устойчивые инструменты, отзывает разрешения, распределяет позиции по сетям или выходит из протокола. Данный паттерн фиксирует адаптивность DeFi-поведения (субъект может не покинуть экосистему полностью, а изменить уровень автономии, глубину участия и допустимую сложность стратегии).

Доходностно-экспансионный паттерн формируется вокруг поиска повышенной доходности. Пользователь реагирует на стимулы протоколов, программы распределения токенов, новые пулы ликвидности, аирдропы и краткосрочные нарративы. Такой режим усиливается в фазах рыночного роста, когда положительный опыт снижает субъективно воспринимаемую вероятность потерь. Поведенчески он связан с переоценкой устойчивости доходности, недоучетом комиссий и проскальзывания, а также с восприятием высокой процентной ставки / доходности (APR / APY) как признака качества протокола, а не как компенсации за совокупный риск.

Ликвидностно-композиционный паттерн отражает использование DeFi как системы взаимосвязанных фи-

нансовых модулей. Один актив может одновременно выступать обеспечением по займу, источником дохода в пуле ликвидности, базой для стейкинга, элементом деривативной позиции или объектом кроссчейн-перемещения. При такой стратегии повышается эффективность капитала, однако риск перестает быть локализованным в пределах одного протокола. Ошибка оракула, снижение ликвидности, изменение параметров залога, сбой межсетевых мостов или резкое изменение цены способны распространиться на всю позицию. Данный паттерн требует оценки не отдельного протокола, а совокупной цепочки зависимостей.

Арбитражно-алгоритмический паттерн отличается высокой технической интенсивностью. Субъект использует автоматизированное исполнение, мониторинг ценовых несоответствий, флеш-займы, оптимизацию комиссий и конкуренцию за порядок включения транзакции в распределенный реестр. В данном режиме DeFi сближается с инфраструктурой рынков с высокой интенсивностью торговых операций, но сохраняет специфические особенности (публичность мемпула, программируемость сделок, атомарность сложных маршрутов, зависимость результата от приоритета транзакции). Риск состоит в быстром обесценивании технологического преимущества вследствие конкуренции, изменения правил сети или повышения стоимости исполнения.

Представленная типология показывает, что DeFi-поведение не сводится к выбору между высоким и низким риском. Оно формируется как конфигурация операционных навыков, протокольного понимания, реакции на стимулы, доверия к инфраструктуре, социального подтверждения и адаптации к внешним ограничениям. В этом отношении поведенческие паттерны следует рассматривать как динамические режимы протокольной субъектности, в которых автономия пользователя одновременно расширяет пространство экономического действия и увеличивает объем индивидуальной ответственности за последствия выбранной стратегии.

Интегральная модель динамики и адаптации паттернов

Статическое описание паттернов недостаточно для объяснения пользовательских стратегий. Поведение участников DeFi формируется в результате одновременного воздействия операционной автономии, композиционной риск-экспозиции, рыночных стимулов, протокольных ограничений, социальных сигналов и институционального давления. Таким образом, паттерны следует рассматривать как динамические позиции в пространстве DeFi-действия, а не как неизменные характеристики пользователя, представленные на рисунке 2.

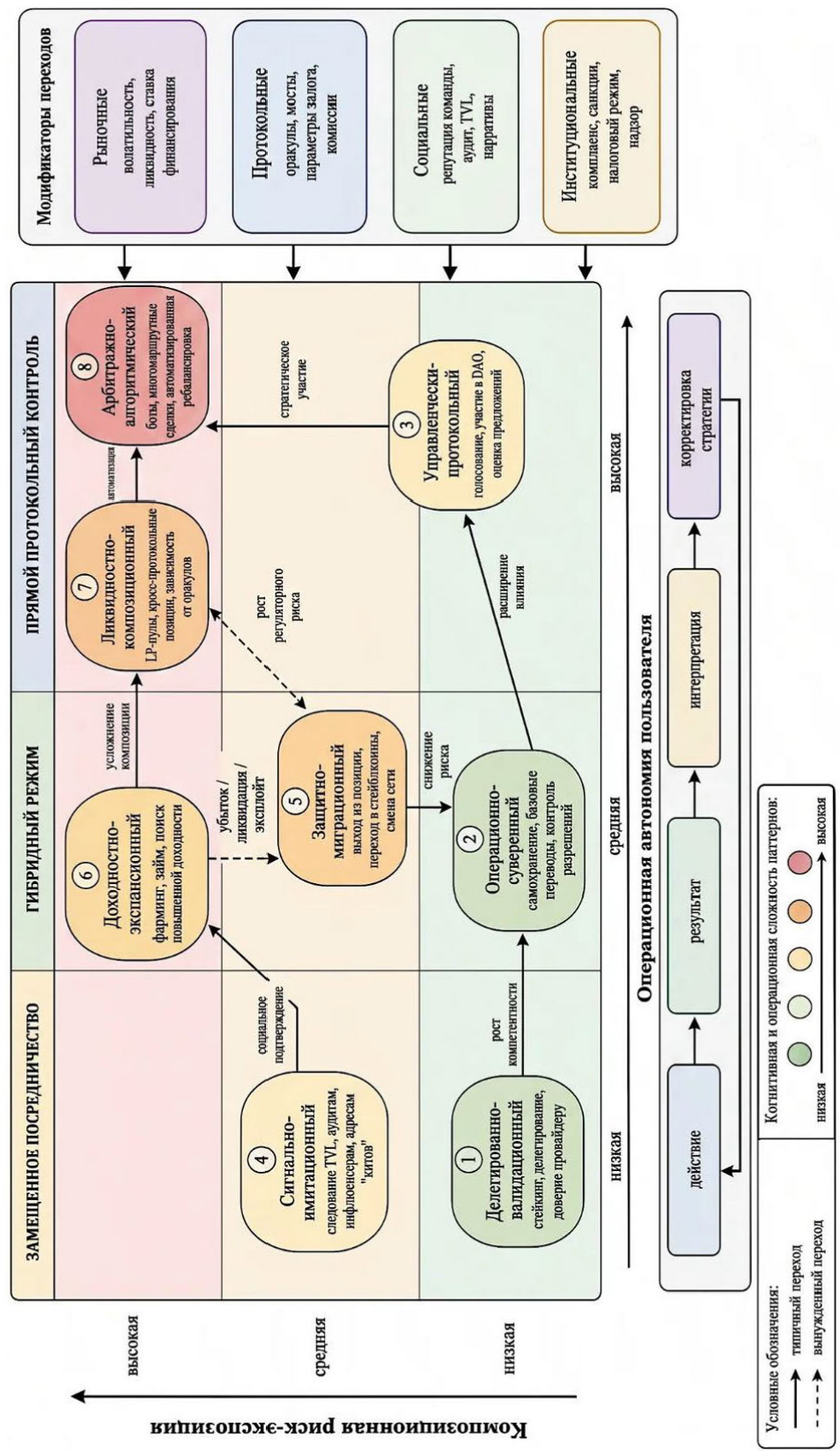

Рисунок 2. Матрица динамического расположения поведенческих паттернов субъектов DeFi

Примечание – Типичный переход между паттернами отражает постепенное накопление компетенций, расширение набора используемых инструментов и усложнение стратегий; вынужденный переход возникает под воздействием убытков, ликвидаций, эксплоитов, роста комиссий, санкционных ограничений, ухудшения ликвидности или снижения доверия к протоколу.

Источник: составлено автором

Первое аналитическое измерение – уровень операционной автономии. На одном полюсе находятся пользователи, которые преимущественно опираются на посредников, интерфейсы, рейтинги и социальные сигналы; на другом – участники, способные самостоятельно контролировать web3-кошельки, разрешения, маршруты транзакций, стратегии размещения капитала и протокольные параметры. Второе измерение – уровень композиционной риск-экспозиции: от простых операций с ограниченным числом зависимостей до сложных стратегий, включающих кредитование, ликвидность, стейкинг, деривативы, межсетевые мосты, оракулы, автоматизированное исполнение. Третье измерение – режим посредничества (замещенное посредничество, гибридный режим и прямой протокольный контроль).

Зона замещенного посредничества характеризуется тем, что пользователь формально взаимодействует с DeFi-инфраструктурой, однако фактически воспроизводит поведение, близкое к клиентскому отношению в традиционных финансовых системах. Здесь доминируют делегированно-валидационный и сигнально-имитационный паттерны¹. Автономия пользователя ограничена не отсутствием доступа, а зависимостью от внешней интерпретации риска.

Гибридный режим объединяет операционно-суверенный, защитно-миграционный и доходностно-экспансионный паттерны. Пользователь уже способен самостоятельно осуществлять базовые операции, контролировать разрешения, выбирать DLT-сеть и оценивать транзакционные издержки, но сохраняет зависимость от протокольных стимулов, интерфейсных подсказок и рыночных нарративов. Именно в этой зоне наиболее вероятны переходы от осторожного участия к усложнению стратегии. Успешный опыт взаимодействия с протоколами может повышать доверие к собственным навыкам, стимулируя переход к получению дохода за счет предоставления ликвидности, к стратегиям с использованием заемных средств, поиску повышенной доходности и межпротокольному сочетанию инструментов.

Зона прямого протокольного контроля включает управленческо-протокольный, ликвидностно-композиционный и арбитражно-алгоритмический паттерны. Для нее характерны высокая самостоятельность, техническая интенсивность и значительная зависимость результата от качества протокольной интерпретации. Пользователь не только взаимодействует с протоколом, но и способен влиять на параметры

управления, конструировать сложные позиции, использовать автоматизированные стратегии и учитывать инфраструктурные ограничения. Высокая автономия здесь не означает снижения риска. Напротив, возрастают вероятность композиционных потерь, технологической конкуренции, ошибок оракулов, ликвидационных каскадов, MEV-эффектов и регуляторной неопределенности.

Переходы между паттернами имеют несколько типовых траекторий. Прогрессивный переход связан с накоплением компетенций: субъект может перейти от делегированно-валидационного участия к операционно-суверенному режиму, затем к доходностно-экспансионной и далее к ликвидностно-композиционной стратегии. Защитный переход возникает под воздействием убытков, ликвидаций, эксплойтов, роста комиссий, ухудшения ликвидности или изменения правового режима. В этом случае пользователь сокращает позицию, отзывает разрешения, переходит в более простые инструменты или меняет сеть. Имитационный переход обусловлен социальным подтверждением и часто выражается в быстром входе в стратегию после действий публичных адресов или усиления медийного нарратива. Институциональный переход связан с изменением комплаенс-требований, санкционных режимов, налоговых ожиданий или ограничением доступа к интерфейсам. Динамика DeFi-поведения описывается как адаптационный цикл. Пользователь совершает действие, получает результат, интерпретирует его и корректирует стратегию. Положительный результат способен стимулировать расширение позиции и усложнение протокольной композиции; отрицательный – привести к снижению риска, делегированию, миграции или отказу от участия. Однако результат не всегда интерпретируется рационально: прибыль может усиливать чрезмерную уверенность, убыток – провоцировать компенсационный поиск более доходных стратегий, а социальное подтверждение – закреплять имитационный режим поведения. При этом важным свойством модели является ее нелинейность. Увеличение операционной автономии не обязательно снижает риск, а рост протокольной грамотности не устраняет влияние социальных сигналов. Пользователь может быть технически компетентным, но подверженным доходностной экспансии; может активно голосовать в DAO, но делегировать операционное исполнение; может сохранять ключи самостоятельно, но строить решения на рейтингах и нарративах. Таким образом, задача состоит не в присвоении

¹ В первом случае субъект передает часть функций контроля валидатору, провайдеру или иному оператору инфраструктуры; во втором – решение формируется под влиянием TVL, аудитов, публичных адресов, репутации команды, мнений инфлюенсеров и коллективных ожиданий.

пользователю одного устойчивого типа, а в реконструкции текущей конфигурации действия.

Отметим, что ключевое ограничение связано с псевдонимностью DeFi: адрес в DLT-сети не тождественен пользователю и может отражать индивидуальные, коллективные, кастодиальные или автоматизированные действия. Таким образом, поведенческие выводы должны основываться на совокупности транзакционной истории, событийного контекста, протокольной логики и качественных данных. Дополнительным ограничением выступает изменчивость протоколов, рыночных режимов и нормативной среды (одна и та же операция может иметь различный риск-профиль и правовое значение в разных условиях). В связи с этим предложенная типология рассматривается не как исчерпывающая классификация акторов, а как аналитический инструмент описания поведенческих паттернов и траекторий адаптации, не заменяющий правовую квалификацию конкретных операций.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать DeFi-поведение как особую форму экономического действия, возникающую на пересечении программируемого исполнения, распределенного доверия и сетевой координации. Субъект DeFi действует не только как держатель криптоактива или участник

сделки, но и как оператор собственного доступа, интерпретатор протокольных условий и носитель части ответственности за транзакционный результат. Выделенная категория протокольной субъектности фиксирует неоднородность пользовательского участия в децентрализованных финансах. Поведенческие паттерны формируются не по принципу устойчивых социальных типов, а как изменяемые режимы действия, зависящие от уровня операционного контроля, глубины понимания протокольной логики, характера доверия к DLT-инфраструктуре и воспринимаемой риск-экспозиции. Таким образом, DeFi-поведение описывается через динамику переходов между делегированием, автономным контролем, доходностным поиском, защитной миграцией, управленческим участием и композиционным усложнением стратегий. Полученные результаты показывают, что ончейн-активность не исчерпывает содержания финансового поведения в DeFi. Транзакционная прозрачность фиксирует последовательность действий, однако не раскрывает мотивационные основы, степень компетентности и источники доверия субъекта. Вследствие этого анализ DeFi требует учета не только наблюдаемых операций, но и институционального, технического и социально-поведенческого контекста, в котором эти операции приобретают экономический смысл.

Литература

1. Белова М. Т., Ризванова И. А. Влияние децентрализованных финансов на деятельность традиционных финансовых посредников // *Финансы: теория и практика*. – 2024. – Т. 28, № 6. – С. 143–153. – <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-6-143-153>. – EDN: FDXTPQ.
2. Варнавский А. В., Александров И. О. Новые экономические сети в инфраструктуре финансового рынка // *Экономика. Налоги. Право*. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 78–88. – <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-6-78-88>. – EDN: GPATBG.
3. Дюдикова Е. И. Контроль над активами в эпоху Web3: от банковских счетов к криптовалютным кошелькам // *Бизнес. Образование. Право*. – 2025. – № 2 (71). – С. 178–186. – <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2025.71.1331>. – EDN: PLJKOB.
4. Дюдикова Е. И. Метавселенная: от феномена социальной группы криптоэнтузиастов к базису нового мироустройства // *Общественные науки и современность*. – 2024. – № 6. – С. 7–24. – <https://doi.org/10.31857/S0869049924060016>. – EDN: JCBOTC.
5. Крылова Л. В. Возможность использования цифровых валют для трансграничных платежей в условиях санкций // *Финансы: теория и практика*. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 101–111. – <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-2-101-111>. – EDN: EZIYHG.
6. Масленников В. В., Ларионов А. В., Гагарина М. А. Факторы формирования типов финансового поведения экономических субъектов // *Финансы: теория и практика*. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 88–103. – <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-88-103>. – EDN: REIROB.
7. Морозко Н. И., Диденко В. Ю. Механизмы децентрализованного финансирования: проблемы и возможности // *Экономика. Налоги. Право*. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 63–72. – <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2025-18-1-63-72>. – EDN: GWSRSF.
8. Оленева О. Е., Акуликин С. С. Особенности налогообложения операций с цифровой валютой // *Экономика. Налоги. Право*. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 145–154. – <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-2-145-154>. – EDN: PKTKJQ.

9. Сидоренко Э. Л. Правовой статус децентрализованных финансов: к постановке проблемы // *Lex russica* (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 3 (196). – С. 87–99. – <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.196.3.087-099>. – EDN: YGIOTL.
10. Bikhchandani S., Hirshleifer D., Welch I. (1992) A Theory of Fads, Fashion, Custom, and Cultural Change as Informational Cascades. *Journal of Political Economy*. – Vol. 100. – No. 5, pp. 992–1026. – EDN: BNCMUB. (In Eng.).
11. Kahneman D., Tversky A. (1979) Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*. – Vol. 47. – No. 2, pp. 263–292. – <https://doi.org/10.2307/1914185>. (In Eng.).
12. Nguyen L. T. My., Nguyen Ph. T. (2024) Determinants of cryptocurrency and decentralized finance adoption – A configurational exploration. *Technological Forecasting and Social Change*. – Vol. 201, 123244. – <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2024.123244>. – EDN: ADHSSR. (In Eng.).
13. Puschmann T., Huang-Sui M. (2024) A taxonomy for decentralized finance. *International Review of Financial Analysis*. Vol. 92, 103083. – <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2024.103083>. – EDN: BQYQRT. (In Eng.).
14. Schär F. (2021) Decentralized Finance: On Blockchain- and Smart Contract- Based Financial Markets. Review – Federal Reserve Bank of St. Louis. – Vol. 103. – No. 2, pp. 153–174. – <https://doi.org/10.20955/r.103.153-74>. – EDN: YJPBRP. (In Eng.).
15. Schuler K., Cloots A. S., Schär F. (2024) On DeFi and On-Chain CeFi: How (Not) to Regulate Decentralized Finance. *Journal of Financial Regulation*. – Vol. 10. – No. 2, pp. 213–242. – <https://doi.org/10.1093/jfr/fjad014>. – EDN: KJGHTY. (In Eng.).
16. Weingärtner T., et al. (2023) Deciphering DeFi: A Comprehensive Analysis and Visualization of Risks in Decentralized Finance. *Journal of Risk and Financial Management*. – Vol. 16. – No. 10, pp. 454. – <https://doi.org/10.3390/jrfm16100454>. – EDN: UDSOMG. (In Eng.).

References

1. Belova, M. T., Rizvanova, I. A. (2024) [The Impact of Decentralized Finance on the Activities of Traditional Financial Intermediaries]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice]. Vol. 28. No. 6, pp. 143–153. – <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-6-143-153>. – EDN: FDXTQP. (In Russ.).
2. Varnavskiy, A. V., Aleksandrov, I. O. (2024) [New Economic Networks in the Financial Market Infrastructure]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, taxes & law]. Vol. 17. No. 6, pp. 78–88. – <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-6-78-88>. – EDN: GPATBG. (In Russ.).
3. Dyudikova, E. I. (2025) [Asset control in the Web3 era: transitioning from bank accounts to cryptocurrency wallets]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law]. No. 2 (71), pp. 178–186. – <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2025.71.1331>. – EDN: PLJKOB. (In Russ.).
4. Dyudikova, E. I. (2024) [The Metaverse: From the Phenomenon of a Social Group of Crypto Enthusiasts to the Basis of a New MetaSociety]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 6, pp. 7–24. – <https://doi.org/10.31857/S0869049924060016>. – EDN: JCBOTC. (In Russ.).
5. Krylova, L. V. (2024) [Digital Currencies in Cross-Border Payments: Use under Sanctions]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice]. Vol. 28. No. 2, pp. 101–111. – <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-2-101-111>. – EDN: EZIYHG. (In Russ.).
6. Maslennikov, V. V., Larionov, A. V., Gagarina, M. A. (2022) [Factors of Formation of Financial Behavior Types of Economic Entities]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice]. Vol. 26. No. 2, pp. 88–103. – <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-2-88-103>. – EDN: REIROB. (In Russ.).
7. Morozko, N. I., Didenko, V. Yu. (2025) [Mechanisms of Decentralized Financing: Challenges and Opportunities]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, taxes & law]. Vol. 18. No. 1, pp. 63–72. – <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2025-18-1-63-72>. – EDN: GWSRSF. (In Russ.).
8. Oleneva, O. E., Akulinkin, S. S. (2024) [Features of Taxation of Transactions with Digital Currency]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, taxes & law]. Vol. 17. No. 2, pp. 145–154. – <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-2-145-154>. – EDN: PKTKJQ. (In Russ.).
9. Sidorenko, E. L. (2023) [Legal Status of Decentralized Finance: Towards the Articulation of Issue]. *Lex russica (Russkiy zakon)* [Lex russica (Russian law)]. Vol. 76. No. 3 (196), pp. 87–99. – <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.196.3.087-099>. – EDN: YGIOTL. (In Russ.).
10. Bikhchandani, S., Hirshleifer, D., Welch, I. (1992) A Theory of Fads, Fashion, Custom, and Cultural Change as Informational Cascades. *Journal of Political Economy*. Vol. 100. No. 5, pp. 992–1026. – EDN: BNCMUB. (In Eng.).

11. Kahneman, D., Tversky, A. (1979) Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*. Vol. 47. No. 2, pp. 263–292. – <https://doi.org/10.2307/1914185>. (In Eng.).
12. Nguyen, L. T. My., Nguyen, Ph. T. (2024) Determinants of cryptocurrency and decentralized finance adoption – A configurational exploration. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 201, 123244. – <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2024.123244>. – EDN: ADHSSR. (In Eng.).
13. Puschmann, T., Huang-Sui, M. (2024) A taxonomy for decentralized finance. *International Review of Financial Analysis*. Vol. 92, 103083. – <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2024.103083>. – EDN: BQYQRT. (In Eng.).
14. Schär, F. (2021) Decentralized Finance: On Blockchain- and Smart Contract- Based Financial Markets. Review – *Federal Reserve Bank of St. Louis*. Vol. 103. No. 2, pp. 153–174. – <https://doi.org/10.20955/r.103.153-74>. – EDN: YJPBRP. (In Eng.).
15. Schuler, K., Cloots, A. S., Schär, F. (2024) On DeFi and On-Chain CeFi: How (Not) to Regulate Decentralized Finance. *Journal of Financial Regulation*. Vol. 10. No. 2, pp. 213–242. – <https://doi.org/10.1093/jfr/fjad014>. – EDN: KJGHTY. (In Eng.).
16. Weingärtner, T., et al. (2023) Deciphering DeFi: A Comprehensive Analysis and Visualization of Risks in Decentralized Finance. *Journal of Risk and Financial Management*. Vol. 16. No. 10, pp. 454. – <https://doi.org/10.3390/jrfm16100454>. – EDN: UDSOMG. (In Eng.).

Информация об авторе:

Екатерина Ивановна Дюдикова, доктор экономических наук, доцент Кафедры банковского дела и монетарного регулирования Финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0001-8126-6529, **ResearcherID:** AFQ-0043-2022, **Scopus Author ID:** 57214911620, **SPIN-код:** 9645-4674, **AuthorID:** 847862

e-mail: ekidyudikova@fa.ru

Статья поступила в редакцию: 22.06.2026; принята в печать: 17.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Ekaterina Ivanovna Dyudikova, Doctor of Economics, Associate Professor of the Department of Banking and Monetary Regulation, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0001-8126-6529, **ResearcherID:** AFQ-0043-2022, **Scopus Author ID:** 57214911620, **SPIN-code:** 9645-4674, **AuthorID:** 847862

e-mail: ekidyudikova@fa.ru

The paper was submitted: 22.06.2026.

Accepted for publication: 17.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Э. Р. Сагатгареев

Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Уфа, Россия
e-mail: eduard-sagatgareev@yandex.ru

Т. Н. Ларина

Оренбургский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Оренбург, Россия
e-mail: lartn.oren@mail.ru

Аннотация. В 2021–2024 гг. в России наблюдался ежегодный прирост объема инвестиций в основной капитал, в 2025 г. величина инвестиций сократилась на 2,3% (в сопоставимой оценке) к уровню предыдущего года. При этом структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования на протяжении последних лет была стабильной, доля инвестиций из местных бюджетов сохранялась на уровне немногим более 1%. С принятием в 2024 г. новой Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. подверглись корректировке принципы бюджетного финансирования инфраструктурных проектов, возросла роль органов местного самоуправления, локального сообщества и бизнеса в распределении инвестиционных потоков. В связи с этими обстоятельствами теоретико-методическое и информационно-аналитическое обеспечение принятия решений в инвестиционной сфере на муниципальном уровне требует совершенствования.

Авторами статьи поставлена цель – уточнить определение понятия «инвестиционный процесс в муниципальном образовании» и обосновать систему показателей оценки результатов инвестиционного процесса на муниципальном уровне. Задачи исследования: обобщить представленные в научной литературе трактовки понятия «инвестиционный процесс» и сформулировать авторское определение данного понятия с точки зрения муниципального уровня управления; выделить основные факторы повышения результативности инвестиционного процесса; сформировать систему показателей оценки результатов инвестиционного процесса в муниципальных образованиях.

Теоретические выводы сделаны по результатам критического анализа публикаций отечественных и зарубежных ученых. В статье использованы данные государственной статистики России о динамике и структуре инвестиций в основной капитал.

Научная новизна выражена в формулировке авторского определения понятия «инвестиционный процесс в муниципальном образовании», разработке системы показателей оценки результатов инвестиционного процесса, учитывающей стратегические цели развития муниципальных образований.

Результаты исследования вносят вклад в совершенствование теоретических положений оценки эффективности инвестиционных процессов в муниципальных образованиях. Практическое значение полученных выводов и научных результатов состоит в возможности их применения в управлении социально-экономическим развитием территорий, а также при разработке инвестиционных стратегий и инвестиционных стандартов муниципальных образований.

Ключевые слова: инвестиционный процесс, факторы, этапы инвестиционного процесса, система показателей, эффект, оценка, муниципальное образование.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2026 год.

Для цитирования: Сагатгареев Э. Р., Ларина Т. Н. Теоретические положения оценки результатов инвестиционного процесса в муниципальном образовании // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 46–59. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-46>.

Original article

THEORETICAL PROVISIONS FOR EVALUATING THE RESULTS OF THE INVESTMENT PROCESS IN A MUNICIPALITY

E. R. Sagatgareev

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Ufa, Russia

e-mail: eduard-sagatgareev@yandex.ru

T. N. Larina

Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

e-mail: lartn.oren@mail.ru

Abstract. In 2021–2024, the volume of investments in fixed assets in Russia increased annually, in 2025 the amount of investments decreased by 2.3% (in a comparable estimate) compared to the previous year. At the same time, the structure of investments in fixed assets by sources of financing has been stable in recent years, with the share of investments from local budgets remaining at just over 1%. In 2024, a new Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 was adopted with a forecast up to 2036. The new Strategy required adjusting the principles of budget financing of infrastructure projects, and the role of local governments, the local community, and businesses in the distribution of investment flows increased. Theoretical, methodological, information and analytical support for decision-making in the investment sector at the municipal level requires improvement due to the reasons mentioned above.

The authors of the article set a goal to clarify the definition of the concept of «investment process in a municipal entity» and to substantiate a system of indicators for evaluating the results of the investment process at the municipal level. Research objectives: to summarize the interpretations of the concept of «investment process» presented in the scientific literature and formulate the author's definition of this concept from the point of view of the municipal level of management; to identify the main factors of improving the effectiveness of the investment process; to form a system of indicators for evaluating the results of the investment process in municipalities.

Process, institutional, and systemic approaches underlie the author's developments. The theoretical conclusions are drawn based on the results of a critical analysis of publications by domestic and foreign scientists. The authors of the article used data from the Russian state statistics on the dynamics and structure of investments.

The scientific novelty is expressed in the formulation of the author's definition of the concept of «investment process in a municipality», in the development of a system of indicators for evaluating the results of the investment process, which takes into account the strategic goals of the development of municipalities.

The results of the study contribute to the improvement of the theoretical provisions for assessing the effectiveness of investment processes in municipalities. The practical significance of the conclusions and scientific results obtained lies in the possibility of their application in the management of socio-economic development of territories, as well as in the development of investment strategies and investment standards of municipalities.

Key words: investment process, factors, stages of the investment process, system of indicators, effect, assessment, municipality.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2026.

Cite as: Sagatgareev, E. R., Larina, T. N. (2026) [Theoretical provisions for evaluating the results of the investment process in a municipality]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 46–59. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-46>.

Введение

По данным Росстата, объем инвестиций в основной капитал в 2025 г. в Российской Федерации достиг 42,6 трлн руб., что выше уровня 2024 г. на 2,7 трлн руб. (при сравнении в текущих ценах), но ниже по-

казателя предыдущего года в сопоставимой оценке на 2,3%. На 41,2% инвестиционные потоки формировались за счет привлеченных средств, из которых бюджетные средства составили 15,2%, в том числе средства местных бюджетов – 1,1%. Структура инве-

стиций в основной капитал по источникам финансирования на протяжении последних пяти лет остается стабильной, доля инвестиций из местных бюджетов сохраняется на уровне чуть более 1%¹. Вместе с тем с 2025 г. в нашей стране реализуется новая Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.², которая строится на развитии системы опорных населенных пунктов и территориальном планировании. Трансформация подходов к управлению территориальным развитием влечет за собой изменение принципа бюджетного финансирования инфраструктурных проектов, проведение сбалансированной политики в сфере межбюджетных отношений, повышение роли органов местного самоуправления в распределении инвестиционных потоков, учет мнения населения и бизнеса при планировании развития территорий [11].

Муниципальный уровень является точкой «соприкосновения» инвестиционных проектов с гражданами, представителями бизнеса и социальной инфраструктурой, поэтому отсутствие унифицированных и адаптированных к современным условиям инструментов оценки результативности на этом уровне ведет к неэффективному расходованию средств и снижению доверия населения к органам власти. В связи с этими обстоятельствами возрастают требования к теоретико-методическому и информационно-аналитическому обеспечению принятия решений в инвестиционной сфере на муниципальном уровне. Формирование авторского определения инвестиционного процесса в муниципальном образовании и разработка соответствующей системы показателей создают необходимый научный базис для повышения качества экспертизы и мониторинга реализации инвестиционных проектов, оценки результатов инвестиционного процесса, что в конечном итоге будет способствовать достижению национальных целей пространственного развития страны.

Целью данного исследования является уточнение определения понятия «инвестиционный процесс в муниципальном образовании» и обоснование системы показателей оценки результатов инвестиционного процесса на местном уровне. Для достижения цели поставлены задачи: обобщить представленные в научной литературе трактовки понятия «инвестиционный процесс», сформулировать авторское определение данного понятия с точки зрения муниципального уровня управления, выделить основные факторы повышения результативности инвестиционного процесса, сформировать систему показателей оценки резуль-

татов инвестиционного процесса в муниципальных образованиях, учитывающую стратегические цели развития муниципальных образований.

В основе методологии исследования лежит систематизация научных представлений об инвестиционном процессе как о поэтапной последовательности действий, направленных на достижение результата, особенности которого определяются объектами и субъектами данного процесса. С применением *монографического метода* выявлены сущностные характеристики инвестиционного процесса в муниципальном образовании, определены наиболее значимые факторы, определяющие его развитие и повышение результативности в современных условиях. Такие исследовательские приемы, как *метод научного обобщения, анализ и синтез*, позволили разработать универсальную систему показателей для оценки результатов инвестиционного процесса в муниципальном образовании. *Абстрактно-логический метод* обеспечил формулировку обобщающих выводов и определение направлений практического применения результатов исследования. Информационная база включает данные государственной статистики России о динамике и структуре инвестиций в основной капитал.

Авторские разработки вносят вклад в совершенствование теоретических положений оценки эффективности инвестиционных процессов на муниципальном уровне. Научная новизна выражена в формулировке определения понятия «инвестиционный процесс в муниципальном образовании», в разработке системы показателей оценки результатов инвестиционного процесса с учетом стратегических целей развития муниципальных образований.

Практическое значение полученных выводов и научных результатов состоит в возможности их применения в управлении социально-экономическим развитием территорий, а также при разработке инвестиционных стратегий и инвестиционных стандартов муниципальных образований.

Результаты исследования Уточнение определения понятия «инвестиционный процесс в муниципальном образовании»

Инвестиции выступают важнейшим драйвером экономического развития. Для получения инвестиционного капитала требуется создание определенных условий: четко сформулированная потребность в инвестиционных ресурсах (конкретный объект, проект), присутст-

¹ Инвестиции в нефинансовые активы // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 19.04.2026).

² Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-п.

вие заинтересованного инвестора, обладающего необходимым капиталом, наличие нормативно-правовой базы, эффективных институтов государственного и общественного контроля. Особенно остро в нашей стране стоит проблема привлечения инвестиций на муниципальном уровне. Отечественные экономисты выделяют ряд барьеров, ограничивающих инвестиционную активность органов местного самоуправления [4; 15; 18]:

- 1) ограниченность инструментов воздействия на потенциальных инвесторов у органов местного самоуправления;
- 2) недостаток собственных ресурсов (финансовых, трудовых, сырьевых, производственных и т. д.);
- 3) фокусировка местных властей на решении вопросов оперативного характера;
- 4) низкий уровень личной заинтересованности местных властей в устойчивом развитии территории.

Вместе с тем в числе наиболее значимых трендов развития государственного и муниципального управления в настоящее время в России выступают: согласованное на разных уровнях стратегическое планирование как инструмент достижения национальных целей развития, повышение роли институтов общественного участия и гражданского контроля за деятельностью органов власти, государственно-частное партнерство как способ привлечения частных инвестиций на муниципальном уровне [13]. Ослабление влияния барьеров и снятие ограничений в инвестиционной сфере требуют проработки теоретических положений формирования и оценки результатов инвестиционного процесса в муниципальных образованиях.

Инвестиционный процесс и смежные с ним понятия (инвестиционная деятельность, инвестиционная привлекательность территории и др.) являются востребованным предметом анализа в отечественной научной среде. Однако единой трактовки изучаемого понятия не выработано.

Так, Семенова А. Е. формулирует свое определение на основе процессного подхода: инвестиционный процесс – это «процесс, при котором происходит осуществление субъектом инвестиционной деятельности в сложившихся условиях, то есть последовательности действий в определенной системе отношений, складывающихся между ее основными элементами в целях получения дохода» [14]. Ермакова Ж. А., Ларина Т. Н. предлагают применить воспроизводственный подход: «... это непрерывный циклический процесс вложения капитала в экономические активы, являющийся органической частью воспроизводственного процесса. Инвестиционный процесс может осуществляться на уровне хозяйствующего субъекта, отрасли, региональной или национальной экономики» [5]. Мы разделяем мнение Ашуркова О. А. и Орловой Н. А. о том,

что понятие инвестиционного процесса шире понятия инвестиционной деятельности, поскольку предполагает выполнение определенных мероприятий до вложения инвестиций: подготовку экономического обоснования проекта, его целесообразности, разработку документации, сметы, определение алгоритма действий, составление бизнес-плана и т. п. [2]. В приведенных определениях акцент сделан на экономической составляющей инвестиционного процесса и на финансовой выгоде как его результате, в то время как на уровне локального сообщества приоритет должен принадлежать не столько экономическим, сколько социальным аспектам управления территорией.

Под инвестиционным процессом в муниципальном образовании в рамках данного исследования понимаются взаимосвязанные последовательные действия, выполняемые в рамках полномочий и под контролем органов местного самоуправления, направленные на достижение стратегических целей развития муниципального образования и осуществляющиеся с привлечением инвестиций (капитальных вложений).

Инвестиционный процесс, протекающий в границах муниципального образования, не может рассматриваться в отрыве от инвестиционных процессов в границах региона: он «встроен» в систему региональных инвестиционных проектов и программ. Оценка результатов инвестиционного процесса, как нам представляется, должна осуществляться путем сопоставления поставленных на начальном этапе целей и достигнутых результатов, а также с учетом оценки эффективности использования затраченных ресурсов и динамики социально-экономических показателей, характеризующих состояние муниципального образования.

Инвестиционный процесс разделен на этапы. На начальном этапе определяются приоритеты, стратегические цели развития территории, закладываются принципы инвестиционной политики муниципального образования, принимается документ, декларирующий содержание инвестиционной политики, разрабатывается инвестиционный паспорт муниципального образования, формируется инвестиционный портфель с учетом приоритетов развития муниципального образования.

На втором этапе осуществляется инвестиционная деятельность: реализуются выбранные в рамках инвестиционной политики проекты, осуществляется государственный (органами местного самоуправления, органами исполнительной власти субъекта РФ) и общественный контроль за их реализацией.

На промежуточных этапах реализации проектов проводится оценка рисков, контроль исполнения обязательств участников проектов и т. д.

На заключительном этапе инвестиционного процесса оценивается степень достижения целей инве-

стиционных проектов и целей развития территории, дается оценка социально-экономической эффективности инвестиционного процесса и, при необходимости, корректируется инвестиционная политика муниципального образования.

Уточнение понятия «инвестиционный процесс в муниципальном образовании» дополнено системой факторов, определяющих результаты инвестиционного процесса, а также системой показателей, позволяющих количественно оценить результативность инвестиционного процесса на местном уровне управления.

Факторы повышения результативности инвестиционного процесса в муниципальном образовании

Изучению влияния различных факторов на результаты инвестиционного процесса и инвестиционную привлекательность территории посвящено значительное число научных трудов как зарубежных, так и отечественных авторов. В частности, европейские ученые выделяют среди основных факторов активизации инвестиционного процесса экономическую политику, наличие соответствующих институтов, развитие инфраструктуры, человеческий капитал, технологии, доступ к финансированию, открытость торговли, экологическую устойчивость. Спецификой инвестиционного процесса в Западной Европе является то, что в большинстве стран темпы роста инвестиций в текущем периоде зависят от темпов роста производства в предыдущем периоде, что обуславливает цикличность деловой и инвестиционной активности [23].

В Китайской Народной Республике значимым фактором эффективности инвестиций является региональный фактор: эффективность вложений в экономику снижается от юго-восточного побережья к западным провинциям, что, в свою очередь, обусловлено уровнем урбанизации, отраслевой структурой экономики, доступностью финансовых ресурсов и даже уровнем образования населения территорий. Одним из ключевых критериев эффективности инвестиций является рост «экологичности производства» [22].

В условиях России результативность инвестиционного процесса на местном уровне также зависит от многих факторов, которые по объективным причинам разделены нами на внешние и внутренние. Так, например, среди внешних факторов можно выделить экономические ограничения (санкции) со стороны недружественных стран, глобальную нестабильность, инфляцию, колебания курса рубля к иностранным валютам. Они оказывают давление на инвестиционный процесс в муниципальном образовании опосредованно, прежде всего обуславливая параметры инвестиционных процессов в стране в целом и в каждом из

регионов. На муниципальном уровне они формируют неблагоприятный фон и сдерживают приток капитала. Региональные межтерриториальные диспропорции и конкуренция за ресурсы также влияют на инвестиционную активность на местном уровне.

Территориальные (внутренние) факторы, оказывающие прямое воздействие на результативность инвестиционного процесса в муниципальном образовании и формирующие, по сути, локальный инвестиционный климат, включают экономические факторы (в том числе состояние малого и среднего бизнеса, специализация производства, степень включения в межрегиональный обмен и др.), наличие соответствующих институтов (эффективность системы местного самоуправления, общественный контроль и т.д.), природно-климатические особенности (географическое положение), социально-демографические и экологические условия.

К локальным факторам также относятся характеристики конкретных проектов: финансовые показатели (чистая приведенная стоимость, рентабельность, окупаемость), производственно-технологическая оснащённость объектов, качество менеджмента и маркетинга участников процесса. Влияние управленческих и организационных факторов отмечено Е. А. Аверьяновым [1]: он указывает, что на инвестиционную привлекательность монопрофильного города влияют внешние факторы инвестиционного климата, внутренние факторы производственной и управленческой систем, а также другие факторы неэкономического характера, касающиеся деловой культуры и информационных вопросов.

По мнению Т. А. Нормовой и соавторов [7], территориальные факторы – ресурсные, экономические, законодательные, природоохранные, политические, демографические, природно-климатические и инфраструктурные – существенно влияют на привлекательность муниципального образования для инвесторов. Человеческий капитал, демографическая структура, качество образования, в том числе профессионального, и состояние социальной инфраструктуры – одни из наиболее значимых ресурсов местного сообщества, без которых невозможно дать характеристику ресурсного потенциала муниципального образования [20]. В условиях неблагоприятной демографической ситуации внутренние социально-демографические факторы в значительной мере определяют результаты инвестиционного процесса на местном уровне.

Институциональные факторы включают законодательную базу, фискальные условия и качество муниципального управления: например, сниженная ставка налога и создание специальных экономических зон поддерживают инвестиционную активность, наличие общественного контроля и вовлеченность граждан

в процесс выбора наиболее значимых инвестиционных проектов гарантируют ответственное отношение органов власти к реализации проектов. Непроработанные правовые, административные, финансовые вопросы могут выступить основными дестимулирующими факторами устойчивого развития муниципального образования [19].

К институциональным факторам также можно отнести уровень доверия бизнеса к власти, эффективную коммуникацию с инвесторами, имидж территории и т.д. Так, в модели оценки инвестиционного профиля Ю. А. Юхтановой и соавторов [10] муниципальные образования анализируются по восьми параметрам (привлечение, сопровождение, продвижение проектов, контент, нормативно-правовые акты, документооборот, команда муниципального образования и региона), каждый из которых влияет на эффективность взаимодействия с инвесторами.

Экологические факторы в настоящее время рассматриваются в числе условий обеспечения устойчивого развития территорий. Одна из стратегических задач органов государственной власти всех уровней заключается в сбалансированном использовании ресурсов, учете экологических рисков при построении планов социально-экономического развития регионов и муниципальных образований [16]. Три базовых составляющих устойчивого развития – «экономический рост, социальная ответственность, экологический баланс» – должны лежать в основе принятия решений о реализации инвестиционных проектов на уровне муниципального образования, поэтому в числе внутренних нами выделен экологический фактор.

На рисунке 1 приведены основные факторы, влияющие на инвестиционный процесс в муниципальном образовании. Воздействие вышеперечисленных факторов на интенсивность и результаты инвестиционного процесса может быть отрицательным (например, неблагоприятный инвестиционный климат снижает приток капитала). Для нейтрализации негативных последствий на практике применяются различные приемы.

Во-первых, усиление мер стимулирования: введение налоговых льгот, пониженных ставок аренды и земли, льготного инвестиционного кредитования и субсидий позволяет повысить инвестиционную активность и снизить барьеры входа. Так, например, П. В. Строев и И. С. Бессонов [15] отмечают важность субсидий, грантов и упрощённых схем государственно-частного партнерства как инструментов поддержки для разных типов территорий.

Во-вторых, диверсификация экономики и создание благоприятной бизнес-среды через территориальный маркетинг и специальные экономические зоны ослабляют зависимость от узкопрофильных предприятий.

Так, контроллинг инвестиционной привлекательности и формализация методологии привлечения инвестиций в моногородах позволяют выравнивать интересы всех участников процесса и планировать ресурсы [1].

В-третьих, решающее значение имеет координация уровня муниципальной и региональной политики. Так, в частности, Н. Г. Филатова [17] подчёркивает, что без связки муниципальных «инвестиционных паспортов» с региональными приоритетами возникают разрывы в реализации проектов. Согласованная система стратегий и стандартов позволяет учитывать масштабные внешние вызовы и обеспечивает синхронизацию проектов.

И, наконец, важны мониторинг и качественная работа с инвесторами: регулярная диагностика портфелей проектов, прозрачность процедур и активная коммуникация (создание муниципальных инвестиционных офисов, цифровых платформ, CRM-систем) повышают доверие бизнеса. Проекты «инвестиционного акселератора» и «капитаны бизнеса», охарактеризованные Ю. А. Юхтановой и соавторами, показывают, что обучение муниципальных команд навыкам привлечения инвестиций и формирование сети партнерских контактов ускоряют внедрение и развитие муниципальных проектов и укрепляют экономическую безопасность территорий [10].

Комплексный подход к выявлению позитивных факторов и нейтрализации негативных факторов, включающий стимулы для бизнеса, институциональные реформы и проактивное управление, позволяет повысить результативность инвестиционного процесса в муниципальном образовании.

Система показателей результатов инвестиционного процесса в муниципальном образовании

Перейдем к показателям оценки результатов инвестиционного процесса в муниципальном образовании. Разработанная система показателей включает 2 блока: «показатели результатов деятельности органа местного самоуправления, связанной с реализацией инвестиционного процесса» и «интегральные показатели эффективности инвестиционного процесса», представленных на рисунке 2.

Показатели результатов деятельности (1 блок) связаны с эффектами, возникающими в результате реализации инвестиционного процесса. Это «витрина» итогов заключительного этапа инвестиционного процесса, где наряду с обобщающими социально-экономическими индикаторами и интегральным показателем – индексом эффективности инвестиционного процесса фиксируются результаты по четырём направлениям: бюджет, финансы и экономика, социум, экология.

Рисунок 1. Классификация факторов, влияющих на инвестиционный процесс в муниципальном образовании
 Источник: разработано авторами

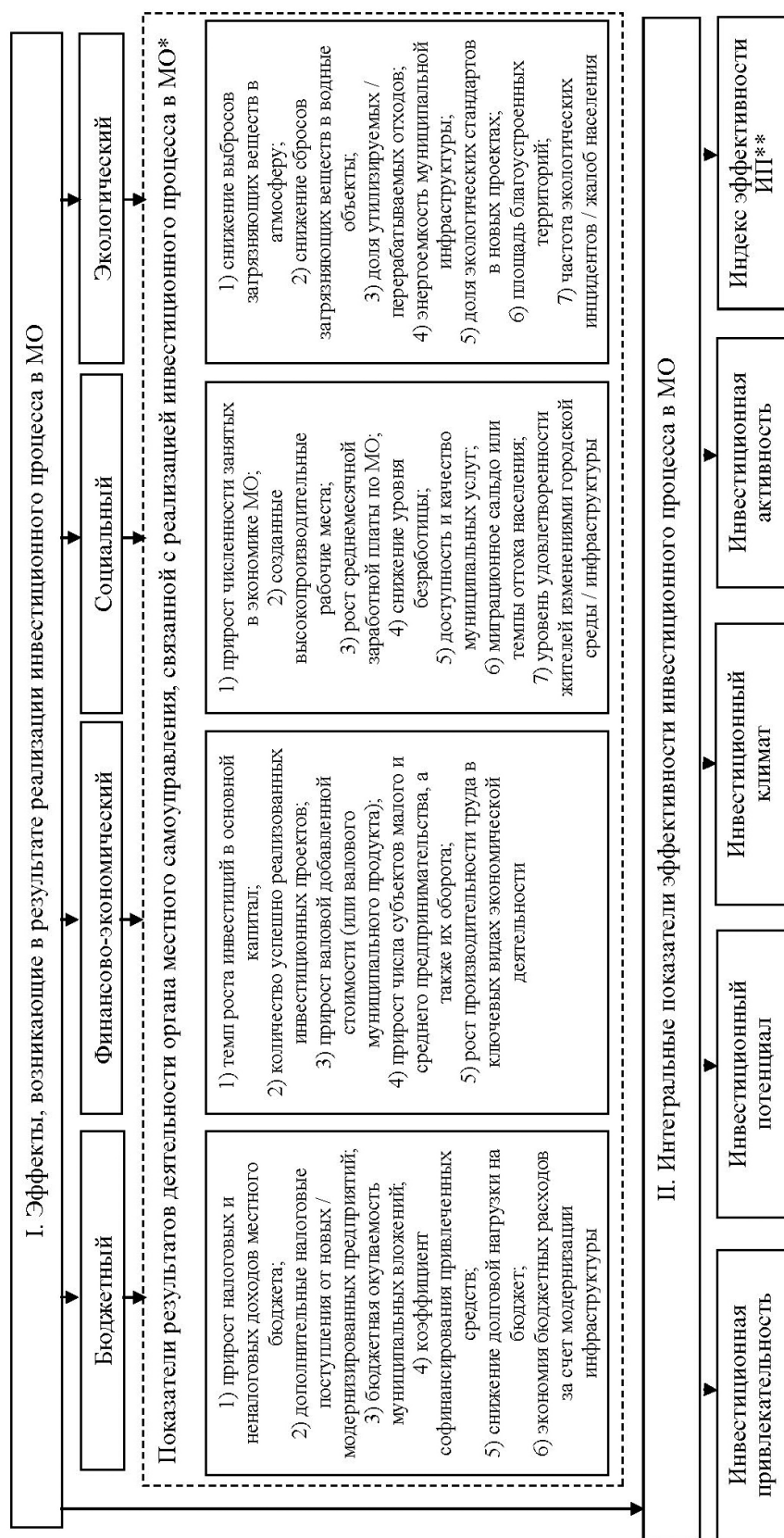

Рисунок 2. Система показателей, применяемая на заключительном этапе инвестиционного процесса в муниципальном образовании

Примечания:

* – для оценки результатов могут приниматься как абсолютные показатели, так и темпы их изменения в динамике;

** – методика разработана Сагаатаревым Э.Р. [12].

Источник: составлено авторами

Предлагаемая система показателей ориентирована на комплексную количественную оценку результатов инвестиционного процесса на местном уровне. Выбор индикаторов осуществлен с учетом их измеримости в рамках муниципальной статистики, сопоставимости во времени, а также возможности использования в практике мониторинга и корректировки инвестиционной политики органов местного самоуправления.

Отметим, что в российской, а также в мировой практике отсутствует единая (общепризнанная) система критериев оценки эффективности государственных инвестиций на местном уровне. Так, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предлагает обобщенные методологические рамки для оценки эффективности государственных инвестиций. Основопологающим документом является «Рекомендация Совета ОЭСР об эффективных государственных инвестициях на разных уровнях власти»³, которая выделяет 12 принципов действий, в том числе использование индикаторов многоуровневого управления (национальный, региональный, местный уровни), позволяющих оценивать степень согласованности стратегий, наличие механизмов предварительной оценки долгосрочных воздействий и рисков инвестиций, а также систем мониторинга и оценки результатов. В Рекомендации приведен опыт Норвегии, представляющий интерес для России. В Норвегии создана электронная система отчетности органов местного самоуправления, включающая показатели доступности муниципальных услуг, бюджета и приоритетов политики муниципального образования, демографические показатели, данные о производстве и сфере услуг и др. Вся информация доступна через интернет, что облегчает сравнение результатов деятельности органов местного самоуправления по использованию инвестиций.

Одними из наиболее известных в мире разработок в области оценки эффективности государственных инвестиций являются методики Международного валютного фонда (МВФ). В частности, группа специалистов МВФ предложила систему показателей и принципы оценки, первым блоком которой являются стратегические цели территории. На заключительном этапе оценки рекомендовано проводить аудит достижения целей. Первоначально система по-

казателей включала 17 частных показателей (отражающих развитие институтов, потенциал территории, стимулирующие факторы), которые агрегированы в 4 субиндекса и затем – в интегральный показатель, позволяющий ранжировать страны и регионы по эффективности государственных инвестиций [21]. Развитие данного подхода привело к созданию концепции *Public Investment Management Assessment (PIMA)* (Оценка управления государственными инвестициями). Согласно документу «*PIMA Handbook*»⁴, оценка эффективности управления государственными инвестициями строится на анализе 15 институтов, охватывающих три ключевых этапа инвестиционного цикла: планирование, распределение ресурсов и реализация проектов. В Руководстве (*PIMA Handbook*) прямо указывается, что каждый институт анализируется по трем измерениям, что в совокупности формирует 45 оценочных параметров. К инструментам оценки на этапе планирования относятся фискальные правила, национальное и секторальное планирование, координация между ведомствами, оценка проектов и альтернативное финансирование инфраструктуры. На этапе распределения ресурсов оцениваются многолетнее бюджетирование, полнота и единство бюджета, бюджетирование инвестиций, финансирование технического обслуживания и отбор проектов. На этапе реализации инструментами оценки выступают механизмы закупок, доступность финансирования, управление портфелем проектов и надзор, управление реализацией проекта и мониторинг состояния общественных активов. В документе признается, что количественная оценка результативности государственных инвестиций особенно важна для территорий с низким уровнем доходов местного бюджета. Добавим, что в 2021 г. был опубликован климатический модуль *PIMA (C-PIMA)*⁵, призванный оценить, как управление государственными инвестициями способствует смягчению последствий изменения климата.

Ключевое отличие методологии оценки эффективности государственных инвестиций в российской практике и в концепции PIMA состоит в отсутствии системного прогнозирования инвестиций на национальном, региональном и отраслевом уровнях, а также инвестиционных потребностей в техническом обслуживании объектов [9].

³ OECD Effective Multi-level Public Investment (2019). – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2019/08/effective-multi-level-public-investment_4bcedf6d/c3bc625b-en.pdf (accessed: 15.07.2026).

⁴ PIMA Handbook. – URL: <https://infrastructuregovern.imf.org/content/PIMA/Home/PimaTool/PIMA-Handbook/PIMAHandbook.html> (accessed: 15.07.2026).

⁵ Strengthening Infrastructure Governance for Climate-responsive public investment. – URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/pp/2021/english/ppea2021076.pdf> (accessed: 15.07.2026).

В разработанную нами систему показателей включены 5 интегральных показателей (2-й блок), характеризующих сопряженные с инвестиционным процессом понятия.

При изучении инвестиционного процесса, инвестиционной деятельности на муниципальном (региональном) уровне отечественные ученые нередко выделяют «инвестиционную привлекательность территории», «инвестиционный потенциал», «инвестиционный риск», «инвестиционную активность», «инвестиционный климат» как самостоятельные, так и взаимодополняющие категории. Каждая из указанных характеристик представляет собой интегральный показатель, измерение которого предполагает привлечение нескольких частных показателей. Методики измерения инвестиционной привлекательности, инвестиционных рисков, инвестиционной активности и климата широко представлены в научной литературе [3; 6; 8 и др.].

Понятие «инвестиционная привлекательность», по нашему мнению, выступает одним из основных результатов инвестиционного процесса в муниципальном образовании. Данная характеристика может повыситься вследствие более эффективной организации инвестиционного процесса. «Инвестиционный

климат» и «инвестиционный потенциал», как долговременно формирующиеся характеристики, отражают не столько результат собственно инвестиционного процесса, сколько эффективность деятельности органов местного самоуправления. «Инвестиционная активность» выступает фактором «инвестиционной привлекательности» и, в свою очередь, влияет на результативность инвестиционного процесса, определяя интенсивность инвестиционной деятельности на всех этапах инвестиционного процесса.

Интегральный показатель «индекс эффективности инвестиционного процесса» предлагается формировать путем агрегирования 13 частных показателей, разбитых на 4 блока: «инвестиционный потенциал» (8 показателей, характеризующих состояние экономики муниципальных образований: объем отгруженной промышленной продукции, уровень занятости, прибыль предприятий в среднем на 1 работника и другие), «инвестиционные риски» (4 показателя, характеризующих уровень убыточности организаций, уровень безработицы, износ основных средств, количество зарегистрированных преступлений), «инвестиционная активность» (1 показатель – объем инвестиций в расчете на душу населения). Для нормирования показателей применялся метод «Паттерн»:

$$x_i = \begin{cases} \frac{X_i}{X_{i\max}}, & \text{если рост показателя оценивается позитивно;} \\ 1 - \frac{X_i}{X_{i\max}}, & \text{в противном случае.} \end{cases}$$

Интегральный показатель предлагается получать с помощью среднего арифметического из нормированных значений частных индикаторов, включенных в систему показателей. Апробация данного подхода выполнена на материалах пяти крупнейших городов Республики Башкортостан (Уфа, Стерлитамак, Салават, Нефтекамск, Октябрьский) [12]. Интегральный показатель эффективности инвестиционного процесса позволяет не только оценить результаты работы органов местного самоуправления, но и помочь выявить территорию (инвестиционный проект) – «точку роста» в экономике, дающую импульс развитию смежных территорий.

Заключение

В результате систематизации мнений отечественных и зарубежных ученых уточнено определение понятия «инвестиционный процесс в муниципальном образовании»: оно трактуется как взаимосвязанные последовательные действия, выполняемые в рамках

полномочий и под контролем органов местного самоуправления, направленные на достижение стратегических целей развития муниципального образования и осуществляющиеся с привлечением инвестиций. Выделены 3 группы внешних факторов (экономические, социально-демографические, институциональные), а также 5 групп внутренних факторов (экономические, социально-демографические, институциональные, природно-климатические, экологические), определяющих результаты инвестиционного процесса в муниципальном образовании.

Предлагаемая система показателей оценки результатов инвестиционного процесса в муниципальном образовании включает 2 блока: «показатели результатов деятельности органа местного самоуправления, связанной с реализацией инвестиционного процесса» и «интегральные показатели эффективности инвестиционного процесса». Система показателей позволяет дать комплексную количественную оценку результатов инвестиционного процесса на местном уровне

и учитывает стратегические цели местного самоуправления.

Перспективными направлениями исследований инвестиционного процесса на муниципальном уровне являются изучение влияния отдельных факторов на результаты инвестиционного процесса в условиях

конкретного региона, совершенствование механизмов привлечения частных инвестиций на цели развития социальной инфраструктуры, снижение экологических рисков производств, локализованных в населенных пунктах, и укрепление межтерриториальных (межмуниципальных, межрегиональных) связей.

Литература

1. Аверьянов Е. А. Оценка регулирующего воздействия контроллинга на инвестиционную привлекательность градообразующих предприятий монопрофильных муниципальных образований // Государственная служба. – 2023. – Т. 25, № 4 (144). – С. 38–45. – <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-4-38-45>. – EDN: MHSQQA.
2. Ашурков О. А., Орлова Н. А. Особенности формирования системы правового регулирования инвестиционной деятельности // Вестник Института экономических исследований. – 2020. – № 2 (18). – С. 112–121. – EDN: PUYUYBI.
3. Бурцева Т. А., Губарева А. И. Мониторинг устойчивого развития муниципальных районов и городских округов Калужской области // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 465–478. – <https://doi.org/10.18334/erpp.12.1.114107>. – EDN: DJJDON.
4. Гатауллин Р. Ф., Чувашаева Э. Р. Вызовы, влияющие на устойчивость пространственного развития // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 6, № 10 (163) – С. 94–102. – <https://doi.org/10.36871/ek.ur.p.r.2025.10.06.011>. – EDN: PDMOAG.
5. Ермакова Ж. А., Ларина Т. Н. Оценка влияния инвестиционного процесса на экономический рост в регионах России // Друкеровский вестник. – 2024. – № 5 (61). – С. 189–199. – <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2024-5-189-199>. – EDN: OSHDLG.
6. Кайдашова А. К. Алгоритм выявления «точек роста» при формировании стратегий развития территорий // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 44–51. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-44>. – EDN: SDNBPW.
7. Нормова Т. А., Айвазян С. В., Мочеран В. Д. Инвестиционная деятельность и ее совершенствование в муниципальном образовании // Естественно-гуманитарные исследования. – 2021. – № 35 (3). – С. 146–149. – <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-11143>. – EDN: GZCLGI.
8. Оценка инвестиционной привлекательности муниципальных образований / Д. Б. Яхяев [и др.] // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 7. – С. 203–210. – <https://doi.org/10.24412/2306-5001-2025-7-204-210>. – EDN: NKZHRN.
9. Паненко А. И. Российская методология оценки государственных инвестиционных проектов vs европейская методология PIMA: анализ соответствия // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 2–2. – С. 247–251. – <https://doi.org/10.17513/vaael.2721>. – EDN: QVESDZ.
10. Проекты развития муниципальных образований в контексте обеспечения экономической безопасности Тюменской области / Ю. А. Юхтанова [и др.] // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 75–96. – <https://doi.org/10.18334/ce.18.1.120271>. – EDN: PYEAQF.
11. Решетников М. Г. Новая стратегия пространственного развития России: основные задачи и приоритеты // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 4 (211). – С. 6–10. – <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-6-10>. – EDN: UYHBFQ.
12. Сагатгареев Э. Р. Интегральная оценка эффективности инвестиционного процесса городов Республики Башкортостан // Актуальные аспекты обеспечения безопасности человека в условиях развития гражданского общества: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием, Оренбург, 22–23 мая 2025 г. – Оренбург: ПРОофис, 2025. – С. 258–261. – EDN: VVQXZM.
13. Сагина О. А. Ключевые тренды развития государственного и муниципального управления в условиях нестабильной внешней среды // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № s5. – URL: <https://esj.today/PDF/37FAVN525.pdf> – EDN: EOFOFC.
14. Семенова А. Е. Экономическая сущность инвестиций: соотношение понятий // Вестник университета. – 2025. – № 1. – С. 184–191. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-1-184-191>. – EDN: RVPEAC.
15. Строев П. В., Бессонов И. С. Оценка систем управления инвестиционной деятельностью в муниципальных образованиях РФ с учетом их дифференциации // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 4 (69). – С. 496–504. – EDN: JOFRBS.

16. Устойчивое развитие экономики территорий: механизмы, инструменты и перспективы: монография / Л. Н. Гончаренко [и др.]. – М. : Московский университет им. С.Ю. Витте. – 2025. – 236 с. – EDN: ZXTDOR.
17. Филатова Н. Г. Проблема координации инвестиционных паспортов муниципальных образований и региональной инвестиционной политики // Экономика региона. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 268–282. – <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-2-2>. – EDN: LZUEUA.
18. Чебодаев В. П. Развитие инвестиционных процессов в муниципальном образовании // Московский экономический журнал. – 2025. – Т. 10, № 1. – С. 49–56. – https://doi.org/10.55186/2413046X_2025_10_1_4. – EDN: LNBVLW.
19. Шпилев Д. А. Систематизация дестимулирующих факторов устойчивого развития муниципальных образований: меры преодоления // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2026. – № 1 (157). – С. 176–179. – EDN: NTUUTT.
20. Экономика муниципальных образований : монография / Ю. В. Рагулина [и др.]. – М. : Издательский дом «Научная библиотека», 2025. – 292 с. – EDN: UWIEAR.
21. Dabla-Norris E., et al. (2012) Investing in Public Investment: an Index of Public Investment Efficiency. *Journal of Economic Growth*. – Vol. 17. – No. 3, pp. 235–266. – <https://doi.org/10.1007/s10887-012-9078-5>. – EDN: JWEWNP (In Eng.).
22. Li Y., et al. (2025) Drivers of urban fixed assets investment efficiency across western China. *Journal of Competitiveness*. – Vol. 17. – No. 4, pp. 123–147. – <https://doi.org/10.7441/joc.2025.04.05>. (In Eng.).
23. Mourão P. J. R., Popescu I. A. (2023) Investment, growth and Competitiveness: The multiplier-accelerator in the 21st century. *Journal of Competitiveness*. – Vol. 15. – No. 3, pp. 60–78 – <https://doi.org/10.7441/joc.2023.03.04>. – EDN: CZXVLK. (In Eng.).

References

1. Averyanov, E. A. (2023) [Evaluating the regulatory impact of control on the investment attractiveness of city-forming enterprises in mono-profile municipalities]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Administration]. Vol. 25. No 4, pp. 38–45. – <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-4-38-45>. (In Russ.).
2. Ashurkov, O. A., Orlova, N. A. (2020) [Peculiarities of forming the system of statutory regulation of investing activities]. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovanij* [Economic Research Institute Journal]. Vol. 2 (18), pp. 112–121. (In Russ.).
3. Burtseva, T. A., Gubareva, A. I. (2022) [Sustainable development monitoring of municipal and urban districts in the Kaluga region]. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo* [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law]. Vol. 12. No. 1, pp. 465–478. – <https://doi.org/10.18334/epp.12.1.114107>. (In Russ.).
4. Gataullin, R. F., Chuvashaeva, E. R. (2025) [Challenges affecting the sustainability of spatial development]. *Ekonomika i upravlenie: problemy resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions]. Vol. 6. No. 10 (163), pp. 94–102. – <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.10.06.011>. (In Russ.).
5. Ermakova, Zh. A., Larina, T. N. (2024). [Assessment of the impact of the investment process on economic growth in Russian regions]. *Drukerovskij vestnik* [Drucker Bulletin]. Vol. 5. No. 61, pp. 189–199. – <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2024-5-189-199>. (In Russ.).
6. Kaidashova, A. K. (2025) [Algorithm for identifying «growth points» in the formation of territorial development strategies]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 44–51. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-2-44>. (In Russ.).
7. Normova, T. A., Ayvazy, S. V., Mocheran, V. D. (2021) [Investment Activity and its Improvement in the Municipality]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural-Humanitarian Research]. Vol. 35. No. 3, pp. 146–149. – <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-11143>. (In Russ.).
8. Iakhiaev, D. B., et al. (2025) [Assessment of investment attractiveness of municipalities] *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic development of Russia]. Vol. 32. No. 7, pp. 203–210. – <https://doi.org/10.24412/2306-5001-2025-7-204-210>. (In Russ.).
9. Panenko, A. I. (2023) [Russian methodology for evaluating public investment projects vs European methodology PIMA: compliance analysis]. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. Vol. 2-2, pp. 247–251. – <https://doi.org/10.17513/vael.2721>. (In Russ.).
10. Yukhtanova, Yu. A., et al. (2024) [Projects for the development of municipalities in the context of the economic security of the Tyumen region]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy]. Vol. 18. No. 1, pp. 75–96. – <https://doi.org/10.18334/ce.18.1.120271>. (In Russ.).
11. Reshetnikov, M. G. (2025) [New Spatial Development Strategy of Russia: Key Tasks and Priorities].

Problemy Prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]. Vol. 4. No. 211, pp. 6–10. – <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-6-10>. (In Russ.).

12. Sagatgareev, E. R. (2025) [Integral assessment of the effectiveness of the investment process in the cities of the Republic of Bashkortostan]. *Aktual'nye aspekty obespecheniya bezopasnosti cheloveka v usloviyah razvitiya grazhdanskogo obshchestva: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Current aspects of ensuring human security in the context of civil society development: collection of scientific articles of the All-Russian scientific conf. with international participation, Orenburg, May 22–23, 2025] Orenburg, pp. 258–261. (In Russ.).

13. Sagina, O. A. (2025) [Key trends in the development of state and municipal administration in the context of an unstable external environment]. *Vestnik evrazijskoj nauki* [The Eurasian Scientific Journal]. Vol. 17. No. s5. – <https://esj.today/PDF/37FAVN525.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

14. Semenova, A. E. (2025) [Economic essence of investments: relationship between the concepts]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. Vol. 1, pp. 184–191. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2025-1-184-191>. (In Russ.).

15. Stroeve, P. V., Bessonov, I. S. (2025) [Assessment of investment management systems in municipalities of the Russian Federation, taking into account their differentiation]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge]. Vol. 4 (69), pp. 496–504. (In Russ.).

16. Goncharenko, L. N., et al. (2025) *Ustojchivoe razvitie ekonomiki territorij: mekhanizmy, instrumenty i perspektivy* [Sustainable development of the territorial economy: mechanisms, tools and prospects]. Moscow: Witte Moscow University, 236 p. (In Russ.).

17. Filatova, N. G. (2025) [Challenges in Aligning Municipal Investment Passports with Regional Investment Policy in Russia]. *Ekonomika regiona* [Economy of regions]. Vol. 21. No. 2, pp. 268–282. – <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-2-2/> (In Russ.).

18. Chebodaev, V. P. (2025) [Development of investment processes in the municipality]. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal* [Moscow Economic Journal]. Vol. 10. No. 1, pp. 49–56. – https://doi.org/10.55186/2413046X_2025_10_1_4. (In Russ.).

19. Shpilev, D. A. (2026) [Systematization of disincentivizing factors of municipal formations sustainable development: measures for overcoming]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics]. Vol. 1. No. 157, pp. 176–179. (In Russ.).

20. Ragulina, Yu. V., et al. (2025) *Ekonomika municipal'nyh obrazovanij: monografiya* [Economy of municipalities: Monograph]. Moscow: Publishing House «Scientific Library», 292 p. (In Russ.).

21. Dabla-Norris, E., et al. (2012) Investing in Public Investment: an Index of Public Investment Efficiency. *Journal of Economic Growth*. Vol. 17. No. 3, pp. 235–266. – <https://doi.org/10.1007/s10887-012-9078-5>. (In Eng.).

22. Li, Y., et al. (2025) Drivers of urban fixed assets investment efficiency across western China. *Journal of Competitiveness*. Vol. 17. No. 4, pp. 123–147. – <https://doi.org/10.7441/joc.2025.04.05>. (In Eng.).

23. Mourão, P. J. R., Popescu, I. A. (2023) Investment, growth and Competitiveness: The multiplier-accelerator in the 21st century. *Journal of Competitiveness*. Vol. 15. No. 3, pp. 60–78. – <https://doi.org/10.7441/joc.2023.03.04>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Эдуард Рафикович Сагатгареев, старший преподаватель кафедры информационного и технического обеспечения ОБД, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Уфа, Россия

ORCID iD: 0009-0001-2432-833X, **SPIN-код:** 6132-6437, **AuthorID:** 710426,

e-mail: eduard-sagatgareev@yandex.ru

Татьяна Николаевна Ларина, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Оренбургский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Оренбург, Россия

ORCID iD: 0000-0001-9113-321X, **Researcher ID:** ABI-4051-2020, **Scopus Author ID:** 57211478509, **SPIN-код:** 7036-7785, **AuthorID:** 365180

e-mail: lartn.oren@mail.ru

Вклад соавторов:

Сагатгареев Э. Р. – 50%;

Ларина Т. Н. – 50%.

Конфликт интересов отсутствует

Статья поступила в редакцию: 28.04.2026; принята в печать: 17.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Eduard Rafikovich Sagatgareev, Senior Lecturer at the Department of Information and Technical Support of the Department of Internal Affairs, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Ufa, Russia

ORCID iD: 0009-0001-2432-833X, **SPIN-code:** 6132-6437, **AuthorID:** 710426

e-mail: eduard-sagatgareev@yandex.ru

Tatiana Nikolaevna Larina, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

ORCID iD: 0000-0001-9113-321X, **Researcher ID:** ABI-4051-2020, **Scopus Author ID:** 57211478509, **SPIN-cose:** 7036-7785, **AuthorID:** 365180

e-mail: lartn.oren@mail.ru

Contribution of the authors:

Sagatgareev E. R. – 50%;

Larina T. N. – 50%.

There is no conflict of interest.

The paper was submitted: 28.04.2026.

Accepted for publication: 17.07.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА СУБСИДИИ ИЗ БЮДЖЕТА В КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Л. А. Свиридова¹, Т. А. Терентьева²

Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Оренбург, Россия

¹ e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

² e-mail: teraudit56@mail.ru

Аннотация. Вопросы организации бухгалтерского учета целевого бюджетного финансирования в рамках государственной поддержки коммерческих организаций остаются актуальными в теории и на практике в свете последних новаций федеральных стандартов. Цель исследования заключается в изучении противоречий, действующих в системе нормативного регулирования учета субсидии и поиске путей устранения указанных недостатков, а также в развитии организации и методики учета государственной помощи на основе гармонизации требований международных и отечественных стандартов. Методологической основой работы явились общенаучные принципы и методы исследования: анализ и синтез, логическая увязка, систематизация, обобщение и формализация, нормативный метод, метод сопоставления. В статье дан анализ изменений бухгалтерского учета государственной помощи в коммерческих организациях с учетом новаций действующей системы нормативного регулирования бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации. Основная цель новаций – приведение правил бухгалтерского учета государственной помощи в соответствие с МСФО (IAS) 20 «Учет государственных субсидий и раскрытие информации о государственной помощи», а также положениями Бюджетного кодекса Российской Федерации и изменениями в механизме предоставления бюджетных средств государственной поддержки коммерческим организациям, занимающимся производством промышленной продукции. Бухгалтерские схемы оформления операций с учетом последних изменений ПБУ 13/2000 «Учет государственной помощи» требуют логического развития в контексте новых федеральных стандартов. В работе представлены основные этапы реализации процесса получения и расходования целевого финансирования из бюджета с отражением информации в системе счетов с учетом требований нормативного регулирования. Авторами детально изложены вопросы организации учета и система записей на счетах операций бухгалтерского учета при использовании подхода (варианта) к порядку учета государственных субсидий с позиции доходов и с позиции капитала. Обосновывается целесообразность использования данной вариативности при формировании учетной политики в коммерческих организациях, являющихся производителями промышленной продукции. Изложена позиция авторов в отношении терминологии при организации учета государственной помощи. Научная новизна исследования заключается: 1) в раскрытии методологии учета государственной помощи в коммерческой организации на основе подходов, применяемых в международной практике; 2) в развитии терминологии учетных категорий при организации учета государственной помощи, в частности понятия «доходы».

Ключевые слова: субсидия, целевое финансирование, поддержка малого и среднего предпринимательства.

Для цитирования: Свиридова Л. А., Терентьева Т. А. Особенности учета субсидии из бюджета в коммерческой организации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 60–73. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-60>.

Original article

FEATURES OF ACCOUNTING FOR SUBSIDIES FROM THE BUDGET IN A COMMERCIAL ORGANIZATION

L. A. Sviridova¹, T. A. Terentyeva²

Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

¹ e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

² e-mail: teraudit56@mail.ru

Abstract. The issues of organization of accounting for targeted budget financing within the framework of state support for commercial organizations remain relevant in theory and in practice in the light of recent innovations in federal standards. The purpose of the study is to study the contradictions operating in the system of regulatory regulation of subsidy accounting and to find ways to eliminate these shortcomings, as well as to develop the organization and methodology of accounting for state aid based on the harmonization of the requirements of international and domestic standards. The methodological basis of the work is general scientific principles and research methods: analysis and synthesis, logical alignment, systematization, generalization and formalization, normative method, method of comparison. The article provides an analysis of changes in the accounting of state aid in commercial organizations, taking into account the innovations in the current system of regulatory regulation of accounting and financial reporting in the Russian Federation. The main purpose of the innovations is to bring the accounting rules for state aid in line with IFRS (IAS) 20 «Accounting for Government Grants and Disclosure of Government Assistance», as well as the provisions of the Budget Code of the Russian Federation and changes in the mechanism for providing budgetary funds for state support to commercial organizations engaged in the production of industrial products. Accounting schemes for registration of transactions, taking into account the latest changes in PBU 13/2000 «Accounting for state aid», require logical development in the context of new federal standards. The article presents the main stages of the implementation of the process of obtaining and spending targeted financing from the budget with information reflected in the system of accounts, taking into account the requirements of regulatory regulation. The article describes in detail the issues of accounting organization and the system of records on accounting accounts when using the approach (variant) to the accounting procedure for government subsidies from the perspective of income and from the perspective of capital. The expediency of using this variability in the formation of accounting policies in commercial organizations that are manufacturers of industrial products is substantiated. The position of the authors regarding terminology in the organization of accounting for state aid is presented. The scientific novelty of the research is: 1) in the disclosure of the methodology of accounting for state aid in a commercial organization based on approaches used in international practice; 2) in the development of terminology of accounting categories in the organization of accounting for state aid.

Key words: subsidies, targeted financing, support for small and medium-sized enterprises.

Cite as: Sviridova, L. A., Terentyeva, T. A. (2026) [Features of accounting for subsidies from the budget in a commercial organization]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 60–73. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-60>.

Введение

Для решения задач импортозамещения в промышленных сферах деятельности в условиях экономических и санкционных ограничений у коммерческих организаций есть возможность заключить соглашение на предоставление из бюджета субсидии юридическому лицу (за исключением государственного учреждения) и индивидуальному предпринимателю на возмещение части затрат¹.

Этот вариант финансирования их деятельности возможен, например, в Центральном федеральном округе Российской Федерации, в Московской области, в рамках реализации мероприятия по федеральной государственной программе 01.01 «Возмещение части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, связанных с приобретением оборудования в целях создания и (или) развития либо модернизации производства товаров (работ, услуг)».

Процесс взаимодействия экономического субъекта коммерческого сектора и представителей бюд-

жетной сферы является достаточно сложным, многоэтапным и регламентированным. При этом предусмотрено документальное обеспечение и подтверждение обоснованности получения и расходования средств финансирования. Весь процесс взаимодействия, учетных процедур и подготовки отчетности можно разделить на несколько этапов. Первый этап включает в себя подготовку заявки с указанием цели и задач использования средств бюджета и оформление прилагаемых к ней документов. Второй этап связан с одобрением заявки на предоставление субсидии и заключением договора. Третий этап – перечисление средств бюджета в виде субсидии на счет получателя – организации коммерческого сектора. Четвертый этап предполагает использование полученных средств на заявленные цели. Пятый этап заключается в подготовке отчетности о целевом использовании средств с раскрытием этой информации не только перед организацией, предоставившей субсидию, но и в годовой бухгалтерской отчетности

¹ Указ Президента РФ от 05.06.2015 № 287 «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства» и распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/71065170/> (дата обращения: 10.02.2026).

коммерческой организации, получившей средства из государственного бюджета.

Рассмотрим более подробно на рисунке 1 процессы, свойственные каждому обозначенному этапу:

заявка, выделение (предоставление) средств, получение субсидии, расходование средств и составление отчетности.

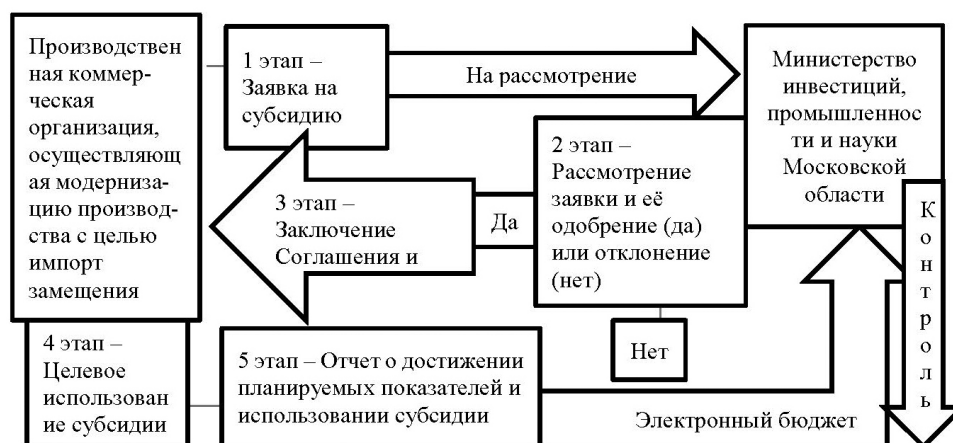

Рисунок 1. Схема взаимосвязанных этапов получения и расходования средств бюджета

Источник: составлено авторами

На первом этапе организации-заявителю необходимо определиться, с каким участником бюджетного процесса он будет взаимодействовать. Главный распорядитель бюджетных средств, может быть представлен например, Министерством инвестиций, промышленности и науки Московской области и, в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации, принять решение о выделении из бюджета денежных средств на возмещение части затрат. Субъекты малого и среднего предпринимательства, включенные в соответствующий реестр, подают заявку на получение средств, проходят отбор среди претендентов по ряду критериев, в том числе по критерию обоснованности затрат.

Средства бюджета, которые коммерческие организации получили в рамках реализации мероприятия по федеральной государственной программе, должны быть израсходованы на приобретение в собственность или получение в лизинг оборудования, являющегося промышленной продукцией, относимой к соответствующим группировкам, приведенным на рисунке 2.

Согласно Общероссийскому классификатору основных фондов, принятому и введенному в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 12.12.2014 г.

№ 2018-ст «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора основных фондов (ОКОФ) ОК 013-2014 (СНС 2008)»², указанные на рисунке 2 коды применяются в целях создания, развития или модернизации производства товаров (работ, услуг). На основании указанных требований формируется заявка на получение субсидии.

Теоретические и практические аспекты учета государственной помощи рассматривались в работах различных авторов. Например, вопросам организации бухгалтерского учета государственной помощи посвящены работы Агарковой Л. В., Ельчаниновой О. В. [1], Аксентьева А. А. [2], Пышкина А. Н. [7], Хахоновой Н. Н., Киркач Ю. Н. [11], Хоружий Л. И., Кокорева Н. А., Багировой С. М. [12].

Особый интерес представляет работа Аксентьева А. А., связанная с «обобщением и характеристикой пяти подходов к учету государственной помощи, которая должна признаваться либо в составе обязательств, либо в составе капитала организации» [3].

Вопросам отражения информации о государственной помощи в отчетности организации посвящены работы Козменковой С. В., Прынцева М. Н. [4], Kerna B. B. [14], Forkera J., Greena S. [13].

² ОК 013-2014 (СНС 2008). Общероссийский классификатор основных фондов» (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 N 2018-ст) (ред. от 05.03.2024) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184368/?ysclid=mnhfyy0rjp268366170 (дата обращения: 10.02.2026).

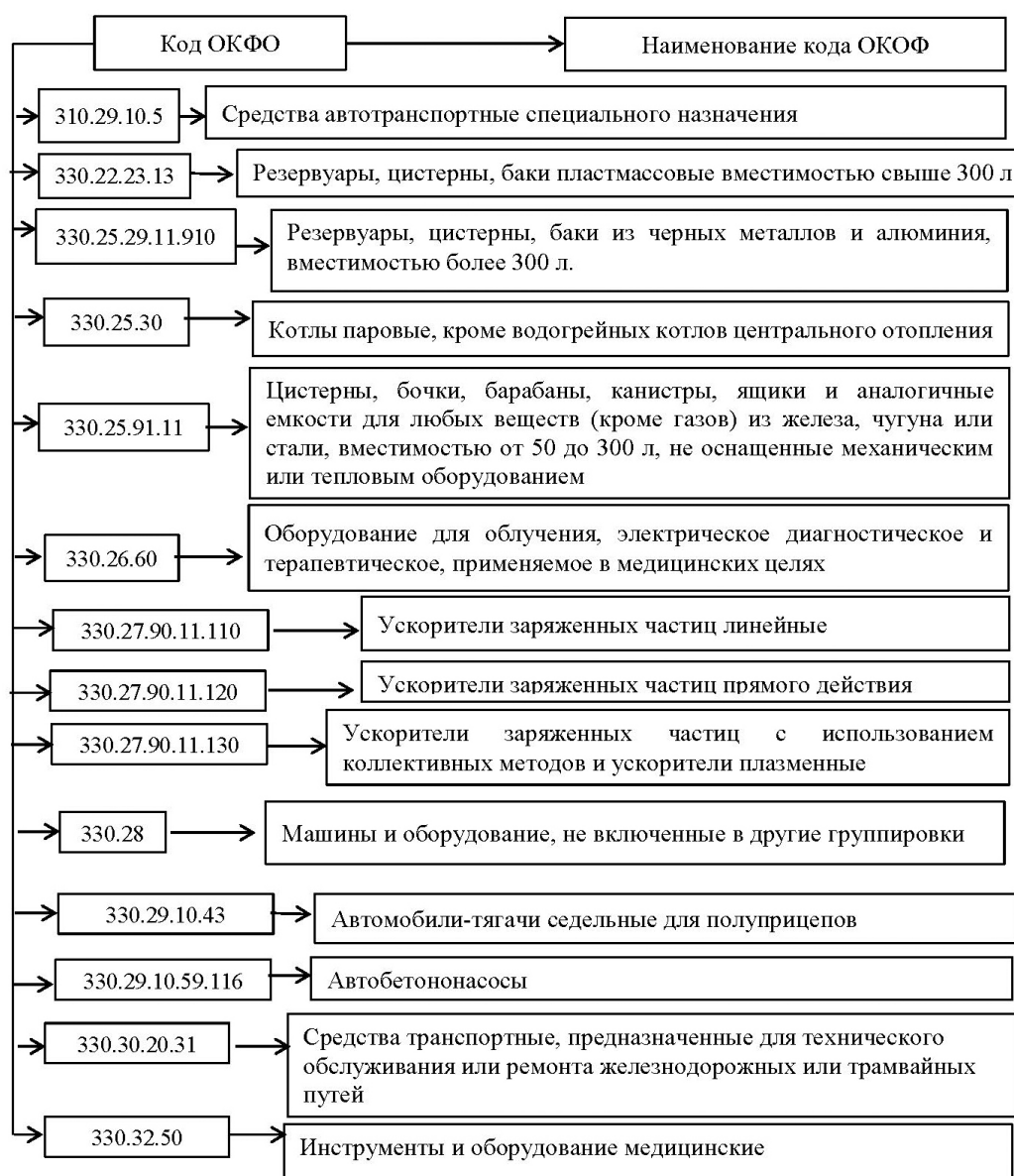

Рисунок 2. Коды Общероссийского классификатора основных фондов, применимые для выделения субсидии по Федеральной программе возмещения затрат

Источник: составлено авторами на основе нормативного документа «ОК 013-2014 (СНС 2008). Общероссийский классификатор основных фондов»²

Маслова Т. С., Лалаева А. А. [5], Пичушкин А. В. [6], Л. И. Хоружий [10] актуализируют вопросы поддержки малого и среднего предпринимательства в форме субсидии.

Аспекты нормативного регулирования учета государственной помощи, его достоинства и недостатки раскрыты в публикациях Сулейманова Н. С. [9], Семашко Ю. Е. [8], Stadlera C., Nobesa C.W. [15].

Исследованный материал приведенных публикаций позволил авторам сформулировать собственные выводы, представленные в данной статье.

Условия предоставления субсидии из бюджета Российской Федерации

Условием предоставления субсидии на втором этапе является согласие Получателя на осуществление

Главным распорядителем средств бюджета проверок порядка и условий предоставления субсидии, в том числе в части достижения результатов ее предоставления. Получателя субсидии из бюджета также может проверить орган государственного финансового контроля в соответствии со статьями 268.1 и 269.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации³.

Выражение согласия Получателя на осуществление указанных проверок устанавливается путем подписания Соглашения. При этом между сторонами Соглашения оговариваются обязанности и права. Основные обязанности сторон приведены в таблице 1.

Таблица 1. Обязанности сторон Соглашения по выделению субсидии из бюджета в пользу коммерческой организации

Обязанности сторон Соглашения о предоставлении субсидии	
Обязанности Главного распорядителя бюджетных средств	Обязанности Коммерческой организации – получателя бюджетных средств
– обеспечить предоставление субсидии в соответствии с заключенным Соглашением; – обеспечивать своевременное перечисление субсидии на счет Получателя; – устанавливать значения результатов предоставления субсидии; – осуществлять оценку достижения Получателем значений результатов предоставления субсидии, установленных Порядком предоставления субсидии или Главным распорядителем средств бюджета на основании: 1) отчета о достижении значений результатов предоставления субсидии по установленной форме; 2) осуществлять контроль за соблюдением Получателем порядка и условий предоставления субсидии, в том числе в части достижения результатов ее предоставления, а также мониторинг достижения результатов предоставления субсидии, установленных Порядком предоставления субсидии и Соглашением, в том числе в части достоверности предоставляемых Получателем сведений, путем проведения плановых и (или) внеплановых проверок.	– обеспечить достижение значений результатов предоставления субсидии и соблюдение сроков их достижения; – представлять Главному распорядителю средств бюджета Отчет не позднее 15 апреля года, следующего за отчетным периодом; – направлять по запросу Главного распорядителя средств бюджета документы и информацию, необходимые для осуществления контроля (мониторинга) за соблюдением порядка и условий предоставления субсидии; – обеспечить получение согласия лиц, являющихся поставщиками (подрядчиками, исполнителями) по договорам (соглашениям), заключенным между Получателем и такими лицами в целях исполнения обязательств по Соглашению; – выполнять иные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации и Порядком предоставления субсидии, в том числе: – не приобретать за счет полученной субсидии иностранную валюту, за исключением операций, осуществляемых в соответствии с валютным законодательством Российской Федерации при закупке (поставке) высокотехнологичного импортного оборудования, сырья и комплектующих изделий, а также связанных с достижением целей предоставления средств

Источник: составлено авторами на основе проведенного исследования

В случае установления Главным распорядителем средств бюджета или получения от органа государственного финансового контроля информации о фактах нарушения Получателем порядка и условий предоставления субсидии, в части достижения результатов ее предоставления или указания в документах недо-

стоверных сведений, Главный распорядитель имеет право направлять требование об обеспечении возврата субсидии в бюджет.

Права, которые имеют стороны Соглашения о предоставлении субсидии из бюджета коммерческой организации, представлены в таблице 2.

³ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/?ysclid=mnhg0rgs44848395013 (дата обращения: 10.02.2026).

Перечисление средств Получателю субсидии

На третьем этапе осуществляется предоставление субсидии. Указанные субсидии выделяются в пределах лимитов бюджетных обязательств, доведенных, например, в рассматриваемой ситуации, Министерству инвестиций, промышленности и науки Московской области как получателю средств бюджета по кодам классификации расходов федерального бюджета, а именно: КБК 859 0412 1130102020 811.

Субсидия перечисляется единовременно на счет Получателя, открытый в кредитной организации.

В случае выявления оснований для возврата субсидии, Главный распорядитель средств бюджет-

та – Министерство инвестиций, промышленности и науки Московской области, направляет Получателю требование о возврате субсидии (части субсидии) в бюджет.

В требовании о возврате указываются сумма, сроки, код бюджетной классификации Российской Федерации, по которому должен быть осуществлен возврат, и реквизиты счета, на который должны быть перечислены средства.

В случае неисполнения Получателем требования о возврате Главный распорядитель средств бюджета производит их взыскание в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Таблица 2. Права сторон Соглашения по выделению субсидии из бюджета в пользу коммерческой организации

Права сторон Соглашения о предоставлении субсидии	
Главного распорядителя бюджетных средств	Коммерческой организации
– принимать решение об изменении условий Соглашения, в том числе на основании информации и предложений, направленных Получателем, включая уменьшение размера субсидии, а также увеличение размера субсидии при наличии неиспользованных лимитов бюджетных обязательств, и при условии предоставления Получателем информации, содержащей финансово-экономическое обоснование данного изменения, а также решения об изменении сроков достижения значений результатов предоставления субсидии; – запрашивать у Получателя документы и информацию, необходимые для осуществления контроля (мониторинга) за соблюдением Получателем порядка и условий предоставления субсидии, в том числе в части достижения результатов ее предоставления.	– направлять Главному распорядителю средств бюджета предложения о внесении изменений в Соглашение, в том числе в случае установления необходимости изменения размера субсидии с приложением информации, содержащей финансово-экономическое обоснование данного изменения, а также в случае необходимости изменения сроков достижения результатов предоставления субсидии; – обращаться к Главному распорядителю средств бюджета в целях получения разъяснений в связи с исполнением Соглашения.

Источник: составлено авторами на основе проведенного исследования

При недостижении результатов предоставления субсидии, установленных Соглашением, возврат субсидии производится в размере, рассчитанном пропорционально недостигнутым результатам предоставления субсидии.

В случае если Получателем не достигнуты результаты предоставления субсидии, установленные Соглашением, не более чем на 10 процентов от установленных значений, субсидия не подлежит возврату. Расчет процента недостижения результатов предоставления субсидии, установленных Соглашением, производится как среднее значение процента отклонения от установленных значений всех результатов предоставления субсидии установленных Соглаше-

нием. В случае если Получателем не достигнуто значение хотя бы одного из результатов предоставления субсидии, установленных Соглашением, более чем на 50 процентов от установленного значения, субсидия подлежит возврату в полном объеме.

Федеральной государственной программой 01.01 «Возмещение части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, связанных с приобретением оборудования в целях создания и (или) развития либо модернизации производства товаров (работ, услуг)» предусмотрен лимит выделения бюджетных средств – не более 5 000 000 рублей.

Пример расчета субсидии для условной организации ООО «Х» приведен в таблице 3.

Таблица 3. Расчет размера субсидии из бюджета, предоставляемой субъекту малого и среднего предпринимательства на возмещение части затрат, связанных с приобретением оборудования в целях создания, развития или модернизации производства товаров (работ, услуг) в ООО «Х»

№ п/п	Вид затрат	Сумма затрат (ОЗ), в рублях
1	Приобретение в собственность оборудования: Гидравлическая гильотина (ОКОФ 330.28)	603 336,91
2	Приобретение в собственность оборудования: Оборудование для покрасочного участка (ОКОФ 330.28)	3 208 660,00
3	Приобретение оборудования в лизинг: Автопогрузчик Вилочный (ОКОФ 330.28)	515 700,00
Итого		4 327 696,91

Источник: составлено авторами на основе проведенного исследования

Размер субсидии рассчитывается на основании данных, приведенных в таблице 3, по формуле (1):

$$Cс = ОЗ \times 50\% < 5\,000\,000 \text{ р.} \quad (1),$$

где

$Cс$ – сумма субсидии;

$ОЗ$ – общая сумма фактических затрат получателя субсидии на приобретение инвестиционного актива;

5 000 000 р. – лимит субсидии, выделяемой на возмещение затрат по федеральной государственной программе 01.01 по приобретению оборудования, необходимого для модернизации производства продукции (работ, услуг).

Таким образом, размер субсидии, подлежащей перечислению коммерческой организации ООО «Х», по данным таблицы 3 составляет 2 163 848 рублей.

ООО «Х», как получатель бюджетных средств, должно раскрыть производственную, социальную, экономическую необходимость и целевую направленность субсидирования. Возможные значения результатов использования субсидии могут быть представлены в виде следующих планируемых достижений:

- сохранение или увеличение среднесписочной численности работников организации;
- увеличение налоговых отчислений в бюджет в связи с ростом объема производства и выручки от продаж.

Первое условие предоставления субсидии рассчитывается как сохранение среднесписочной численности работников за год, следующий за годом получения субсидии, в размере не менее среднесписочной численности работников получателя за год, предше-

ствующий году получения субсидии, или как разница среднесписочной численности работников по итогам года, следующего за годом получения субсидии, к году, предшествующему году получения субсидии.

Второе условие предоставления субсидии рассчитывается как разница налоговых отчислений получателя по итогам года, следующего за годом получения субсидии, к году, предшествующему году получения субсидии.

Бухгалтерский учет субсидии в коммерческих организациях

Основной стандарт, который имеет прямое отношение к бухгалтерскому учету субсидий, полученных из бюджета коммерческими организациями – это Положение по бухгалтерскому учету ПБУ 13/2000 «Учет государственной помощи»⁴.

Данный стандарт применяется теми коммерческими организациями, которые получают государ-

⁴ Приказ Минфина России от 16.10.2000 г. № 92н (ред. от 04.12.2018 г.) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет государственной помощи» ПБУ 13/2000» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29296/ef2d1ea04ded290d2f4c5c77b45bc0c4371d0c54/?ysclid=mnhg4o8kgo970056602 (дата обращения 10.02.2026).

ственную помощь (п. 1 ПБУ 13/2000). Из бюджета деньги выделяются безвозмездно на определенные цели, и коммерческая организация составляет отчет о том, что средства использованы целевым образом. Применение федерального стандарта ПБУ 13/2000 согласуется с требованиями статьи 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации, в которой перечислены виды государственной помощи в виде субсидий (п. 3 ПБУ 13/2000).

Стандарт ПБУ 13/2000 устанавливает требования о том, что государственная помощь «относится на доходы и расходы», прочие или связанные с обычными видами деятельности. Организация самостоятельно решает вопрос отражения полученных из бюджета средств, учитывая специфику своего функционирования. Для этого необходимо сформулировать методы учета и закрепить их в учетной политике организации. Проблема заключается в том, что вышеупомянутый стандарт предназначен для широкого круга организаций различных сфер деятельности и учета различных видов субсидий. В настоящее время только

для сельскохозяйственных организаций разработаны Отраслевые методические рекомендации по бухгалтерскому учету государственных субсидий и других видов государственной помощи (приказ Минсельхоза РФ от 02.02.2004 г. № 75).

Для одного экономического субъекта полученную субсидию целесообразно отразить как *прочий доход*, а для другого эти средства необходимо рассматривать как *доходы по обычным видам деятельности*. Аналогично ситуация складывается и по отражению расходов. В федеральном стандарте не уточняется, по какому критерию выбирается тот или иной способ отражения в учете.

Рассмотрим требования федерального стандарта «Учет государственной помощи» в части отражения информации о полученных субсидиях в бухгалтерском учете коммерческой организации, рекомендованные Минфином России⁵ (далее – «методика Минфина РФ»). Возможные бухгалтерские записи при использовании средств субсидии на приобретение внеоборотных активов приведены в таблице 4.

Таблица 4. Основные бухгалтерские записи по отражению в учете субсидий, полученных коммерческой организацией на приобретение внеоборотных активов

Содержание факта хозяйственной жизни	Корреспонденция счетов	
	дебет	кредит
1. Одобрение заявки и заключение соглашения на получение субсидии из бюджета	76	86
2. Перечислена субсидия на расчетный счет организации при использовании счета 76	51	76
3. Перечислена субсидия на расчетный счет организации без использования счета 76	51	86
4. Отражены расходы по приобретению (созданию) объекта основного средства	08	60
5. Оплачены документы поставщиков (подрядчиков)	60	51
6. Введен объект основного средства в эксплуатацию	01	08
7. Признание бюджетных средств доходом будущих периодов	86	98
8. Начисление амортизации основного средства	20	02
9. Закрытие счета «Основное производство» в конце месяца	90.02	20
10. Отнесение доходов будущих периодов на доход текущего периода в сумме начисленной амортизации	98	91.01

Источник: составлено авторами на основе Приказа Минфина РФ от 31.10.2000 г. № 94н⁵

В пункте 5 ПБУ 13/2000 названы два способа принятия бюджетных средств к учету в коммерческой организации. Первый – по факту получения денежных средств, в этом случае поступление субсидии отражается по варианту п. 3 таблицы 4. Второй – по факту

подписания соответствующих документов (независимо от поступления денежных средств), тогда используются бухгалтерские записи по п. 1 и п. 2 таблицы 4. Коммерческие организации вправе выбрать любой вариант и закрепить его в своей учетной политике.

⁵ Приказ Минфина РФ от 31.10.2000 г. № 94н (ред. от 08.11.2010 г.) «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29165/?ysclid=mnhg5wlynt772763564 (дата обращения: 10.02.2026).

Также рекомендуемым и применяемым в настоящее время способом бухгалтерского учета субсидии является схема с использованием счета 91.01 «Прочие доходы» (п. 10 таб. 4).

По приведенным в таблице 4 корреспонденциям счетов складывается ситуация закрытия счета 86 «Целевое финансирование» и одновременно формирование дохода экономического субъекта и его уменьшение на произведенные расходы в сумме амортизационных отчислений. Однако «зачет» доходов расходами будет происходить в течение срока полезного использования объекта основного средства, в то время как субсидия полностью использована на дату её поступления.

Кроме того, по приведенной в таблице 4 системе бухгалтерских записей явно видно, что нарушается принцип соотношения расходов с доходами, так как доход отражается на счете 91 «Прочие доходы и расходы», а расход на счете 90 «Продажи». Таким образом, если следовать указанной методике Минфина РФ, расходы, на возмещение которых получена субсидия, будут отражаться в общей совокупности всех произведенных расходов организации по дебету счета 90.02 «Себестоимость продаж», и их сложно будет сопоставить с контролируемыми доходами. Таким образом, по нашему мнению, в учетной политике организации должен быть отражен такой метод учета субсидии, который бы позволил организовать процесс контроля соответствия полученных средств (доходов) и понесенных за счет субсидии (покрываемых субсидией) расходов.

В соответствии со ст. 78 Бюджетного кодекса РФ субсидии юридическим лицам предоставляются на безвозмездной и безвозвратной основе в целях возмещения недополученных доходов и (или) финансового обеспечения (возмещения) затрат в связи с производством (реализацией) товаров, выполнением работ, оказанием услуг. Необходимо отметить, что в Бюджетном кодексе не предусмотрен порядок возврата в бюджет остатка средств неиспользованной субсидии. Возникновение неиспользованного остатка возможно по различным причинам, например:

- субсидия получена в конце отчетного периода, а период её использования приходится на следующий отчетный год;
- субсидия не использована полностью в связи с экономией денежных средств (снижение цен, пересмотр конструктивных элементов приобретаемого или строящегося объекта, изменение планов компании и т. п.);

- остаток неиспользованной субсидии составляет менее 10% от ее первоначальной суммы.

В соответствии с МСФО (IAS) 20 «Учет государственных субсидий и раскрытие информации о государственной помощи»⁶ полученная организацией коммерческого сектора субсидия может быть отражена двумя способами:

- отнесена к активам, если направлена на покупку, постройку или приобретение амортизируемых активов, т. е. носит инвестиционный характер (абз. 5, п. 3 МСФО 20);
- отнесена к доходам (путем увеличения прочих доходов или уменьшения прочих расходов), если направлена на приобретение неамортизируемых активов.

Согласно пунктам 29 и 31 МСФО 20 информация о субсидиях, относящихся к доходам, раскрывается в отчетности в составе прибыли или убытка либо отдельно, либо в составе общей статьи, например «Прочие доходы». Альтернативой указанному порядку отражения в отчете о финансовых результатах является способ, когда субсидии (доходы) вычитаются из соответствующих расходов. Оба указанных способа считаются допустимыми для представления субсидий, полученных на возмещение затрат на приобретение неамортизируемого имущества. Как сказано в МСФО 20 «как правило, уместно раскрытие влияния субсидий на любую статью доходов или расходов, требующую отдельного раскрытия». То есть, другими словами, бюджетные средства, не относящиеся к активам, могут быть отражены в отчетности получателя субсидии двумя способами (методами):

1) метод «развернутого» представления в отчетности. В составе статьи «Прочие доходы» или «Выручка» показывается сумма в размере средств полученной субсидии, соответственно, в составе статьи «Прочие расходы» или «Себестоимость продаж» показывается сумма расходов, понесенных организацией за счет субсидии;

2) метод «свернутого» представления результатов использования субсидии в отчетности. Поскольку возможны ситуации, когда субсидия покрывает только часть расходов организации, по статье отчетности «Прочие расходы» или «Себестоимость продаж» показывается разница между фактически понесенными организацией расходами и суммой субсидии, полученной на возмещение части затрат.

Рассмотрим на примерах, приведенных в таблицах 5 и 6, отражение описанных методов.

⁶ «Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 20 «Учет государственных субсидий и раскрытие информации о государственной помощи» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28.12.2015 N 217н)» (ред. от 27.06.2016) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193537/?ysclid=mnhg7gesqq15354071 (дата обращения: 10.02.2026).

Таблица 5. Рекомендуемые бухгалтерские записи по отражению в учете субсидии, выделенной из бюджета коммерческой организации на расходы, не связанные с капитализацией (приобретение неамортизируемых активов) методом «развернутого» представления результатов, отражаемых в отчетности в составе прочих доходов и расходов

Содержание факта хозяйственной жизни	Сумма	Корреспонденция счетов	
		дебет	кредит
1. Одобрение заявки и заключение соглашения на получение субсидии из бюджета	2 163 848	76	86
2. Перечислена субсидия на расчетный счет организации	2 163 848	51	76
3. Отражено приобретение запасов	1 666 667	10	60
4. Отражен НДС, выделенный в отгрузочных документах поставщиков запасов	333 333	19	60
5. Произведена оплата поставщикам запасов	2 000 000	60	51
6. Запасы использованы в производстве	1 666 667	20	10
7. Списан НДС, выделенный в отгрузочных документах поставщиков запасов, приобретенных за счет бюджетной субсидии	333 333	91.02	19
8. Признание бюджетных средств доходом	2 000 000	86	91.01
9. Отражено фактическое использование субсидии на возмещение затрат по приобретению запасов	1 666 667	91.02	20
10. Сальдо счета 86 (недоиспользованная сумма субсидии меньше 10% первоначальной её суммы), остается в распоряжении организации, и переносится на счет нераспределенной прибыли за минусом налога на прибыль:			
– признание остатка недоиспользованных средств бюджетной субсидии доходом;	163 848	86	91.01
	163 848	91.01	91.09
	163 848	91.09	99
– начислен налог на прибыль;	32 770	99	68.04
– при реформации баланса учтена часть нераспределенной прибыли, относящаяся к доходам в виде субсидии	131 078	99	84

Источник: составлено авторами

Очевидно, что метод «свернутого» представления результатов использования бюджетной субсидии (таблица 6) на возмещение расходов по приобретению оборотных активов (запасов) представляется более рациональным с точки зрения процесса отражения операций в бухгалтерском учете организации – получателя субсидии.

Заключение

Рассмотренная выше методика учета и раскрытия в отчетности информации о полученных и израсходованных средствах субсидии из бюджета, предлагаемая ПБУ 13/2000 и МСФО 20, по нашему мнению, имеет ряд недостатков. Счета бухгалтерского учета доходов и расходов (90 «Продажи», 91 «Прочие доходы и расходы») не предполагают наличия сальдо, поскольку

являются операционно-результатными и закрываются в конце отчетного периода определением финансового результата. В связи с этим субсидии, выделенные экономическим субъектам коммерческого сектора не только для инвестиционных целей, но и в случае направления на приобретение неамортизируемых активов, должны отражаться в учете с применением счета 86 «Целевое финансирование». На данном счете можно отразить весь процесс от момента согласования суммы субсидии до факта получения, расходования и формирования остатка неизрасходованных средств.

Это дает возможность оперативного, текущего и последующего контроля государственных средств и наглядности процесса достижения целей, на которые эти средства были выделены.

Таблица 6. Рекомендуемые бухгалтерские записи по отражению в учете субсидии, выделенной из бюджета коммерческой организации на расходы, не связанные с капитализацией (приобретение неамортизируемых активов) методом «свернутого» представления результатов

Содержание факта хозяйственной жизни	Сумма	Корреспонденция счетов	
		дебет	кредит
1. Одобрение заявки и заключение соглашения на получение субсидии из бюджета	2 163 848	76	86
2. Перечислена субсидия на расчетный счет организации	2 163 848	51	76
3. Отражено приобретение запасов (с НДС)	2 000 000	10	60
4. Оплачены документы поставщиков запасов	2 000 000	60	51
5. Запасы использованы в производстве (с НДС)	2 000 000	86	10
6. Сальдо счета 86 (недоиспользованная сумма субсидии меньше 10% первоначальной её суммы), остается в распоряжении организации, и переносится на счет нераспределенной прибыли за минусом налога на прибыль:			
– признание остатка недоиспользованных средств бюджетной субсидии доходом;	163 848	86	91.01
	163 848	91.01	91.09
	163 848	91.09	99
– начислен налог на прибыль;	32 770	99	68.04
– при реформации баланса учтена часть нераспределенной прибыли, относящаяся к доходам в виде субсидии	131 078	99	84

Источник: составлено авторами

С принятием ФСБУ 9/2025 «Доходы» у организаций-получателей бюджетных субсидий возникает ряд дополнительных проблем. Согласно п. 3 части 1 ФСБУ 9/2025 «доходами экономического субъекта признается увеличение экономических выгод в результате поступления (увеличения стоимости) активов и (или) погашения (уменьшения величины) обязательств, приводящее к увеличению капитала этого экономического субъекта, не связанному с вкладами (взносами) учредителей (участников, акционеров, собственников имущества) экономического субъекта»⁷. В составе раздела 2 «Выручка» и в составе раздела 3 «Доходы, отличные от выручки» прямо не поименованы доходы, связанные с получением государственной помощи. Но п. п. «к» п. 36 раздела 3 указывает на то, что в составе доходов, отличных от выручки, могут быть учтены «иные доходы, отличные от указанных в подпунктах «а» – «и» настоящего пункта, в случаях, установленных

другими федеральными стандартами». Т.е. не прямо, но косвенно, регулятор отсылает заинтересованного читателя к ПБУ 13/2000, в соответствии с которым государственная помощь «относится на доходы и расходы», прочие или связанные с обычными видами деятельности. Казалось бы, обоснование того, что государственная помощь должна учитываться в составе доходов, а ее использование в составе расходов, неоспоримо. В то же время получение субсидии на возмещение расходов не предполагает процесса формирования финансового результата. Таким образом, указанный процесс направлен на подтверждение целевого характера расходования государственных средств, когда получателю в общем случае необходимо доказать, что увеличение экономических выгод равно их уменьшению.

Из анализа последующих статей ФСБУ 9/2025 видно, что в составе раздела 2 «Выручка» отсутствуют признаки, позволяющие идентифицировать по-

⁷ Приказ Минфина России от 16.05.2025 № 56н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 9/2025 «Доходы» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511967/?ysclid=mnhg91jhdr19547634 (дата обращения: 10.02.2026).

лученную субсидию из бюджета как выручку. Таким образом, возможность отнесения субсидии к категории «Выручка», предусмотренная в ПБУ 13/2000 и МСФО 20, вступает в противоречие с ФСБУ 9/2025, в котором такая возможность не предусмотрена, по-

скольку предполагается включение таких активов в состав «прочих» доходов. Данный аспект требует дальнейших исследований, в том числе по причине того, что ФСБУ 9/2025 принято недавно и вводится на территории РФ начиная с отчетности за 2027 год.

Литература

1. Агаркова Л. В., Ельчанинова О. В. Некоторые аспекты учета государственной поддержки предприятий АПК // Бухучет в сельском хозяйстве. – 2025. – Т. 22, № 9 (265). – С. 640–649. – <https://doi.org/10.33920/sel-11-2509-02>. – EDN: TJPXJD.
2. Аксентьев А. А. Дотации и их роль в современных условиях развития экономики // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 7. – С. 1955–1974. – <https://doi.org/10.18334/epp.10.7.110656>. – EDN: VTXDDX.
3. Аксентьев А. А. Критический анализ подходов к бухгалтерскому учету государственной помощи. Часть I // Международный бухгалтерский учет. – 2024. – Т. 27, № 9 (519). – С. 1049–1066. – <https://doi.org/10.24891/ia.27.9.1049>. – EDN: GNSAAT.
4. Козменкова С. В., Прынцев М. Н. Формирование в учете и отчетности информации о государственной помощи по российским и международным стандартам // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 22 (373). – С. 23–32. – EDN: SESJSR.
5. Маслова Т. С., Лалаева А. А. Государственная помощь малому и среднему бизнесу в России и за рубежом как объект анализа // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2018. – № 12 (440). – С. 24–33. – EDN: XRKVHN.
6. Пичушкин А. В. Определение объема и условий предоставления субсидий на иные цели // Бюджетный учет. – 2021. – № 4(196). – С. 20–25. – EDN: DQNHKM.
7. Пышкин А. Н. Учет государственными (муниципальными) микрофинансовыми организациями субсидии в виде имущественного взноса // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2024. – № 1. – С. 38–46. – https://doi.org/10.51760/2308-9407_2024_1_38. – EDN: QYEKUS.
8. Семашко Ю. Е. Возврат субсидии // Бюджетный учет. – 2021. – № 9(201). – С. 16–19. – EDN: PHANPH.
9. Сулейманов Н. С. ФСБУ 9/2025 «Доходы»: особенности применения // Международный бухгалтерский учет. – 2026. – Т. 29, № 1. – С. 38–51. – <https://doi.org/10.24891/gmqaix>. – EDN: GMQAIХ.
10. Формирование системы учетно-аналитического обеспечения эффективности использования средств государственной поддержки как элемента экономической безопасности сельскохозяйственных организаций / Л. И. Хоружий [и др.] // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. – 2025. – № 2. – С. 197–211. – <https://doi.org/10.26897/0021-342X-2025-2-197-211>. – EDN: KAWXTG.
11. Хахонова Н. Н., Киркач Ю. Н. Бухгалтер: востребованность и перспективы существования профессии // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2025. – № 3. – С. 6–13. – https://doi.org/10.51760/2308-9407_2025_3_6. – EDN: QIRXTS.
12. Хоружий Л. И., Кокорев Н. А., Багирова С. М. Развитие бухгалтерского учета государственной помощи в сельскохозяйственных организациях // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2019. – № 6. – С. 26–34. – EDN: JAYNNN.
13. Forker J., Green S. (2000) Corporate governance and accounting models of the reporting entity. *British Accounting Review*. – Vol. 32. – No. 4, pp. 375–396. – <https://doi.org/10.1006/bare.2000.0144>. (In Eng.).
14. Kern B. B. (2000) Role of depreciation and the investment tax credit in tax policy and their influence on financial reporting during the 20th century. *Accounting Historians Journal*. – Vol. 27. – No. 2, pp. 145–164. (In Eng.).
15. Stadler C., Nobes C. W. (2018) Accounting for government grants: Standard-setting and accounting choice. *Journal of Accounting and Public Policy*. – Vol. 37. – No. 2, pp. 113–129. – <https://doi.org/10.1016/j.jaccpubpol.2018.02.004>. (In Eng.).

References

1. Agarkova, L. V., El'chaninova, O. V. (2025) [Some aspects of accounting for state support of agricultural enterprises]. *Buhuchet v sel'skom hozyajstve* [Accounting in agriculture]. Vol. 22. No. 9 (265). – <https://doi.org/10.33920/sel-11-2509-02>. (In Russ.).
2. Aksentyev, A. A. (2020) [Subsidies and their role in modern conditions of economic development].

Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [Economy, Entrepreneurship and Law]. Vol. 10. No. 7, pp. 1955–1974. – <https://doi.org/10.18334/epp.10.7.110656>. (In Russ.).

3. Aksentyev, A. A. (2024) [Critical analysis of approaches to accounting for government aid. Part I]. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchet* [International Accounting]. Vol. 27. No. 9 (519), pp. 1049–1066. – <https://doi.org/10.24891/ia.27.9.1049>. (In Russ.).

4. Kozmenkova, S. V., Pryncev, M. N. (2014) [Formation of information on state aid in accounting and reporting according to Russian and international standards]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. Vol. 22 (373), pp. 23–32. (In Russ.).

5. Maslova, T. S., Lalaeva, A. A. (2018) [State aid to small and medium businesses in Russia and abroad as an object of analysis]. *Bukhgalterskiy uchet v byudzhetykh i nekommercheskikh organizatsiyakh* [Accounting in budgetary and non-profit organizations]. Vol. 12 (440), pp. 24–33. (In Russ.).

6. Pichushkin, A. V. (2021) [Determination of the volume and conditions for the provision of subsidies for other purposes]. *Byudzhetyy uchet* [Budgetary accounting]. Vol. 4 (196), pp. 20–25. (In Russ.).

7. Pyshkin, A. N. (2024) [Accounting of subsidies in the form of a property contribution by state (municipal) microfinance organizations]. *Vestnik IPB (Vestnik professional'nykh bukhgalterov)* [IPB Bulletin (Bulletin of Professional Accountants)]. Vol. 1, pp. 38–46. – https://doi.org/10.51760/2308-9407_2024_1_38. (In Russ.).

8. Semashko, Yu. E. (2021) [Subsidy return]. *Byudzhetyy uchet* [Budgetary accounting]. Vol. 9(201), pp. 16–19. (In Russ.).

9. Suleimanov, N. S. (2026) [FSBU 9/2025 «Revenue»: features of application]. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchet* [International accounting]. Vol. 29. No. 1, pp. 38–51. – <https://doi.org/10.24891/gmqaix>. (In Russ.).

10. Khoruzhy, L. I., et al. (2025) [Formation of the system of accounting and analytical support for the efficiency of using state support funds as an element of economic security of agricultural organizations]. *Izvestiya Timiryazevskoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of the Timiryazev Agricultural Academy]. Vol. 2, pp. 197–211. – <https://doi.org/10.26897/0021-342X-2025-2-197-211>. (In Russ.).

11. Khakhonova, N. N., Kirkach, Yu. N. (2025) [Accountant: demand and prospects for the existence of the profession]. *Vestnik IPB (Vestnik professional'nykh bukhgalterov)* [Bulletin of the IPB (Bulletin of Professional Accountants)]. Vol. 3, pp. 6–13. – https://doi.org/10.51760/2308-9407_2025_3_6. (In Russ.).

12. Khoruzhy, L. I., Kokorev, N. A., Bagirowa, S. M. (2019) [Development of accounting for state aid in agricultural organizations]. *Vestnik IPB (Vestnik professional'nykh bukhgalterov)* [IPB Bulletin (Bulletin of Professional Accountants)]. Vol. 6, pp. 26–34. (In Russ.).

13. Forker, J., Green, S. (2000) Corporate governance and accounting models of the reporting entity. *British Accounting Review*. Vol. 32. No. 4, pp. 375–396. – <https://doi.org/10.1006/bare.2000.0144>. (In Eng.).

14. Kern, B. B. (2000) Role of depreciation and the investment tax credit in tax policy and their influence on financial reporting during the 20th century. *Accounting Historians Journal*. Vol. 27. No. 2, pp. 145–164. (In Eng.).

15. Stadler, C., Nobes, C. W. (2018) Accounting for government grants: Standard-setting and accounting choice. *Journal of Accounting and Public Policy*. Vol. 37. No. 2, pp. 113–129. – <https://doi.org/10.1016/j.jaccpubpol.2018.02.004>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Лариса Александровна Свиридова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет имени В. А. Бондаренко, Оренбург, Россия

ORCID iD: 0000-0003-1164-5173, **SPIN-код:** 7583-6232, **AuthorID:** 638713

e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

Татьяна Александровна Терентьева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет имени В. А. Бондаренко, Оренбург, Россия

ORCID iD: 0009-0002-4288-6009, **SPIN-код:** 6674-4843, **AuthorID:** 672726

e-mail: teraudit56@mail.ru

Вклад соавторов:

Свиридова Л. А. – 50 %.

Терентьева Т. А. – 50 %.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию: 10.02.2026; принята в печать: 17.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Larisa Aleksandrovna Sviridova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis, and Audit, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

ORCID iD: 0000-0003-1164-5173, **SPIN-code:** 7583-6232, **AuthorID:** 638713

e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

Tatyana Aleksandrovna Terentyeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis, and Audit, Orenburg State University named after V.A. Bondarenko, Orenburg, Russia

ORCID iD: 0009-0002-4288-6009, **SPIN-code:** 6674-4843, **AuthorID:** 672726

e-mail: teraudit56@mail.ru

Contribution of the authors:

Sviridova L. A. – 50%.

Terentyeva T. A. – 50%.

There is no conflicts of interest.

The paper was submitted: 10.02.2026.

Accepted for publication: 17.07.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

ТРАНСПОРТ

Научная статья
УДК 656.13:004.896

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-74>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ВОДИТЕЛЕЙ ГРУЗОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ТРАНСПОРТА

Л. М. Нургалиев¹, Р. Ф. Калимуллин²

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

¹ e-mail: nlm82@mail.ru

² e-mail: rkalimullin@mail.ru

С. Ю. Коваленко

ООО «Оренбург-СканСервис», Оренбург, Россия

e-mail: kovalenko-osu@yandex.ru

Аннотация. Развитие интеллектуальных транспортных систем и средств автоматизированного управления автомобилями приводит к существенной трансформации традиционных функций водителей. В современных условиях часть профессиональных задач, ранее выполнявшихся исключительно человеком, постепенно передается автоматизированным системам. В связи с этим возникает необходимость анализа изменения профессионального функционала водителя и определения рационального распределения обязанностей между человеком и интеллектуальной системой управления транспортным средством.

Обзор функций водителей выполнен на основе действующих профессиональных стандартов применительно к различным категориям грузового транспорта: карьерным самосвалам, магистральным грузовым автомобилям и транспортным средствам, осуществляющим перевозку опасных грузов. В работе проведен анализ функций водителя грузового автомобиля с позиций возможности их автоматизации с учетом технологических ограничений и требований безопасности. Для количественной оценки использована шкала уровней автоматизации, позволяющая классифицировать функции по степени передачи их интеллектуальным системам управления. Дополнительно рассмотрены возможности интеграции систем поддержки водителя на основе концепции «эковождения», рекомендации производителей грузовых автомобилей по эффективной эксплуатации техники, а также правовые положения проекта федерального закона о высокоавтоматизированных транспортных средствах (ВАТС).

Обосновано рациональное распределение функций между водителем и автоматизированными системами управления автомобилем на различных стадиях развития ВАТС. Уточнены перспективы изменения роли водителя при переходе к 4–5-му уровням автоматизации, когда возрастает значение функций контроля, подтверждения решений системы и реагирования в нестандартных ситуациях.

Разработан подход к классификации профессиональных функций водителя грузового автомобиля по степени их автоматизации с учетом уровней автономности, требований безопасности и категорий транспортных средств. Впервые предложено рациональное распределение функций между водителем и интеллектуальной системой управления применительно к различным этапам развития ВАТС (грузового транспорта), а также уточнена трансформация профессиональной роли водителя при переходе к 4–5-му уровням автоматизации.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке новых моделей грузовых автомобилей, совершенствовании интеллектуальных систем управления и формировании программ подготовки и переподготовки водителей для работы в условиях интеллектуализации транспорта.

Ключевые слова: высокоавтоматизированные транспортные средства, автоматизация, функции водителя.

Для цитирования: Нургалиев Л. М., Калимуллин Р. Ф., Коваленко С. Ю. Трансформация функций водителей грузовых автомобилей в условиях интеллектуализации транспорта // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 74–88. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-74>.

Original article

TRANSFORMATION OF TRUCK DRIVER FUNCTIONS IN THE CONTEXT OF TRANSPORT INTELLIGENTIZATION

L. M. Nurgaliyev¹, R. F. Kalimullin²

Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

¹ e-mail: nlm82@mail.ru

² e-mail: rkalimullin@mail.ru

S. Yu. Kovalenko

Orenburg-ScanService LLC, Orenburg, Russia

e-mail: kovalenko-osu@yandex.ru

Abstract. *The development of intelligent transport systems and automated vehicle control systems is significantly transforming traditional driver functions. In today's environment, some professional tasks previously performed exclusively by humans are gradually being transferred to automated systems. This necessitates analyzing the changing professional roles of drivers and determining a rational distribution of responsibilities between humans and intelligent vehicle control systems.*

Driver functions are reviewed based on current professional standards applicable to various categories of trucks: quarry trucks, long-haul trucks, and vehicles transporting hazardous materials. This paper analyzes truck driver functions from the perspective of their automation potential, taking into account technological limitations and safety requirements. A scale of automation levels is used for quantitative assessment, allowing for the classification of functions based on the degree of their transfer to intelligent control systems. Additionally, the possibilities of integrating driver support systems based on the «eco-driving» concept, recommendations from truck manufacturers for efficient vehicle operation, and the legal provisions of the draft federal law on highly automated vehicles (HAV) are considered.

A rational distribution of functions between humans and automated vehicle control systems at various stages of HAV development is substantiated. The prospects for changing the driver's role during the transition to automation levels 4–5, when the importance of control, confirmation of system decisions, and response in non-standard situations increases, are clarified.

An approach to classifying the professional functions of a truck driver by their degree of automation is developed, taking into account levels of autonomy, safety requirements, and vehicle categories. For the first time, a rational distribution of functions between the driver and the intelligent control system is proposed for various stages of HAV (truck transport) development, and the transformation of the driver's professional role during the transition to automation levels 4–5 is clarified.

The obtained results can be used in the development of new truck models, the improvement of intelligent control systems, and the development of driver training and retraining programs for work in an increasingly intelligent transport environment.

Key words: *highly automated vehicles, automation, driver functions.*

Cite as: Nurgaliyev, L. M., Kalimullin, R. F., Kovalenko, S. Yu. (2026) [Transformation of truck driver functions in the context of transport intelligentization]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 74–88. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-74>.

Введение

Современный этап развития автомобильного транспорта характеризуется активным внедрением интеллектуальных транспортных систем, цифровых технологий управления движением и разработкой высокоавтоматизированных транспортных средств (BATS) [10]. Наиболее стремительно процессы автоматизации развиваются в сфере грузовых перевозок, где улучшение эксплуатационных показателей перевозочного

процесса, сокращение эксплуатационных затрат, дефицит квалифицированных кадров и снижение аварийности стимулируют внедрение систем помощи водителю ADAS (Advanced Driver Assistance Systems), элементов автономного управления и цифровых платформ мониторинга технического состояния транспортных средств [1; 13]. В результате часть функций, традиционно выполняемых водителем грузового автомобиля, плавно переходит к интеллектуальным системам управления.

Актуальность исследования обусловлена тем, что развитие автоматизированного транспорта ведет не только к техническому улучшению автомобилей, но и к значительной трансформации профессиональной деятельности водителя. Современные системы могут автоматически поддерживать безопасную дистанцию, контролировать скорость движения, удерживать транспортное средство в полосе, контролировать техническое состояние автомобиля, изучать дорожную обстановку, контролировать «слепые зоны», распознавать дорожные знаки и разметку, а также предупреждать о возможных столкновениях и выполнять отдельные маневры [2; 3; 9]. Однако существующие технологии пока не обеспечивают полной замены человека, прежде всего в условиях нестандартных дорожных ситуаций, перевозки опасных грузов, эксплуатации техники в сложных производственных условиях и необходимости принятия юридически значимых решений [4].

Несмотря на интенсивное развитие интеллектуальных транспортных систем в научной литературе недостаточно исследованы вопросы рационального распределения профессиональных функций между водителем и автоматизированной системой управления применительно к грузовому транспорту. В большинстве работ рассматриваются либо технические аспекты автоматизации движения, либо отдельные функции систем помощи водителю, тогда как комплексная оценка трансформации функций водителя грузового автомобиля с учетом различных условий эксплуатации, уровней автоматизации и требований безопасности остается недостаточно разработанной. Отсутствие системного подхода к классификации функций водителя по степени их автоматизации затрудняет формирование требований к подготовке персонала, разработке интеллектуальных систем управления и нормативно-правовому регулированию эксплуатации ВАТС.

Научная проблема исследования состоит в необходимости нахождения пределов и условий автоматизации профессиональных функций водителя грузового автомобиля.

Цель исследования состоит в создании модели рационального распределения функций между человеком и интеллектуальной системой управления транспортным средством в условиях постепенного перехода к ВАТС, учитывая уровни автономности, комфорт водителя, экономическую эффективность грузовых перевозок, требования безопасности и особенности эксплуатации различных категорий грузовых автомобилей.

Для достижения поставленной цели в работе решены следующие задачи:

- выполнен анализ современных тенденций развития интеллектуальных транспортных систем и ВАТС;
- исследованы профессиональные функции водителей различных категорий грузовых автомобилей;
- проведена классификация функций водителя по степени возможной автоматизации;
- выявлены функции, сохраняющие приоритетную роль человека;
- сделана оценка перспектив трансформации роли водителя при переходе к 4–5 уровням автоматизации.

Научная значимость исследования заключается в создании системного подхода к оценке трансформации функций водителя грузового транспорта на фоне интеллектуализации транспорта. Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных результатов при разработке интеллектуальных систем управления грузовым транспортом, совершенствовании программ подготовки и переподготовки водителей, а также при создании нормативной базы эксплуатации ВАТС.

Шкала уровней автоматизации функций водителя

В мировой практике при оценке степени автономности автомобиля наиболее широкое распространение получила классификация уровней автоматизации, разработанная Обществом автомобильных инженеров SAE (Society of Automotive Engineers) и Национальным управлением безопасностью движения на трассах США NHTSA (National Highway Traffic Safety Administration). Она предусматривает шесть уровней автоматизации (от уровня 0 до уровня 5), характеризующих последовательное перераспределение функций управления между человеком и автоматизированной системой, что представлено в таблице 1.

В настоящем исследовании указанная классификация используется в качестве методологической основы для анализа изменений профессиональной деятельности водителя грузового автомобиля. Анализ профессиональной деятельности водителя целесообразно проводить не только по уровням автономности транспортного средства, но и по степени автоматизации каждой выполняемой функции. Для этого предлагается использовать специальную шкалу уровней автоматизации профессиональных функций водителя, представленную в таблице 2, позволяющую количественно оценить распределение ответственности между человеком и интеллектуальной системой управления применительно к каждой функции отдельно [13].

Таблица 1. Уровни автоматизации автомобиля по SAE

Уровни автоматизации автомобиля	Водитель	Автомобиль
0 (без автоматизации)	За весь процесс вождения отвечает водитель	Автомобиль может обнаружить слепые зоны, предупредить о лобовом столкновении или выезде с полосы движения
1 (помощь водителю)	Водитель по-прежнему полностью отвечает за вождение, но в некоторых ситуациях получает помощь от автомобиля	Автомобиль поддерживает базовые функции помощи: адаптивный круиз-контроль, автоматическое экстренное торможение и удержание полосы движения
2 (частичная автоматизация)	Водитель по-прежнему должен быть начеку и постоянно следить за дорожной обстановкой	Функции помощи при вождении (в частности, самостоятельная парковка и помощь при движении в пробке), контролирующие ускорение, торможение и рулевое управление, работают в комплексе и не требуют действий водителя в ряде ситуаций
3 (условная автоматизация)	Водитель всегда должен быть готов взять на себя управление на то время, когда система автовождения не способна выполнять свои функции	Автомобиль может сам выполнять все функции управления при определенных обстоятельствах
4 (высокая автоматизация)	Человек может быть пассажиром, однако, получив уведомление, может взять управление на себя	Автомобиль может двигаться и все «видеть» сам по себе практически во всех ситуациях, но нестандартные дорожные условия или местные законы могут потребовать управления человеком
5 (полная автоматизация)	Люди, находящиеся в салоне, являются пассажирами и не должны участвовать в управлении автомобилем. Наличие рулевого колеса необязательно	Автомобиль способен выполнять все функции вождения в любых обстоятельствах без человеческого вмешательства

Источник: заимствовано из SAE

Таблица 2. Шкала уровней автоматизации функций водителя

Уровень автоматизации	Характер автоматизации	Роль человека	Роль системы
0	автоматизация отсутствует	полностью выполняет функцию	отсутствует
1	информационная поддержка	принимает решение	предоставляет информацию
2	система поддержки решений	принимает окончательное решение	анализирует данные
3	частичная автоматизация	контролирует систему	выполняет часть операций
4	высокая автоматизация	вмешивается при необходимости	управляет процессом
5	полная автоматизация	не участвует	полностью выполняет функцию

Источник: заимствовано из работы [13]

По мере повышения уровня автоматизации изменяется не только степень участия человека в процессе управления, но и содержание его профессиональных обязанностей. Если на низких уровнях автоматизации водитель самостоятельно выполняет практически все функции управления, то на более высоких

уровнях его деятельность постепенно смещается в сторону контроля функционирования интеллектуальной системы, подтверждения принимаемых ею решений и вмешательства только при возникновении нестандартных ситуаций.

Сохранение контрольной функции означает необ-

ходимость наличия у водителя достаточно высокого уровня профессиональной подготовки. Он должен не только владеть традиционными навыками управления транспортным средством, но и понимать принципы функционирования автоматизированных систем, особенности взаимодействия электронных модулей, ограничения сенсорного восприятия и возможные сценарии отказов. Таким образом, в условиях эксплуатации ВАТС требования к квалификации на отдельных этапах даже возрастают, поскольку к обычным водительским компетенциям добавляются элементы технической и цифровой грамотности.

Одновременно возникает экономическое противоречие – по мере увеличения количества ВАТС возрастает и общая потребность в персонале, способном их сопровождать, контролировать и обслуживать. Подготовка большого числа специалистов высокой квалификации требует значительных финансовых затрат, длительного обучения и создания новых образовательных программ. Это увеличивает эксплуатационные расходы транспортных организаций и снижает ожидаемый экономический эффект от автоматизации.

Поскольку автоматизация изменяет характер трудовой деятельности водителя, в перспективе можно говорить не столько о росте требований к массовой квалификации всех водителей, сколько о дифференциации профессиональных требований. Это позволяет обеспечить эксплуатацию большого количества ВАТС без пропорционального роста числа высококвалифицированных кадров, что имеет значение для экономической эффективности транспортной отрасли.

Шкала уровней автоматизации функций водителя является методическим инструментом последующего анализа и положена в основу авторской классификации функций водителя грузового автомобиля.

Обзор функционала водителей базируется на их профессиональных стандартах применительно к карьерным самосвалам¹, магистральным грузовым автомобилям и транспортным средствам, перевозящим опасные грузы².

Анализ обобщенных базовых функций водителя грузового автомобиля

Важной базовой функцией водителя является *соблюдение правил дорожного движения*. В грузовых автомобилях нового поколения применяются системы

распознавания дорожных знаков, основанные на технологиях машинного зрения, которые способны автоматически определять ограничения скорости и другие предписания. Такие системы могут информировать водителя о действующих ограничениях и предупреждать о возможных нарушениях. Однако адекватная оценка дорожной ситуации может потребовать учета дополнительных факторов, что не всегда корректно распознается алгоритмами системы. Именно поэтому человек берет на себя ответственность за выполнение правил движения и принимает окончательное решение об их соблюдении.

Другими важными базовыми функциями являются *выбор безопасной скорости движения* и *соблюдение безопасной дистанции* до впереди идущего транспортного средства. Эти задачи решает система адаптивного круиз-контроля, которая позволяет автоматически поддерживать заданную скорость в пределах установленного режима и регулировать её в зависимости от расстояния до впереди идущего автомобиля, обеспечивая безопасную дистанцию. Достоинством системы является её влияние на повышение уровня безопасности движения и снижение утомляемости водителя в продолжительных поездках. Вместе с тем полностью полагаться на неё нельзя, особенно при сложном рельефе местности или высокой плотности транспортного потока, поэтому водитель обязан контролировать её работу и при необходимости вмешиваться.

К важным функциям водителя относится *учёт дорожной обстановки*. Новые технологии, такие как системы машинного зрения и различные датчики, могут оценивать состояние покрытия, выявлять препятствия и отслеживать изменения геометрии дороги. Для учёта погодных условий автомобили оснащаются различными датчиками температуры, осадков и освещённости, а также системами оценки видимости. Они способны выявить ухудшение погодных условий и вовремя информировать об этом водителя. Тем не менее окончательное решение о выборе скоростного режима движения остаётся за водителем.

Функция *безопасного маневрирования* в современных автомобилях частично автоматизирована – применяются системы удержания в полосе, автоматического торможения и предупреждения о столкновении. В некоторых опасных ситуациях на дорогах они приходят на помощь водителю и изменяют траекторию движения или снижают скорость.

¹ Об утверждении профессионального стандарта «Водитель автомобиля, занятый в технологическом процессе добычи и обогащения полезных ископаемых»: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 апреля 2022 г. № 217н. // Контур-Норматив. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=423262>. (дата обращения: 23.02.2026).

² Профессиональный стандарт «Перевозка грузов автомобильным транспортом»: утв. приказом исполняющего обязанности Председателя Правления Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен» от 01.09.2023 № 136: прил. № 3. – URL: <https://ctest.enbek.kz/ru/api/professionalstandart/654/download>. (дата обращения: 23.02.2026).

Функция *контроля давления в шинах* играет важную роль, так как она напрямую влияет на устойчивость автомобиля, безопасность движения и экономичность эксплуатации. Системы TPMS (Tire Pressure Monitoring System) в автоматическом режиме отслеживают давление и температуру воздуха в шинах, а при отклонении параметров от нормы водитель получает соответствующее предупреждение, что позволяет вовремя выявить проблему и снизить риск аварий.

Функция *контроля технического состояния автомобиля* в значительной мере автоматизирована – бортовые диагностические системы постоянно оценивают работу двигателя, трансмиссии, тормозной системы и других узлов, и при выявлении отклонений водитель получает сообщения о возможных неполадках. Достоинством использования таких систем является оперативное выявление проблем, однако для устранения большинства из них по-прежнему требуется участие водителя и технического персонала.

Контроль показаний приборов относится к числу наиболее автоматизированных процессов. Электронные системы в режиме реального времени отслеживают такие параметры, как температура охлаждающей жидкости, температура масла, давление масла, уровень топлива, уровень масла и другие показатели. При выходе значений показателей за допустимые пределы система оповещает водителя. Однако оценка некоторых отклонений требует опыта водителя с учетом условий эксплуатации и режима движения и других факторов.

Выявление неисправностей является более сложной задачей. Здесь важно не только уметь выявить отклонение в техническом состоянии автомобиля, но и установить его причину. Передовые диагностические системы способны автоматически фиксировать ошибки в электронных блоках управления и отклонения в работе основных агрегатов, на основе которых ставится диагноз. Вместе с тем в системах используются сложные алгоритмы и технологии, однако некоторые механические дефекты (люфты, утечки или посторонние шумы), как правило, требуют экспертной оценки оператора.

Контроль уровня технических жидкостей в современных моделях автомобильной техники также частично автоматизирован – датчики позволяют оценивать уровень масла и жидкостей (охлаждающей, тормозной, стеклоомывателя). Автоматизация контроля охватывает количественные параметры, однако в некоторых моментах важен и качественный анализ жидкости – её состояние и наличие загрязнений. Следовательно, окончательный контроль технических жидкостей остаётся за водителем.

Функция водителя *«предрейсовый осмотр автомобиля»* представляет собой комплекс обязательных проверок перед началом движения. Она включает внешний осмотр состояния шин, световых приборов, кузова, тормозных элементов, а также проверку крепления груза и отсутствия утечек. Часть параметров отслеживается автоматически, при этом существенный объём операций требует личного осмотра, поскольку датчики не способны полноценно оценить внешние повреждения или загрязнения.

Послесменный осмотр служит для контроля изменений технического состояния транспорта по окончании поездки. Как и в предыдущем случае, требуется профессиональная оценка.

Плановое техническое обслуживание грузовых автомобилей нового поколения всё чаще реализуется с использованием интеллектуальных систем информационной поддержки. Система на основе анализа наработки (пробега, моточасов), режимов нагрузки и фактического состояния агрегатов способна автоматически формировать уведомления о необходимости замены масла, фильтров, проведения диагностики отдельных узлов и обновления программного обеспечения. Вместе с тем система определяет только необходимость обслуживания и корректирует его содержание, однако непосредственное выполнение операций технического обслуживания требует вмешательства водителя или специалистов сервисного обслуживания.

Проведенный анализ обобщенных базовых функций водителя показал, что при этом часть его задач может быть полностью или частично автоматизирована, в то же время ряд функций требует обязательного участия человека. Это обусловлено как техническими ограничениями существующих автоматизированных систем, так и необходимостью принятия ответственных решений в сложных и нестандартных условиях эксплуатации. В целом приведенные рассуждения доказывают потребность в перераспределении профессиональных обязанностей между водителем и автоматизированными системами управления автомобилем.

Анализ функциональных задач водителя карьерного самосвала

Особенностью работы карьерных самосвалов является наличие сложных и нестабильных условий эксплуатации. Для дорожной поверхности характерны рыхлый грунт, каменистые участки, уклоны и зоны с повышенной запылённостью. В указанных случаях требуется не только анализ текущей обстановки, но и предвидение её возможных изменений. Несмотря на развитие технологий, в настоящее время эти функции по-прежнему требуют активного участия водителя.

В условиях карьера движение техники осуществляется без чёткой дорожной разметки и, как правило, в условиях скопления автомобилей, различных погрузочно-разгрузочных машин и оборудования. Существенное значение имеет контроль зоны разгрузки. Эта задача для водителя затрудняется недостаточной видимостью из кабины, особенно у самосвалов большой грузоподъёмности. Для повышения видимости применяются системы кругового обзора, камеры заднего вида и датчики расстояния. Они расширяют возможности водителя контролировать окружающее пространство и тем самым снижают вероятность столкновений с техникой, сооружениями или другими объектами. Вместе с тем, выбор положения автомобиля и окончательное решение о проведении разгрузки принимает водитель.

Для карьерных самосвалов уровень автоматизации остаётся ограниченным вследствие высокой изменчивости производственной среды и повышенных требований к безопасности.

Анализ функциональных задач водителя при магистральных перевозках

Движение грузовых автомобилей по автомагистралям характеризуется более стабильной и предсказуемой обстановкой, наличием дорожной разметки, организованного транспортного потока и развитой инфраструктуры, что обеспечивает благоприятные условия для внедрения автоматизированных систем.

При магистральных перевозках ключевой задачей является навигация и выбор маршрута. Навигационные комплексы анализируют данные спутниковых систем, особенности дорожной сети и сложившуюся обстановку на дорогах. На основе этого формируются оптимальные маршруты с учётом расстояния, загруженности дорог и возможных ограничений, а при выявлении в режиме реального времени заторов или других препятствий предлагаются альтернативные варианты. Тем не менее, окончательное решение в выборе маршрута остаётся за водителем.

Сам процесс перевозки груза по маршруту поэтапно подвергается автоматизации. В настоящее время технологии автономного транспорта активно совершенствуются – формируется цифровая интеллектуальная инфраструктура, а грузовые автомобили нового поколения оборудуются системами помощи, датчиками, радарными, системами машинного зрения и точной навигацией, что дает возможность им удерживать полосу движения, регулировать скорость и соблюдать дистанцию. Следовательно, при магистральных перевозках большая доля операций уже может выполняться с использованием передовых технологий. Максимальный результат автоматизация даёт в задачах

контроля движения и состояния автомобиля. Вместе с тем обязанности, связанные с ответственностью за перевозку и принятием ключевых решений, сохраняются за водителем.

Анализ функциональных задач водителя при перевозке опасных грузов

Деятельность водителя при транспортировке опасных грузов устанавливает жесткие требования к безопасности и строгому соблюдению нормативов. Это существенно ограничивает возможности установки автоматизированных решений и сохраняет приоритетную роль человека в процессе управления. В отличие от обычных грузовых перевозок, деятельность водителя в данном случае связана не только с управлением транспортным средством, но и с контролем состояния груза, выполнением специальных процедур безопасности и принятием оперативных решений в потенциально опасных ситуациях. По этой причине значительная часть функций остается закрепленной за водителем и требует его непосредственного участия.

Одной из важнейших задач является проверка маркировки груза и сопроводительных документов. Перед началом перевозки водитель обязан убедиться в наличии правильной маркировки опасного груза, соответствующих предупредительных знаков, а также проверить комплектность и корректность транспортных документов. Данная процедура предполагает визуальный контроль и сопоставление фактической информации с данными в документации. Несмотря на развитие цифровых систем учёта и электронного документооборота, автоматизация этой функции ограничена, поскольку требуется непосредственная проверка соответствия маркировки, упаковки и сопроводительных документов установленным требованиям безопасности.

Одной из важнейших задач является контроль герметичности тары и общего состояния комплектации опасных веществ. В ходе подготовки к транспортировке водитель должен осмотреть контейнеры, цистерны и другие ёмкости, чтобы удостовериться, что нет повреждений, утечек и признаков разгерметизации. Такая проверка обычно осуществляется визуально, а в некоторых случаях – с использованием тактильного контроля. В том числе оценивается состояние креплений и сопутствующего оборудования. Невзирая на наличие отдельных технических решений, таких как датчики утечки или системы удалённого контроля, основная роль при обнаружении внешних дефектов остаётся за водителем.

Столь же значимой является деятельность водителя в аварийных ситуациях. При дорожно-транспортных происшествиях, утечках опасных веществ или

других чрезвычайных обстоятельствах он должен следовать строго в соответствии с установленными регламентами, а именно: остановить автомобиль, обеспечить безопасность людей, использовать аварийные средства, уведомить специализированные службы и, при необходимости, ликвидировать последствия. В таких обстоятельствах решения принимаются на основе анализа сложившейся ситуации, требований инструкций и практического опыта, что значительно затрудняет полную автоматизацию таких действий.

В общем, можно сделать вывод, что при транспортировке опасных грузов уровень возможной автоматизации остаётся ограниченным. Большая часть задач связана с непосредственным осмотром, оценкой

состояния оборудования и принятием ответственных решений в потенциально опасных ситуациях. Таким образом, приоритетная роль в обеспечении безопасности перевозки остается за человеком, тогда как технические системы в основном выполняют вспомогательные операции – мониторинг параметров и информационную поддержку.

Классификация и верификация функций водителя грузового транспортного средства по степени автоматизации

Полученные обобщенные данные по уровню автоматизации функций водителя грузового транспортного средства показаны в таблице 3.

Таблица 3. Классификация функций водителя грузового транспортного средства по степени автоматизации

Функция	Система автоматизации	Уровень автоматизации (0–5)	Ограничения автоматизации
Соблюдение правил дорожного движения	интеллектуальные системы распознавания знаков, навигационные комплексы, ADAS	3	нестандартные дорожные ситуации требуют интерпретации водителем
Выбор безопасной скорости	адаптивный круиз-контроль, ограничители скорости	3	окончательное решение зависит от дорожной обстановки
Учет дорожных условий	камеры, лидары, радары	3	сложные покрытия и нестандартные препятствия требуют участия человека
Учет метеоусловий	датчики дождя, температуры, сцепления	2	локальные погодные изменения не всегда корректно распознаются
Маневрирование	системы удержания полосы, автоматическая парковка	3	ограниченность алгоритмов в сложных условиях
Контроль зоны разгрузки	датчики массы, системы позиционирования	1	сохраняется участие оператора
Контроль показаний приборов	бортовая диагностика, CAN bus	3	интерпретация аварийных сигналов выполняется водителем
Контроль состояния узлов	встроенные датчики технического состояния	2	часть параметров требует визуального контроля
Выявление неисправностей	OBD-системы, диагностические модули	2	скрытые неисправности требуют экспертной оценки
Устранение неисправностей	электронные диагностические подсказки, сервисные алгоритмы	1	физический ремонт требует участия человека
Предрейсовый осмотр	электронные чек-листы, телематика	1	необходим внешний физический осмотр
Контроль давления шин	TPMS	4	механические повреждения визуально не определяются системой
Проверка жидкостей	датчики уровня масла, охлаждающей жидкости	2	требуется подтверждение состояния жидкости
Послесменный осмотр	электронный журнал ошибок, телеметрия	1	требуется ручной контроль состояния
Плановое ТО	сервисные интервалы ECU	2	обслуживание выполняется персоналом

Продолжение таблицы 3

Функция	Система автоматизации	Уровень автоматизации (0–5)	Ограничения автоматизации
Перевозка груза	датчики натяжения крепежа, телематика, датчики смещения груза	3	физическая фиксация выполняется человеком, визуальный контроль остаётся необходимым
Разгрузка	датчики массы, системы позиционирования	3	сохраняется участие оператора
Ведение документации	электронные путевые листы, телематика	4	юридическая ответственность остаётся за оператором
Проверка маркировки опасного груза	камеры распознавания маркировки, RFID-контроль	2	необходим визуальный контроль соответствия
Контроль герметичности	датчики давления, газоанализаторы	2	часть дефектов определяется только визуально
Действия при аварии	системы аварийного оповещения	2	решения принимает водитель

Источник: разработано авторами

Результаты выполненного анализа функций водителя верифицированы практическими рекомендациями по эффективному управлению транспортным средством категории N 3 на основе анализа руководств по эксплуатации^{3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10}.

Среди рекомендаций выделим ключевые:

- оптимизация переключения передач (своевременный и правильный выбор передач для работы двигателя в так называемой «зелёной зоне», соответствующей 50–70% номинальной частоты вращения коленчатого вала и около 80% мощности);
- оптимизация движения на горизонтальных участках дороги (поддержание равномерной скорости путём минимизации ускорений/торможений и использования круиз-контроля, эффективное использование наката, снижение длительности холостого хода);
- оптимизация движения на подъёмах и спусках (предварительный разгон, использование инерции, использование моторного тормоза и ретардера и др.);

– проактивное управление автомобилем – предвидение дорожной обстановки и принятие мер по предотвращению опасных ситуаций до их возникновения.

Эти рекомендации напрямую коррелируют с операциями водителя, проанализированными в таблице 2 (выбор безопасной скорости – уровень 3, маневрирование – уровень 3, учет дорожных условий – уровень 3).

Эксперимент, проведённый авторами [8] в двух карьерах (64 водителя, 53 автомобиля одной модели, период – с ноября 2022 г. по апрель 2023 г.), показал, что обучение принципам рационального вождения позволило снизить расход топлива на 4,1–7,4% и повысить среднюю скорость на 4,5–12%, при этом параметр «предвидение» улучшился на 24,5–50%, что представлено на рисунках 1, 2.

Представленные результаты подтверждают, что стиль вождения является управляемым фактором [14; 16] и может быть формализован в алгоритмах интеллектуальных систем.

³ Инструкция по эксплуатации FAW ORYX. – М.: FAW Jiefang Qingdao Automobile Co., Ltd., 2018. – 112 с.

⁴ Инструкция по эксплуатации SHACMAN F2000/F3000 (Евро-V). – М.: Shaanxi Automobile Group Co., Ltd., 2016. – 244 с.

⁵ Расход топлива на КАМАЗе: как снизить затраты и повысить экономичность? // Kamaz market. – URL: <https://kamaz.market/articles/raskhod-topliva-na-kamaz-kak-snizit-zatraty-i-povysit-ekonomichnost/>. (дата обращения: 04.11.2025).

⁶ Руководство по эксплуатации автомобилей MA3-MAH. – URL: <https://ru.maz-man.by/wp-content/uploads/2023/03/rukvo.pdf> (дата обращения: 03.11.2025).

⁷ Руководство по эксплуатации автомобиля серии SITRAK C7H, версия 6. – М.: ООО «Sinotruk», 2020. – 539 с.

⁸ Руководство по эксплуатации седельного тягача AUMAN EST A. – М.: ООО «Фотон Мотор», 2017. – 176 с.

⁹ Руководство по эксплуатации DONGFENG GX (DFH4180). – М.: ООО «Компания коммерческих автомобилей Дунфэн», 2022. – 303 с.

¹⁰ Система управления автопарком (FMS) // Скан Юго-Восток. – URL: <https://scanauto.ru/monitoring-system-scania-vehicles-fleet-anagement/>. (дата обращения: 07.11.2025).

Дальнейшее развитие поддержки обеспечивается системами помощи водителю ADAS [5; 14] и системами «эковождения» EDAS (Eco-Driving Assistance Systems) [6; 7; 11]. Современные ADAS и EDAS интегрируют сенсоры, ИИ и модель предиктивного управления MPC (Model Predictive Control) [1; 7; 12; 14], формируя оптимальный профиль скоро-

сти с учетом задержки реакции водителя. Системы EDAS в активном режиме формируют оперативные подсказки по выбору оптимального режима движения, нивелируя время реакции водителя, что обеспечивает экономию топлива до 16,1%, что представлено на рисунке 3.

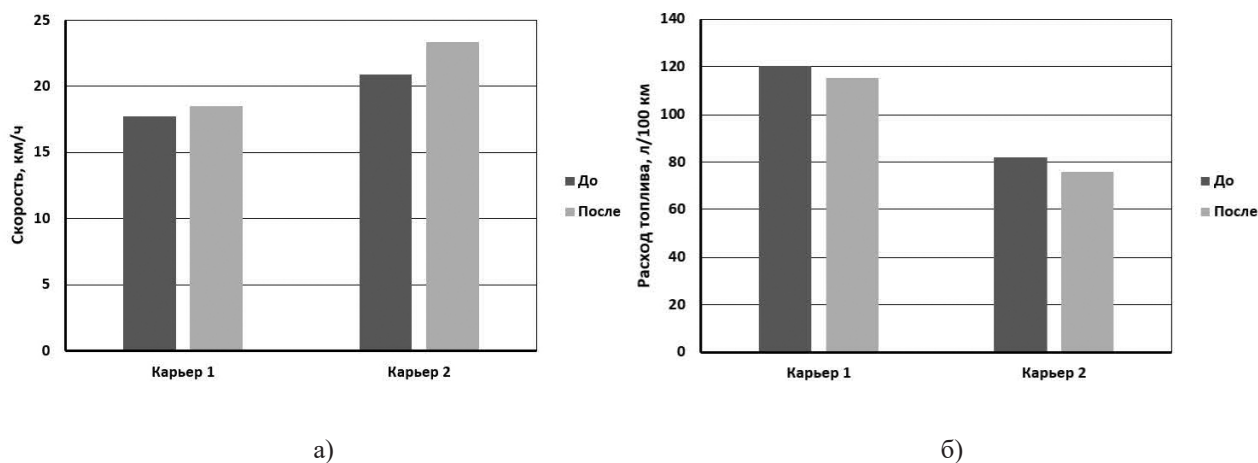

Рисунок 1. Средняя скорость (а) и расход топлива (б) автомобилей в разных карьерах до и после обучения водителей

Источник: разработано авторами, взято из работы [8]

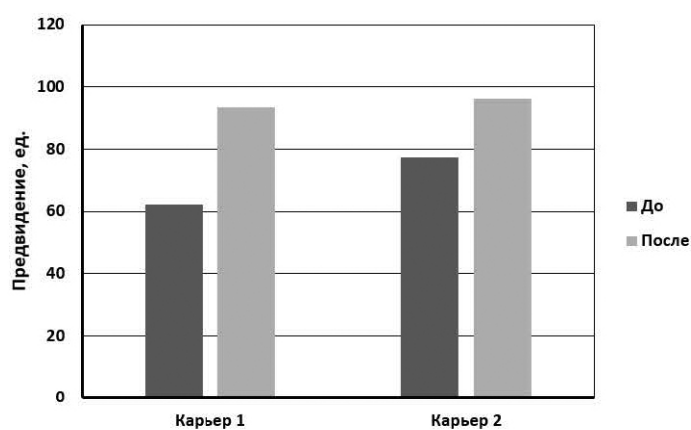

Рисунок 2. Параметр «Предвидение» в разных карьерах до и после обучения водителей

Источник: разработано авторами, взято из работы [8]

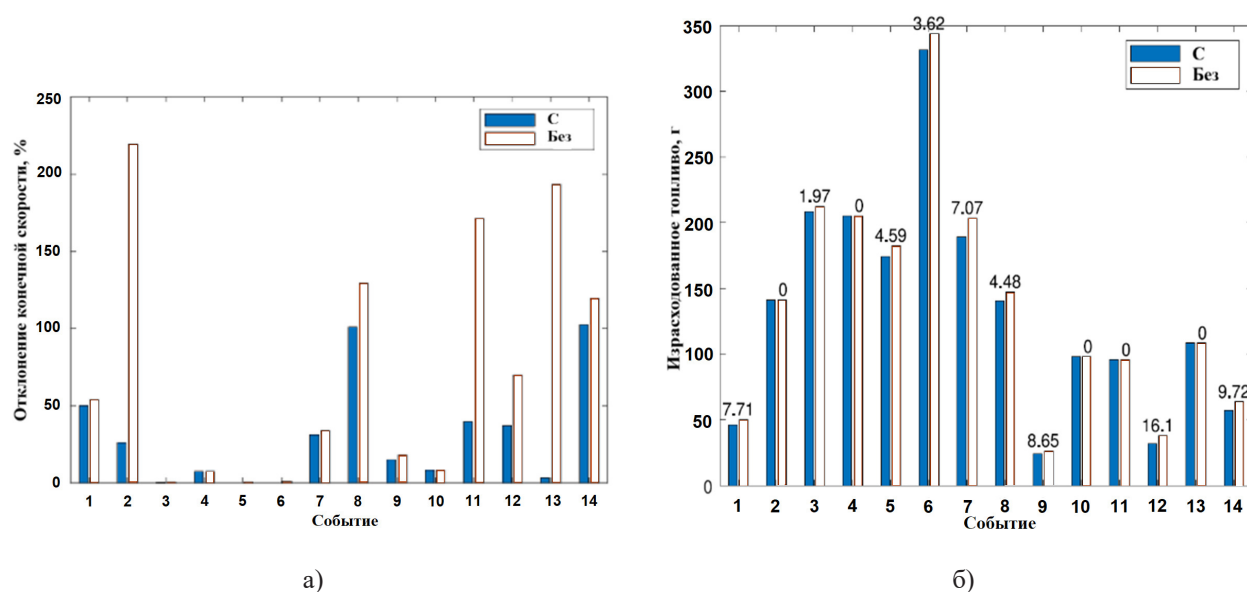

Рисунок 3. Динамика параметров транспортного средства по событиям при включенной/отключенной стратегии компенсации: а) относительное отклонение скорости после торможения, %; б) удельный расход топлива (над столбцами – относительное снижение расхода при активации компенсации, %)

Источник: заимствовано из работы [17]

Показатель «Горизонт внимания» АН (Attention Horizon) [15] в автоматическом режиме определяет уровень осознанности водителя и имеет статистически значимую корреляцию с удельным расходом топлива. Таким образом, системы EDAS дополняют шкалу автоматизации, представленную в таблице 2, повышая уровень поддержки функций «выбор безопасной скорости» и «маневрирование» до 4, а также реализуя рекомендации производителей по работе в «зелёной зоне» и предвидению без дополнительных конструктивных изменений техники.

Правовые аспекты эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств

Внедрение распределения обязанностей, обоснованного выше, получает законодательную основу в проекте федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вносится Правительством РФ, вступление в силу – 1 сентября 2027 г.)¹¹.

Закон определяет понятия «автоматизированная система вождения», «высокоавтоматизированное транспортное средство» (ВАТС), «режим автоматизированного вождения», «маневр минимального риска»,

«оператор дистанционной поддержки» и «удаленный водитель». Уровни автоматизации устанавливаются в соответствии с национальными стандартами и полностью соответствуют шкале таблицы 1.

Для уровней 4–5 обязательны дистанционная поддержка и подключение к вспомогательной инфраструктуре. Ответственность четко распределена:

- изготовитель и разработчик системы вождения – за нарушение ПДД при отсутствии вмешательства человека;
- владелец / эксплуатант – за несоблюдение требований эксплуатации и обновлений ПО;
- авторизованный сервисный центр – за некачественное обслуживание;
- оператор дистанционной поддержки и удаленный водитель – за неисполнение обязанностей [5].

Закон предусматривает обязательное оснащение устройством регистрации данных, ГЛОНАСС, системой ЭРА-ГЛОНАСС, защиту от вмешательства и страхование. Экспериментальные режимы (включая «Беспилотные логистические коридоры») завершаются в 2028 г., после чего ВАТС получают постоянное правовое регулирование на всех дорогах РФ.

Это позволяет перейти от текущего распределения функций, представленных в таблице 3, к модели, где при 4–5 уровнях водитель (или оператор) сохраняет

¹¹ Минтранс представил проект федерального закона о высокоавтоматизированных транспортных средствах // Министерство транспорта Российской Федерации. – М., 2024. – URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/12396> (дата обращения: 13.03.2026).

только стратегический контроль и вмешательство по запросу, а системы выполняют исполнительные и тактические операции.

Заключение

Научная ценность полученных результатов заключается в том, что на основе разработанного подхода к классификации профессиональных функций водителя грузового автомобиля по степени их автоматизации, с учетом уровней автономности, требований безопасности и категорий транспортных средств, впервые предложено рациональное распределение функций между водителем и автоматизированной системой применительно к различным этапам развития ВАТС (грузового транспорта), а также уточнена трансформация профессиональной роли водителя при переходе к 4–5 уровням автоматизации.

Изменение роли человека в контуре управления между водителем и автомобилем представляет собой гармоничную кооперацию, в которой каждая сторона выполняет то, что делает лучше всего: машина – точные, быстродействующие, длительные и бесперебойные операции, человек – сложный ситуационный ана-

лиз, ответственные решения и стратегическое управление. Именно такая модель обеспечивает наилучший баланс между безопасностью, комфортом водителя и экономической эффективностью грузовых перевозок на современном этапе развития технологий и законодательства.

Практическая значимость выполненной работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для совершенствования интеллектуальных систем управления при разработке новых моделей грузовых автомобилей. Рациональное распределение задач между водителем и автомобилем позволяет внедрить принципы экономного вождения без значительных усилий со стороны водителя. Всё это приводит к снижению расхода топлива на 4–16%, уменьшению износа шин, тормозных механизмов, трансмиссии и двигателя, увеличению межсервисных интервалов и, как следствие, к снижению до 30% общих эксплуатационных затрат автопарка.

В качестве рекомендации для дальнейших исследований авторы видят разработку методических основ программ подготовки и переподготовки водителей в условиях интеллектуализации транспорта.

Литература

1. Бахмутов С. В., Ендачев Д. В., Мезенцев Н. П. Развитие интеллектуальных систем помощи водителю (ADAS) в Российской Федерации // Транспортные системы. – 2018. – № 4(10). – С. 17–21. – https://doi.org/10.46960/62045_2018_4_17. – EDN: YRWGWL.
2. Грушников В. А. Робототехника и автоматизация на автомобильном транспорте за рубежом // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. – 2023. – № 6. – С. 46–53. – <https://doi.org/10.36535/0236-1914-2023-06-8>. – EDN: BDONHI.
3. Гужва Н. С., Коробков А. А. Оценка точности системы распознавания светофоров на основе действий водителя в системах активной помощи // Известия института инженерной физики. – 2025. – № 1(75). – С. 18–22. – EDN: COTYHH.
4. Дымовских А. Ф. Уголовно-правовая характеристика субъективной стороны преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения: соотношение умысла и неосторожности в контексте управления транспортными средствами с автоматизированными системами вождения // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – № 4. – С. 142–151. – <https://doi.org/10.25136/2409-7810.2025.4.76365>. – EDN: NOTBOS.
5. Землин А. И., Торшин А. А. «Система помощи водителю», или «автоматизированная система управления»: вопросы определения границ для публично-правового и частноправового регулирования // Современное право. – 2022. – № 8. – С. 52–57. – <https://doi.org/10.25799/NI.2022.33.57.009>. – EDN: CLTLSU.
6. Мещерякова О. М., Крюкова М. Р. Повышение эффективности работы транспортных организаций за счет внедрения эко-вождения (на примере ООО «Райзинг») // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2023. – № 3. – С. 40–44. – <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2023-65-3-40-44>. – EDN: NEVAVF.
7. Нурғалиев Л. М., Калимуллин Р. Ф. Анализ и развитие систем поддержки водителей на основе концепции эковожждения и интеллектуального управления транспортом // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. – 2026. – № 3. – С. 57–62. – <https://doi.org/10.36535/0236-1914-2026-03-10>. – EDN: SHAABL.
8. Нурғалиев Л. М., Калимуллин Р. Ф. Экспериментальное исследование влияния обучения водителей принципам правильного вождения на эксплуатационные показатели карьерных автосамосвалов // Прогрессивные технологии в транспортных системах: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф., Оренбург, 20–22 ноября 2024 г. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2025. – С. 312–319. – EDN: ETZSPE.

9. Фаткиева Р. Р., Конева А. П., Мустафина А. Ш. Обзор тенденций развития технологий Интернета вещей в интеллектуальных транспортных системах // Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ. – 2022. – № 9. – С. 43–63. – <https://doi.org/10.32603/2071-8985-2022-15-9-43-63>. – EDN: LCDNVN.
10. Халилов Ф. М., Борисова О. В. Автоматизация в сфере транспорта и логистики: оптимизация технологических процессов для эффективности и надежности // Грани науки 2023: сборник трудов Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов-на-Дону; Мадрид, 2023. – С. 386–390. – EDN: DITVSK.
11. Chen Y., Lazar M. (2022) Driving Mode Advice for Eco-driving Assistance System with Driver Reaction Delay Compensation. *IEEE Transactions on Circuits and Systems II: Express Briefs*. – Vol. 69. – No. 1, pp. 134–138. – <https://doi.org/10.1109/TCSII.2021.3075455>. – EDN: AIBSRN. (In Eng.).
12. Chen Yu., Lazar M. (2020) Real-time driving mode advice for eco-driving using MPC. *IFAC-PapersOnLine*. – Vol. 53. – No. 2, pp. 13830–13835. – <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2020.12.893>. – EDN: VXGLZQ. (In Eng.).
13. Hermann Winner, Stephan Hakuli, Felix Lotz, Christina Singer (2016) Handbook of driver assistance systems: basic information, components and systems for active safety and comfort. – Cham: Springer. – 1600 p. (In Eng.).
14. Malikopoulos, A. A., Aguilar, J. P. (2013). An optimization framework for driver feedback systems. *IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems*. – Vol. 14. – No. 2, pp. 955–964. – <https://doi.org/10.1109/TITS.2013.2248058>. (In Eng.).
15. Sarmadi, H., et al. (2022) Attention Horizon as a Predictor for the Fuel Consumption Rate of Drivers. *Sensors*. – Vol. 22. – No. 6, p. 2301. – <https://doi.org/10.3390/s22062301>. – EDN: WENCAU. (In Eng.).
16. Soriguera, F., Miralles, E. (2016) Driver Feedback Mobile App. *Transportation Research Procedia*. – Vol. 18, pp. 264–271. – <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2016.12.036>. (In Eng.).
17. Steven Shladover (2018) Connected and automated vehicle systems: introduction and overview. *IEEE Intelligent Transportation Systems Magazine*. – Vol. 10. – No. 4, pp. 6–12. (In Eng.).

References

1. Bakhmutov, S. V., Endachev, D. V., Mezencev, N. P. (2018) [Development of Advanced Driver Assistance Systems (ADAS) in the Russian Federation]. *Transportnye sistemy* [Transport Systems]. Vol. 4 (10), pp. 17–21. – https://doi.org/10.46960/62045_2018_4_17. (In Russ.).
2. Grushnikov, V. A. (2023) [Robotics and Automation in Road Transport Abroad]. *Transport: nauka, tekhnika, upravlenie* [Transport: Science, Technology, Management]. Vol. 6, pp. 46–53. – <https://doi.org/10.36535/0236-1914-2023-06-8>. (In Russ.).
3. Guzhva, N. S., Korobkov, A. A. (2025) [Assessment of the Accuracy of a Traffic Light Recognition System Based on Driver Actions in Active Driver Assistance Systems]. *Izvestiya instituta inzhenernoi fiziki* [Proceedings of the Institute of Engineering Physics]. Vol. 1 (75), pp. 18–22. (In Russ.).
4. Dymovskikh, A. F. (2025) [Criminal-Law Characteristics of the Subjective Aspect of Crimes Related to Traffic Rule Violations: Correlation Between Intent and Negligence in the Context of Operating Vehicles Equipped with Automated Driving Systems]. *Politseiskaya i sledstvennaya deyatel'nost'* [Police and Investigative Activities]. Vol. 4, pp. 142–151. – <https://doi.org/10.25136/2409-7810.2025.4.76365>. (In Russ.).
5. Zemlin, A. I., Torshin, A. A. (2022) [«Driver Assistance System» or «Automated Control System»: Issues of Defining Boundaries for Public and Private Legal Regulation]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law]. Vol. 8, pp. 52–57. – <https://doi.org/10.25799/NI.2022.33.57.009>. (In Russ.).
6. Meshcheryakova, O. M., Kryukova, M. R. (2023) [Improving the Efficiency of Transport Organizations Through the Introduction of Eco-Driving (the Case of Rising LLC)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D* [Bulletin of Polotsk State University. Series D]. Vol. 3, pp. 40–44. – <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2023-65-3-40-44>. (In Russ.).
7. Nurgaliev, L. M., Kalimullin, R. F. (2026) [Analysis and Development of Driver Support Systems Based on the Concept of Eco-Driving and Intelligent Transport Management]. *Nauchnyi informatsionnyi sbornik «Transport: nauka, tekhnika, upravlenie»* [Transport: Science, Technology, Management]. Vol. 3, pp. 57–62. – <https://doi.org/10.36535/0236-1914-2026-03-10>. (In Russ.).
8. Nurgaliev, L. M., Kalimullin, R. F. (2025) [Experimental Study of the Impact of Driver Training in Proper Driving Principles on the Operational Performance of Mining Dump Trucks]. *Progressivnye tekhnologii v transportnykh sistemakh: materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Orenburg, November 20–22, 2024* [Progressive Technologies in Transport Systems: Proceedings of the 19th International Scientific and Practical Conference, Orenburg, November 20–22, 2024]. Orenburg: Orenburg State University, pp. 312–319. (In Russ.).

9. Fatkueva, R. R., Koneva, A. P., Mustafina, A. Sh. (2022) [Review of Development Trends in Internet of Things Technologies in Intelligent Transport Systems]. *Izvestiya SPbGETU «LETI»* [Proceedings of Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»]. Vol. 9, pp. 43–63. – <https://doi.org/10.32603/2071-8985-2022-15-9-43-63>. (In Russ.).
10. Khalilov, F. M., Borisova, O. V. (2023) [Automation in Transport and Logistics: Optimization of Technological Processes for Efficiency and Reliability]. In: *Grani nauki 2023: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Frontiers of Science 2023: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Rostov-on-Don; Madrid, pp. 386–390. (In Russ.).
11. Chen, Y., Lazar, M. (2022) Driving Mode Advice for Eco-driving Assistance System with Driver Reaction Delay Compensation. *IEEE Transactions on Circuits and Systems II: Express Briefs*. Vol. 69. No. 1, pp. 134–138. – <https://doi.org/10.1109/TCSII.2021.3075455>. (In Eng.).
12. Chen, Yu., Lazar, M. (2020) Real-time driving mode advice for eco-driving using MPC. *IFAC-PapersOnLine*. Vol. 53. No. 2, pp. 13830–13835. – <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2020.12.893>. (In Eng.).
13. Hermann, Winner, Stephan, Hakuli, Felix Lotz, Christina Singer (2016) Handbook of driver assistance systems: basic information, components and systems for active safety and comfort. *Cham: Springer*, 1600 p.
14. Malikopoulos, A. A., Aguilar, J. P. (2013) An optimization framework for driver feedback systems. *IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems*. Vol. 14. No. 2, pp. 955–964. – <https://doi.org/10.1109/TITS.2013.2248058>. (In Eng.).
15. Sarmadi, H., et al. (2022) Attention Horizon as a Predictor for the Fuel Consumption Rate of Drivers. *Sensors*. Vol. 22. No. 6, p. 2301. – <https://doi.org/10.3390/s22062301>. (In Eng.).
16. Soriguera, F., Miralles, E. (2016) Driver Feedback Mobile App. *Transportation Research Procedia*, Vol. 18, pp. 264–271. – <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2016.12.036>. (In Eng.).
17. Steven Shladover (2018) Connected and automated vehicle systems: introduction and overview. *IEEE Intelligent Transportation Systems Magazine*. Vol. 10. No. 4, pp. 6–12. (In Eng.).

Информация об авторах:

Ленур Максutowич Нургалиев, соискатель ученой степени, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

ORCID iD: 0000-0001-5073-2486, **Researcher ID:** PKG-3425-2026, **Scopus Author ID:** 56027510300

e-mail: nlm82@mail.ru

Руслан Флюрович Калимуллин, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой автомобилей, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

ORCID iD: 0000-0003-4016-2381, **Researcher ID:** E-9031-2015, **Scopus Author ID:** 6602711766, **SPIN-код:** 3492-4311, **AuthorID:** 335581

e-mail: rkalmullin@mail.ru

Сергей Юрьевич Коваленко, кандидат технических наук, технический специалист, ООО «Оренбург-Скан-Сервис», Оренбург, Россия

ORCID iD: 0009-0000-7850-686X, **SPIN-код:** 2740-7129, **AuthorID:** 519695

e-mail: kovalenko-osu@yandex.ru

Вклад соавторов:

Нургалиев Л. М. – постановка цели и задач исследования, обзор литературных источников, экспериментальные исследования, формулировка заключения, оформление рукописи.

Калимуллин Р. Ф. – формирование первичной структуры исследования, структурирование материалов и обобщение результатов, оформление рукописи.

Коваленко С. Ю. – систематизация и анализ полученных результатов исследования.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2026; принята в печать: 17.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Lenur Maksutovich Nurgaliyev, PhD candidate, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

ORCID iD: 0000-0001-5073-2486, **Researcher ID:** PKG-3425-2026, **Scopus Author ID:** 56027510300

e-mail: nlm82@mail.ru

Ruslan Flyurovich Kalimullin, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Automobile Department, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

ORCID iD: 0000-0003-4016-2381, **Researcher ID:** E-9031-2015, **Scopus Author ID:** 6602711766, **SPIN-code:** 3492-4311, **AuthorID:** 335581

e-mail: rkalimullin@mail.ru

Sergey Yuryevich Kovalenko, Candidate of Technical Sciences, Technical Specialist, Orenburg-ScanService LLC, Orenburg, Russia

ORCID iD: 0009-0000-7850-686X, **SPIN-code:** 2740-7129, **AuthorID:** 519695

e-mail: kovalenko-osu@yandex.ru

Contribution of the authors:

Nurgaliyev L. M. – formulation of the study's goals and objectives, literature review, experimental studies, formulation of the conclusion, and manuscript preparation.

Kalimullin R. F. – development of the initial study structure, structuring of the materials, and summary of the results, and manuscript preparation.

Kovalenko S. Yu. – systematization and analysis of the study results.

The authors has no conflicts of interest.

The paper was submitted: 28.04.2026.

Accepted for publication: 17.07.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 165

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-89>

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ЭКОНОМИКЕ

Н. Д. Асташова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия
e-mail: nadya.astashova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы конфликта различных стратегий экономического мышления. Целью работы является анализ интеллектуальных разногласий, возникающих в результате столкновения различных подходов и стратегий мышления в условиях кризиса. Перед исследователем встает задача систематического анализа актуальных тенденций развития экономической науки в ситуациях неопределенности. Метод критического анализа направлен на переосмысление сложившихся в науке устойчивых представлений и выявление уникальности современного этапа развития экономики. В ходе исследования рассматриваются концепции инновационной, интеллектуальной, экспериментальной экономики, проблемы использования математических моделей и алгоритмов. Производится сравнительный анализ принципов предосторожности и проактивности на примере экономического кризиса. Делаются выводы о необходимости переосмысления позиции, связанной с пониманием экономики как жесткой системы установок и взглядов. Сложность нынешней экономической системы такова, что кризисные явления неизбежно возникают на тех или иных ее участках, поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что в какой-либо части системы кризиса нет. Приходится признавать, что представление об экономической стабильности – не более чем иллюзия, которой люди склонны себя утешать. Однако кризисы выступают важным индикатором того, что прежняя совокупность научных взглядов и методик уже не справляется с новыми вызовами и необходимо разрабатывать альтернативные решения. В такой ситуации анализ экономических проблем становится все сложнее, а разные подходы к их изучению конкурируют между собой. В частности, можно наблюдать переплетение стратегий мышления, ориентированных на эксперименты и принятие решений с высокой степенью риска, и стратегий, предполагающих устойчивую обстановку, в которой поведение экономических агентов стремится соответствовать устоявшимся ожиданиям. Таким образом, можно утверждать, что развитие экономического познания неоднозначно и внутренне противоречиво, что вовсе не означает неспособность науки и ее инструментов решать насущные проблемы. В современной экономической мысли прослеживается тенденция к формированию комплексных решений, позволяющих интегрировать разнородные экономические стратегии. Результаты обладают выраженной научной и практической новизной, поскольку синтезируют изолированные предметные области и исследовательские традиции через призму экономического анализа и социальной эпистемологии.

Ключевые слова: социальная эпистемология, кризис науки, стратегии мышления, проактивность, предосторожность, экономика.

Для цитирования: Асташова Н. Д. Интеллектуальный конфликт в экономике // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 89–99. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-89>.

INTELLECTUAL CONFLICT IN THE ECONOMICS

N. D. Astashova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

e-mail: nadya.astashova@mail.ru

Abstract. The article discusses the current problems of the conflict between different strategies of economic thinking. The purpose of the work is to analyze the intellectual disagreements that arise as a result of the conflict between different approaches and strategies of thinking in crisis situations. The researcher faces the task of systematically analyzing the current trends in the development of economic science in situations of uncertainty. The method of critical analysis is aimed at rethinking the established scientific concepts and identifying the uniqueness of the current stage of development of economic science. The study examines the concepts of innovative, intellectual, and experimental economics, as well as the problems of using mathematical models and algorithms. The article provides a comparative analysis of the principles of precaution and proactivity using the example of an economic crisis. The author concludes that it is necessary to rethink the position associated with understanding the economy as a rigid system of attitudes and views. The complexity of the current economic system is such that crises inevitably occur in various parts of the system, so it is impossible to say with certainty that there is no crisis in any part of the system. It is necessary to acknowledge that the concept of economic stability is nothing more than an illusion that people tend to comfort themselves with. However, crises are an important indicator that the previous set of scientific views and methods is no longer sufficient to meet new challenges, and alternative solutions must be developed. In this situation, the analysis of economic problems becomes increasingly complex, and different approaches to their study compete with each other. In particular, we can observe the interplay between thinking strategies that focus on experimentation and high-risk decision-making, and strategies that assume a stable environment where the behavior of economic agents tends to conform to established expectations. Thus, it can be argued that the fact that economic knowledge is developing in an ambiguous and internally contradictory way does not mean that science and its tools are incapable of solving pressing problems. In modern economic thought, there is a tendency towards the development of comprehensive solutions that allow for the integration of diverse economic strategies. The results are highly innovative, as they produce isolated subject areas and research traditions through the lens of economic analysis and social epistemology.

Key words: social epistemology, crisis of science, thinking strategies, proactivity, precaution, economics.

Cite as: Astashova, N. D. (2026) [Intellectual conflict in the economics]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 89–99. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-89>.

Введение

Всеобщий прогресс развития нередко изображают как арену противостояния соперничающих сил. Современное общество сталкивается с фундаментальным противоречием, которое можно описать следующим образом. С одной стороны, наблюдается усиление роли научного знания в основополагающих сферах человеческой жизни [8]. С другой – сосуществование множества конкурирующих «картин мира», обладающих собственной логикой и ценностными структурами, приводит к размыванию и фрагментации научного познания. Следствием этого становится «базисный конфликт» [3] – ситуация, когда взаимодействие равнозначных мировоззренческих моделей становится причиной необоснованной негативной оценки одной из них. «Базисный конфликт» выявляет спектр проблем, возникающих при столкновении ценностей, типов, стратегий мышления

и методов решения задач. Осознание масштабов патологий, возникших из-за кризиса в отдельных областях знания, создает впечатление о том, что наука и ее методы не способны справиться с актуальными задачами и вызовами современного общественного развития.

Наиболее очевидно кризисные состояния проявляются в экономике, которая, согласно гипотезе «финансовой нестабильности» Х. Мински, строится на двух идеях. Во-первых, «в экономике существуют режимы финансирования, при которых она стабильна, и режимы финансирования, при которых она нестабильна». Во-вторых, «в периоды длительного процветания экономика переходит от финансовых отношений, обеспечивающих стабильность системы, к финансовым отношениям, обеспечивающим нестабильность системы» [19, pp. 7–8]. Экономическая наука, вынужденная реагировать на эту ситуацию, углубляется в дета-

ли различных частных аспектов нестабильности, что приводит к исчезновению целостного восприятия экономической реальности. Нарастающая сложность анализа современной экономики, которая предполагает использование в исследованиях подходов, основанных на алгоритмах и математических моделях, а также психологических и социологических методов, порождает целый ряд трудностей, связанных с коллизиями, возникающими при попытке согласовать противоречивые концепции в рамках единой экономической программы. В условиях глобальной нестабильности становится очевидно, что требуется разработка комплексных подходов к преодолению противоречивости экономического развития.

Проблема мышления в условиях экономических кризисов может быть рассмотрена сквозь призму методологического подхода, предложенного Л. Флеком. Согласно его позиции, в рамках мыслительного коллектива (сообщества ученых, экспертной группы) человек не ограничивается освоением какого-то одного стиля мышления, так как в ходе общения с другими участниками изначальные установки непрерывно трансформируются и переосмысляются, что приводит к появлению различных стилей мышления, которые формируют специфический взгляд на реальность [10]. Л. Флек исходит из предпосылки изменчивости как эмпирических данных, так и формата нашего мышления, которые взаимосвязаны: изменение фактов приводит к изменениям в мышлении, и наоборот, новое мышление способствует открытию новых фактов [9, II.4].

Целью работы является анализ интеллектуальных разногласий, возникающих в результате конфликта различных стилей экономического мышления в условиях кризисных ситуаций.

Экономический кризис как интеллектуальная задача

Очевидно, эффективное мышление содержит в себе ключ к успешной человеческой деятельности. Однако быстрая смена технологий, геополитические изменения и экономические кризисы усиливают неопределенность социальной реальности, что провоцирует конфликт между рациональным расчетом рисков и эмоциональными реакциями на изменения. Деструктивное влияние подобного рода диссонанса на принятие решений и формирование экономических стратегий подрывает стабильность экономической системы и общества в целом. Чаще всего к теме мышления обращаются в периоды, когда в познании возникают неразрешимые интеллектуальные проблемы, серьезно затрудняющие понимание реальности, а также негативно сказывающиеся на спо-

собности к действию. Особенно показателен в этом смысле финансовый кризис 2008 года, который вошел в историю как один из пяти самых тяжелых экономических кризисов. Он продемонстрировал ограниченную способность экономических экспертов влиять на нестабильную ситуацию, а также то, что использование оригинальных, рискованных способов интеллектуального сопровождения экономики может стать причиной дестабилизации, которую невозможно предсказать и контролировать. В этом смысле сложно не согласиться с В.А. Колпаковым, который считает, что экономический кризис становится «оправданием для неудобных экономико-социальных решений, призванных “спасать” экономику, находящуюся в кризисе» [4, с. 203].

Экономика как одна из главных сфер жизни человека наиболее остро реагирует практически на любые изменения в обществе, поэтому можно предположить, что кризис экономической мысли связан с глобальными процессами кризисного состояния культуры. В первую очередь это связано с отказом экономической науки от ответственности за состояние общества, его ценности, превращением ее в инструментальную дисциплину без связи с реальными фактами и явлениями, что приводит к несоответствию экономической теории реальному экономическому опыту. А. Сен указывает на неспособность субъекта экономической науки прогнозировать будущее на основе причинно-следственных связей, выявляемых в прошлом [22]. Отказ натуралистической исследовательской программы экономики от гуманитарной экспертизы, то есть формата междисциплинарного анализа, направленного на оценку соответствия общечеловеческим ценностям, направляет экономику по пути экономоцентризма.

Однако можно посмотреть на проблему и с другой стороны: кризисное состояние экономической мысли не просто нарушает стабильность – оно выступает катализатором глубоких изменений в науке и обществе. Согласно концепции Т. Куна, «ядром кризиса все же остается неспособность справиться с техническими задачами», о чем свидетельствует быстрое умножение различных взглядов на проблему [5, с. 115–117]. Экономика развивается наиболее успешно, пока устоявшаяся система научных представлений и методов позволяет решать актуальные проблемы. Однако кризис играет ключевую роль: он сигнализирует о необходимости смены методов, инструментов, подходов в решении критических ситуаций, которые не обнаруживали своего проблемного состояния в периоды стабильности. Происходит обращение к альтернативным теориям и контрприемам при решении сложных задач. Парадоксально, но хаотичное множество гипотез, возникающих в кризис-

ные периоды, в долгосрочной перспективе оказываются продуктивным, что создает условия для появления прорывных, инновационных идей. Как отмечает О. Р. Чепьюк, кризис также играет роль «проверки на прочность» [7, с. 233] для наших убеждений, помогая отделить истинное от ложного.

«Предосторожность» в экономике

С. Фуллер и В. Липинска в своей работе «Проактивный императив» [12] выделяют два подхода к кризисным ситуациям: основанный на идее предосторожности (precaution) и исходящий из принципа проактивности (proactionary). Эти подходы, по мнению авторов, в XXI веке представляют противоположные идеологические полюса, различные мировоззрения.

«Принцип предосторожности» [25] предполагает предотвращение вреда в ситуациях неопределенности. Если отсутствует уверенность, основанная на научном обосновании используемых методов и приемов преодоления проблемной ситуации, и имеет место угроза состоянию здоровья человека или окружающей среды, то следует принимать решения с минимальными рисками, направленные на защиту от наихудшего исхода событий. Сторонники использования новых технологий должны доказать, что их нововведения не причинят вреда. Исследования оценки риска, основываясь на научном скептицизме, пытаются определить «известное о неизвестном» и отсеять его от «неизвестного о неизвестном» (С. Фуллер), при котором худшие результаты будут катастрофическими и, возможно, необратимыми [11], то есть утверждается приоритет «защиты» над «продвижением».

В экономике использование этого принципа четко прослеживается в ситуации, когда все участники рынка начинают использовать одну и ту же экономическую модель, и рынок подстраивается под нее. Однако стоит вспомнить хрестоматийный пример «Черного понедельника» 1987 года, когда использование модели сломало рынок, который она должна была описывать. Экономисты разработали алгоритм «страхования портфеля»: если рынок падает, нужно автоматически продавать фьючерсы, чтобы компенсировать убытки. В понедельник рынок начал снижаться; при этом алгоритмы, установленные у большинства крупных фондов, начали массово продавать активы, как их и «учили» экономические модели. Массовые продажи обвалили цены еще сильнее, что заставило алгоритмы продавать еще больше. Модель создала замкнутый круг («петлю обратной связи»), который привел к падению индекса Доу-Джонса на 22,6% за один день. Рынок рухнул, потому что все действовали слишком «правильно» по теории и исключили вариативность из своих действий.

Однако самый яркий пример неудачного использования «принципа предосторожности» – крах фонда Long-Term Capital Management (LTCM) в 1998 году, когда математические модели, созданные нобелевскими лауреатами, превратили высокотехнологичного экономического агента в заложника собственных формул. В совете директоров фонда LTCM находились сами создатели формулы Блэка-Шоулза – М. Шоулз и Р. Мертон (нобелевские лауреаты). Модели LTCM искали крошечные расхождения в ценах облигаций, ожидая, что они сойдутся, что создавало иллюзию безопасности. Сталкиваясь с расхождениями и несоответствиями, авторы моделей ставили на то, что рынок «исправится» и придет в соответствие с их теорией. Огромный авторитет ученых, которые доказывали, что их математические модели безупречно описывают риски, заставил банки выдать им гигантские кредиты. Успех фонда был очевиден, его стратегии стали копировать во всем мире: тысячи компьютеров в разных банках были настроены на одни и те же сигналы.

Весь рынок верил, что связка «человек + формула» – вершина рациональности, что стало причиной появления «интеллектуального гибрида» – экономического сетевого агента, который состоял из сочетания человеческого интеллекта и сложнейших математических моделей, работающих при помощи мощных компьютеров. В описанных в литературе вариантах такого взаимодействия финальное решение почти всегда принимает человек, который опирается на результаты модели, чтобы сделать свой выбор более обоснованным [24], но также возможна и параллельная независимая обработка информации человеком и компьютерным алгоритмом [13; 23; 26]. Когда случился дефолт в России, рынки повели себя вопреки моделям. Авторы математических расчетов убеждали, что «все вернется в норму», но реальная обстановка на рынке требовала немедленных действий. Поскольку все участники рынка использовали похожие алгоритмы, они одновременно начали распродавать активы, – алгоритм, который должен был приносить прибыль, превратился в механизм самоуничтожения. Д. Маккензи делает важный вывод: кризис LTCM – это не ошибка людей, это «сбой сборки» [17, р. 135]. Формулы, которые «создали» стабильный рынок, в новых условиях превратились в рычаг, который этот рынок перевернул, иллюстрируя то, как «суперрациональный» агент-сеть стал причиной глобальной катастрофы.

После описанных событий было бы логично, если бы экономическая система отказалась от использования в качестве принципа предосторожности подобных алгоритмов. Однако в современном высокочастотном трейдинге (High-Frequency Trading, HFT) концепция «агента-сети» Д. Маккензи получает максимальное

развитие. Высокочастотный трейдинг (HFT) – это автоматизированный способ торговли на финансовых рынках, при котором специальные алгоритмы и сверхмощные компьютеры совершают большое количество сделок за доли секунды. Тысячи автономных ботов постоянно «сканируют» друг друга, выставляя и тут же отменяя тысячи заявок, чтобы изучить намерения других алгоритмов, – рынок превращается в систему, где программы «охотятся» друг на друга. Здесь человек полностью исключен из процесса принятия решений, а «экономический агент» – это буквально сервер + кабель + код. Рациональность делегирована алгоритмам и материальной инфраструктуре. Возникает феномен «латентности», при котором задержка во времени между моментом возникновения события (например, изменения цены актива) и моментом реакции на него (выставлением или исполнением торговой заявки) измеряется не в микросекундах, а даже наносекундах. Побеждает не тот, кто «умнее», а тот, чей сервер физически ближе к бирже и чьи оптоволоконные кабели прямее.

Главным риском такой системы является непредсказуемость. Поскольку алгоритмы обучаются и реагируют на миллионы рыночных сигналов, их совокупное поведение становится непредсказуемым даже для их создателей. Возникает хрупкость системы, при которой любая ошибка в коде одного участника может парализовать всю мировую торговлю, – возникает мгновенный обвал рынка, что и случилось в 2010 году, когда американский рынок рухнул на 9% и восстановился за считанные минуты. Причиной стала цепная реакция, когда один алгоритм начал продавать, другие «увидели» это и тоже включили программу выхода. Люди просто смотрели в мониторы, не успевая ничего предпринять. Если в 1987 году алгоритмам требовались часы, чтобы обрушить рынок, то современные HFT-алгоритмы (высокочастотный трейдинг) делают это за миллисекунды. В данном случае сложно не согласиться с выводами Д. Маккензи [17], согласно которым, когда модель становится «стандартом», все начинают думать и торговать одинаково – это очень удобно, но рынок теряет устойчивость, так как нет тех, кто играет «против толпы». Математическая сложность моделей усыпляет бдительность регуляторов, которые перестают смотреть на реальный мир, доверяя цифрам на экране. Как только происходит событие вне рамок модели, вся «инфраструктура» рушится мгновенно. В момент кризиса алгоритмы начинают совершать тысячи сделок в секунду, и трейдеры, часто не понимая до конца, как работает алгоритм, просто не могут быстро адаптироваться, продолжая верить в эффективность модели, что приводит к стремительному падению рынка.

Ввиду изложенных фактов вполне логично, что С. Фуллер выступает с критикой «принципа предосторожности», который «может выглядеть довольно недальновидным, поскольку он основан на радикальном доверии актуальному научному консенсусу, упуская из виду долгосрочную тенденцию науки к переосмыслению данных» [11]. Принцип предосторожности лишает общество возможностей от использования инноваций, так как он основан на статичной картине реальности и не соответствует динамике современного цивилизационного развития.

Стратегия «проактивности» и стремление к инновациям

Согласно концепции С. Фуллера, противоположным принципу предосторожности является принцип проактивности, в основе которого заложено стремление к инновациям, альтернативным, рискованным решениям. Главная цель, которую ставят перед собой инноваторы, – максимизация возможностей для достижения лучшего результата. Ответственность за используемые методы и технологии ложится здесь на тех, кто выступает против использования инноваций: именно они должны доказать нецелесообразность или опасность использования нововведений. При этом предлагается оценить и потенциальные риски, возникающие из-за бездействия и ограничения прогресса. При данном подходе допускается мысль о том, что важные инновации часто неочевидны на ранних этапах их разработки, поэтому необходимо дать им развиваться, чтобы можно было судить об их истинном потенциале [12]. Собственно, предложенный С. Фуллером «проактивный подход» предполагает не избегание кризисов, а принятие и управление ими, так как кризис дает ход новым идеям, нестандартным решениям и предполагает альтернативные варианты развития культуры и общества.

Известный американский экономист Д. Макклоски, в свое время бросивший вызов экономическому мейнстриму, отстаивает идею того, что экономика развивается исключительно благодаря «сумасшедшим» идеям, усовершенствованиям, – это не только технологии, но и изменения в социальных отношениях, политических институтах, поэтому крайне важной является риторика мнений и взглядов [18, р. 9].

За последние двести лет на основе комбинации политических интересов, экономических стимулов и финансовых спекуляций сформировалась *инновационная экономика* (или *экономика знаний, интеллектуальная экономика*), основанная на потоке новых идей, постоянном технологическом совершенствовании, производстве и экспорте высокотехнологичной продукции. Основными инструментами экономического

роста становятся интеллект и квалификация ученых, инженеров, предпринимателей.

Как в периоды стабильности, так и во время экономических кризисов инновационная экономика вступает в противоречие с устоявшимися принципами господствующих экономических и финансовых теорий, так как ключевым аспектом в понимании инновационного развития экономики выступает способность к эксперименту. Мы слышим о компаниях, которые проводят эксперименты с новыми продуктами, чтобы оценить их рыночный потенциал, о финансовых биржах, запускающих новые торгуемые производные контракты в экспериментальном режиме, или о супермаркетах, экспериментирующих с новыми способами выкладки и мерчандайзинга. Конечно, такая деятельность в экономике не равнозначна главной составляющей научных экспериментов – лабораториям, но это вовсе не означает, что она не имеет отношения к исследованиям. Экспериментировать в данном случае значит пытаться решить проблему, организовав испытания, которые приводят к результатам, оцениваемым и принимаемым в качестве отправных точек для дальнейших действий. В этом смысле подобные действия – это исследовательская деятельность, так как они имеют целью наблюдение и представление экономических объектов, а также стремятся воздействовать на эти экономические объекты. Экспериментальные методы широко используются в маркетинговых исследованиях, финансовом инжиниринге и разработке экономической политики. Если расширить понятие эксперимента до множества исследовательских действий, которые происходят на рынках и в других экономических институтах, то, согласно концепции Ф. Муньеса и М. Каллона [21], мы можем говорить об «экспериментальной экономике» как об отдельной форме экономической жизни, использующей эксперименты для проектирования и улучшения реальных экономических систем.

В своих работах Д. Норт [6] и Д. Аджемоглу [2] видят развитие инновационной экономики как «созидательное разрушение», которое выражается в первую очередь через «социальный конфликт», в котором элитные группы, используя свою власть, просчитывают свою выгоду/потерю при использовании/отказе от инноваций. Соответственно, согласно их трактовке, инновационная экономика развивается не за счет проявления внутренней творческой энергии самих инноваторов, но зависит от внешних институциональных установок. Действительно, в современной инновационной экономике различные социальные институты, в первую очередь государственной власти, играют одну из главных ролей. Государство создает законода-

тельную базу и поддерживает фундаментальную науку, финансирует научные гранты и инфраструктуру (лаборатории, технопарки), обеспечивает регулирование отношений в сфере инноваций (стандарты, сертификации, патенты, лицензии), а также осуществляет налоговое стимулирование инновационной деятельности (льготное налогообложение). Без государственной поддержки также невозможна глобальная интеграция инноваций: экспорт высокотехнологичной продукции и знаний, участие в международных научных и технологических проектах, привлечение иностранных инвестиций и талантов. Таким образом, инновационная экономика реализуется и контролируется через социальные институты, оказывающие непосредственное влияние на экономический рост.

Д. Макклоски настаивает на динамической картине появления инноваций как «проверяемых рынком усовершенствований» [14, р. 9] (market-tested betterments) – «метаразвития», корни которого кроются в культуре и проявляют себя спонтанно и непредсказуемо. Эту позицию поддерживает также историк экономики Дж. Мокир, который считает, что научно-технический прогресс невозможно стимулировать через правовые и политические институты, так как он предполагает «сдвиг» мышления в обществе [20, р. 16]. Вводя контроль за инновациями, ограничивая риски их использования, мы исключаем саму возможность реализации «прорывных идей», с помощью которых происходит скачок в знаниях и которые позволяют не просто преодолеть социальный, экономический, культурный и научный кризис, но и выводят наше мышление на новый уровень. Таким образом, возникает вопрос: следует ли принимать или избегать риски, связанные с использованием инноваций?

При ответе на это следует вспомнить историю «кризиса доткомов» 2000 года (от англ. «dot» – точка и «com» – домен верхнего уровня для коммерческих сайтов). Распространение интернета в конце 1990-х годов привело к росту венчурных инвестиций и резкому увеличению числа стартапов, основанных на онлайн-бизнесе. В результате этого роста появилось множество новых компаний, развивавших рискованные, инновационные проекты в сфере интернет-продаж. Примечательно, что к мелким стартапам присоединились крупные компании, работавшие в сфере технологий, медиа и телекоммуникаций и переориентировавшиеся на онлайн-бизнес. Из-за больших объемов взятых кредитов образовался «финансовый пузырь», ставший причиной волны банкротств. «Кризис доткомов» показал, что рост не всегда был обоснован: многие инновационные бизнес-модели оказались неэффективными, так как методы и алгоритмы ведения дел остались прежними.

Экономисты уже давно признают, что неоклассическая экономическая теория плохо подходит для понимания факторов развития инноваций, так как она изначально ориентирована на поиск условий, обеспечивающих эффективное и своевременное равновесие в распределении ресурсов на конкурентном рынке. Такой подход не учитывает динамику и эволюцию инновационных процессов, которые сами по себе – явление экстраординарное. Однако требование постоянного экономического роста делает инновации постоянными и обыденными. В сложившейся ситуации неопределенности экономики, основанной на инновациях, проактивный принцип не просто оперирует рассчитанным риском как необходимым для человеческого прогресса [8], но и обеспечивает оптимистичные прогнозы развития общества.

Экономическое мышление в ситуациях неопределенности

Высокий спрос на новые решения и технологии не просто стимулирует экономическое развитие, но создает высокую конкуренцию, возникающую из-за избыточности идей и разработок. Как следствие, ключевыми требованиями инновационной экономики становятся не только открытость к новым идеям и технологиям, но и готовность к риску. Все, кто вовлечен индивидуально или коллективно в эту экономическую игру, подвержены неизбежной, неустранимой неопределенности в отношении всех действий, которые они совершают как экономические агенты. Еще в начале прошлого века Дж. М. Кейнс, разъясняя свою теорию занятости, акцентировал внимание на онтологической неопределенности, сопровождающей весь процесс принятия экономических и финансовых решений. Неопределенность реальности порождает «неопределенное знание, не позволяющее отличать то, что известно, от того, что просто вероятно В этих вопросах нет научной основы, на основе которой можно было бы сформировать какую-либо поддающуюся расчету вероятность. Мы просто не знаем» [15, p. 114]. Таким образом, согласно Дж. М. Кейнсу, экономика предстает как совокупность неопределенностей и случайностей.

Экономическую неопределенность, как правило, связывают с проблемой будущего, которое гораздо менее познаваемо, чем прошлое, находясь по другую сторону определенности, которой является настоящее. В нынешних экономических реалиях особенно остро проявляются нехватка данных и их недостоверность, в том числе в отношении того, как будет развиваться ситуация в будущем. Все, на что мы можем рассчитывать, согласно В. Дженевею, – это «определенные преемственности из прошлого распространяются на

будущее, при условии, что они не столкнутся с неопределенными непредвиденными обстоятельствами» [14, p. 6]. Некоторые константы, такие как пространство и время, будут достаточно устойчивыми даже в условиях непредвиденных обстоятельств, однако, когда дело доходит до действий людей, прогнозирование становится проблематичным. Например, в период экономической стабильности инвесторы становятся более оптимистичными и стремятся использовать возможности получения прибыли, которые окупятся в отдаленном будущем; предложение кредитов увеличивается, – возникающая экономическая эйфория увеличивает инвестиционные и потребительские расходы. В период же кризиса обычно происходит обесценивание валюты, дефолт по долгам и банкротство банков, что порождает рост маниакального и панического поведения экономических агентов. Как отмечают в своей работе «Мании, паники и крахи: история финансовых кризисов» Ч. Киндлбергер и Р. Алибер, «рациональное изобилие превращается в иррациональное» [16, p. 157].

Логично, что участники экономической игры пытаются избежать непредвиденных обстоятельств и застраховаться от кризиса при помощи денег и контроля. Использование денег позволяет выиграть время, чтобы разобраться в происходящем. В частности, способность бизнеса генерировать положительный приток денег обеспечивает независимость от капризов финансовых рынков и свободу инвестирования. Получение контроля над процессами дает возможность изменить параметры задачи, перенаправить имеющиеся ресурсы на альтернативные возможности. Для оценки рисков и прогнозирования современные экономисты активно используют математические модели и компьютерные алгоритмы, которые создают впечатление контролируемой ситуации.

Однако проблема усугубляется тем, что принятие решений происходит при ограниченном наборе данных; бывают и ситуации, когда информации нет вовсе [1, с. 40]. Экономические теории и модели, применимые на практике, в основном относятся к локальным, стабильным условиям их функционирования. Когда возникает кризис, стандартные методы решения задач перестают работать. В условиях кризиса экономические эксперты могут занимать разные позиции по отношению к существующим концепциям: кто-то пытается спасти их, исправив ошибки, кто-то ищет альтернативные, более экспериментальные подходы. В первом случае факты, которые не вписываются в существующие методы и концепции, обычно не считаются достаточным основанием для отказа от них. Вместо этого экономисты пытаются придумать новые интерпретации, модифицировать теорию так, чтобы

устранить видимые противоречия. Такой подход оказывается вполне оправданным, так как экономические агенты держатся за привычные теории до последнего и продолжают придерживаться привычных стратегий поведения даже в условиях кризиса. *Во втором случае* происходит полный отказ от старых теорий и моделей. Решение об отказе всегда основано на чем-то большем, чем простое сопоставление теории с реальностью, которая изменилась и не может быть описана данными методами, а позволяет обратиться к новым перспективам, чему-то невозможному в рамках предыдущих концепций.

Поскольку очевидно, что экономика развивается нелинейно, а через периоды стабильности, то наибольшая потребность имеется в теориях, объединяющих эти две стратегии, то есть в теориях, способных точно предсказывать неожиданные, нестабильные, кризисные состояния и представляющих перспективу немонотонного развития экономической науки. Как возможна теория, которая точно предсказывает непредсказуемое? Это общая проблема (не)возможности метода получения принципиально нового знания, особенно актуальная для современной экономической науки, и на данный момент она остается нерешенной.

Заключение

Технологическое развитие современной науки и общества привело к резкому увеличению объемов информации, с которой вынужден оперировать человек, – такая ситуация делает планирование и прогнозирование деятельности крайне проблематичными, так как приходится учитывать слишком много условий и составляющих. Человек больше не может рассчитывать на рациональность научного знания как способ преодоления тотальной неопределенности своего существования: как следствие, он вынужден принять условия кризиса, в частности нестабильности экономической сферы жизни. Поскольку кризисное состояние порождает готовность рисковать, пробовать новое, то многие исследователи рассматривают ситуацию кризиса как возможность развития, в которой факторы, сдерживающие реализацию инновационных, альтернативных идей развития, пересматриваются. Т. Кун отмечает: «Значение кризисов заключается именно в том, что они говорят о своевременности смены инструментов» [5, с. 124]. В этом смысле кризисы играют ключевую роль: они сигнализируют о том, что устоявшаяся система научных представлений и методов не позволяет решать возникающие проблемы и пора искать новые подходы.

В современных условиях умение справляться с масштабными вызовами тесно связано с продуктивностью мышления, которое выходит за рамки обыч-

ной умственной деятельности и превращается в значимый стратегический ресурс. Он становится одним из главных факторов, от которых зависит конкурентное преимущество как отдельного человека, так и социальных институтов. Такое мышление даёт возможность разбираться в устройстве многокомпонентных экономических процессов, выявлять направления развития рынков и технологий, гибко реагировать на нестабильность и потенциальные угрозы, а также предлагать новые подходы.

В реальности подлинный стиль кризисного мышления должен применяться до экономического кризиса в качестве подготовки к нему. В данном случае мы можем говорить о двух стилях мышления. *Первый* предполагает ситуацию стабильности, в которой мышление приспосабливается к определенным условиям реальности, оправдывая ожидания. Такой стиль мышления предполагает прогнозирование и расчет рисков с опорой на выявленные закономерности. Подобное мышление дает сбой, если появляются новые факторы или происходят резкие изменения, что особенно характерно для экономических кризисов. *Второй* стиль мышления характеризуется готовностью к рискованным решениям и экспериментам не только в период уже наступившего кризиса, но и как разработка решений, позволяющих «выжить сейчас», а не в долгосрочной перспективе. Однозначно невозможно представить ситуацию, в которой бы существовали попеременно стабильный и рискованный стили мышления. Эти два стиля переплетены в реальностях экономической жизни, так как сложность современной экономической системы предполагает, что на каком-то ее участке обязательно происходит экономический кризис, и мы не можем быть уверены, что где-то нет кризиса. Как факт, мы вынуждены принять позицию, согласно которой стабильность экономики – это иллюзия, которой тешит себя человек.

Соответственно, рассуждая о нарастающей сложности анализа современных экономических проблем, приходится отмечать, что связанная с ней конкуренция различных подходов в познании, обладающих собственной логикой и ценностями, приводит к фрагментации, мозаичности представлений об экономической реальности. Однако осознание неоднозначности и противоречивости развития современного экономического знания не означает, что наука и ее методы не способны справиться с актуальными задачами и вызовами, возникающими в силу кризисности развития современной экономической системы и общественного развития. Современная экономическая мысль обнаруживает потенциал для развития комплексных подходов, объединяющих в себе различные стратегии экономического мышления.

Литература

1. Абрамов Е. В., Мороз Т. А. Математические основы принятия решений в условиях неопределенности // Вестник ВИАПП. – 2022. – № 2. – С. 36–41. – EDN: WXMLZO.
2. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. – М.: Изда-во АСТ, 2015. – 692 с.
3. Касавин И. Т. Пространство и время: в поисках «естественной онтологии» знания // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 90–99.
4. Колпаков В. А. Кризис экономической науки как потеря ее жизненной значимости // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. 12, № 2. – С. 203–211. – EDN: NCRUZH.
5. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. – М.: АСТ. – 2009. – 317 с.
6. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества: монография / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. – М.: Изд.-во Института Гайдара. – 2011. – 480 с. – EDN: QOMGLZ.
7. Чепьюк О. Р. Экономический кризис как феномен бессубъектности: опыт социально-философского анализа // Kant. – 2019. – № 1(30). – С. 231–238. – EDN: ZBUFCX.
8. Шелер М. Проблемы социологии знания. – М.: Институт общегуманитарных исследований. – 2011. – 320 с.
9. Fleck L. (1980) Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache: Einf. in d. Lehre von Denkstil u. Denkkollektiv. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 189 p. (In German).
10. Fleck L. (1986) Scientific Observation and Perception in General. In: R.S. Cohen and Th. Schnelle (eds.), Cognition and Fact: Materials on Ludwik Fleck (Boston Studies in the Philosophy and History of Science Book 87). Springer Dordrecht, pp. 59–78. – <https://doi.org/10.1007/978-94-009-4498-5>. (In Eng.).
11. Fuller S. (2013) The Proactionary Principle. Between No Caution and Precaution. Breakthrough Institute. – URL: <https://thebreakthrough.org/articles/the-proactionary-principle> (accessed: 04.11.2025) (In Eng.).
12. Fuller S., Lipińska V. (2014) The Proactionary Imperative: A Foundation for Transhumanism. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 168 p. – <https://doi.org/10.1057/9781137302922>. (In Eng.).
13. Gupta S., et al. (2023) Take Expert Advice Judiciously: Combining Groupwise Calibrated Model Probabilities with Expert Predictions. ECAI 2023. Front. Artif. Intell. Appl. – Vol. 372, pp. 956–963. – <https://doi.org/10.3233/FAIA230366>. (In Eng.).
14. Janeway W. H. (2012) Doing capitalism in the innovation economy: markets, speculation and the state. Cambridge University Press, 329 p. – <https://doi.org/10.1017/CBO9781139381550>. (In Eng.).
15. Keynes J. M. (1937) The General Theory of Employment. Quarterly Journal of Economics, February 1937. E. Johnson and D. Moggridge (eds.). The Collected Writings of John Maynard Keynes. – Vol. 14. Cambridge University Press and Macmillan for the Royal Economic Society, pp. 112–113. (In Eng.).
16. Kindleberger C. P., Aliber R. Z. (2009) Manias, Panics and Crashes: A History of MacKenzie D. Material Markets: How Economic Agents are Constructed. Oxford: Oxford University Press, 228 p. (In Eng.).
17. MacKenzie D. (2009) Material Markets: How Economic Agents are Constructed. Oxford: Oxford University Press, 228 p.
18. McCloskey D. N. (2016) Max U versus Humanomics: a critique of neoinstitutionalism. Journal of Institutional Economics. – Vol. 12. – No. 1, pp. 1–27. – <https://doi.org/10.1017/S1744137415000053>. (In Eng.).
19. Minsky H. P. (1992) The Financial Instability Hypothesis. The Jerome Levy Economics Institute Working Paper. – No. 74, pp. 1–11. (In Eng.).
20. Mokyr J. (2016) A culture of growth: the origins of the modern economy. Princeton University Press, 400 p. (In Eng.).
21. Muniesa F., Callon M. (2007) Economic Experiments and the Construction of Markets. In: MacKenzie D., Muniesa F., Siu L. et al. Do Economists Make Markets?: On the Performativity of Economics. Princeton: Princeton University Press, pp. 163–189. (In Eng.).
22. Sen A. (2005) On ethics and economics. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishing. – 131 p. (In Eng.).
23. Singh S., Jain S., Jha S. S. (2023). On Subset Selection of Multiple Humans To Improve Human-AI Team Accuracy. In Proc. of the 22nd International Conference on Autonomous Agents and Multiagent Systems (AAMAS 2023), London, United Kingdom, May 29 – June 2, pp. 317–325. (In Eng.).
24. Straitouri E., et al. (2023) Improving Expert Predictions with Conformal Prediction. Proceedings of the 40th International Conference on Machine Learning, pp. 32633–32653. – <https://doi.org/10.48550/arXiv.2201.12006>. (In Eng.).

25. The precautionary principle: Definitions, applications and governance. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/et/document/EPRS_IDA\(2015\)573876](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/et/document/EPRS_IDA(2015)573876) (accessed: 03.11.2025) (In Eng.).

26. Zhang Z., Wells K., Carneiro G. (2023) Learning to Complement with Multiple Humans (LECOMH): Integrating Multi-rater and Noisy-Label Learning into Human-AI Collaboration. – <https://doi.org/10.48550/arXiv.2311.13172>. (In Eng.).

References

1. Abramov, E. V., Moroz, T. A. (2022) [Mathematical Foundations of Decision-Making under Uncertainty]. *Vestnik VIEPP* [Bulletin of VIEPP]. Vol. 2, pp. 36–41. (In Russ.).
2. Adzhemoglu, D., Robinson, D. A. (2015) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proishozhdenie vlasti, procvetaniya i nishchety* [Why some countries are rich and others are poor. The origin of Power, prosperity, and poverty]. Moscow: AST, 692 p. (In Russ., transl. from Engl.).
3. Kasavin, I. T. (2000) [Space and Time: in search of the «natural ontology» of Knowledge]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity]. Vol. 1, pp. 90–99. (In Russ.).
4. Kolpakov, V. A. (2007) [The crisis of economics as a loss of its vital importance]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 12. No. 2, pp. 203–211. (In Russ.).
5. Kun, T. (2009) *Struktura nauchnykh revolyucij* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: AST, 317 p. (In Russ., transl. from Engl.).
6. North, D., Wallis, J., Weingast, B. (2011) *Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Gaidar Institute Press, 480 p. (In Russ., transl. from Engl.).
7. Chepyuk, O. R. (2019) [The economic crisis as a phenomenon of subjectivity: the experience of socio-philosophical analysis]. *Kant* [Kant]. Vol. 1(30), pp. 231–238. (In Russ.).
8. Sheler, M. (2011) *Struktura nauchnykh Problemy sociologii znaniya*. [Problems of the sociology of knowledge]. Moscow: Institute for General Humanitarian Research, 320 p. (In Russ., transl. from German).
9. Fleck, L. (1980) Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache: Einf. in d. *Lehre von Denkstil u. Denkkollektiv*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 189 p. (In German).
10. Fleck, L. (1986) Scientific Observation and Perception in General. In: R.S. Cohen and Th. Schnelle (eds.), *Cognition and Fact: Materials on Ludwik Fleck* (Boston Studies in the Philosophy and History of Science Book 87). Springer Dordrecht, pp. 59–78. – <https://doi.org/10.1007/978-94-009-4498-5>. (In Eng.).
11. Fuller, S. (2013) The Proactionary Principle. Between No Caution and Precaution. *Breakthrough Institute*. Available at: <https://thebreakthrough.org/articles/the-proactionary-principle> (accessed: 04.11.2025) (In Eng.).
12. Fuller, S., Lipińska, V. (2014) The Proactionary Imperative: A Foundation for Transhumanism. *Basingstoke: Palgrave Macmillan*, 168 p. – <https://doi.org/10.1057/9781137302922>. (In Eng.).
13. Gupta, S., et al. (2023) Take Expert Advice Judiciously: Combining Groupwise Calibrated Model Probabilities with Expert Predictions. *ECAI 2023. Front. Artif. Intell. Appl.* Vol. 372, pp. 956–963. – <https://doi.org/10.3233/FAIA230366>. (In Eng.).
14. Janeway, W. H. (2012) Doing capitalism in the innovation economy: markets, speculation and the state. *Cambridge University Press*, 329 p. – <https://doi.org/10.1017/CBO9781139381550>. (In Eng.).
15. Keynes, J. M. (1937) The General Theory of Employment. *Quarterly Journal of Economics*, February 1937. E. Johnson and D. Moggridge (eds.). *The Collected Writings of John Maynard Keynes*. Vol. 14. *Cambridge University Press and Macmillan for the Royal Economic Society*, pp. 112–113. (In Eng.).
16. Kindleberger, C. P., Aliber, R. Z. (2009) *Manias, Panics and Crashes: A History of MacKenzie D. Material Markets: How Economic Agents are Constructed*. Oxford: Oxford University Press, 228 p. (In Eng.).
17. MacKenzie, D. (2009) *Material Markets: How Economic Agents are Constructed*. Oxford: Oxford University Press, 228 p.
18. McCloskey, D. N. (2016) Max U versus Humanomics: a critique of neoinstitutionalism. *Journal of Institutional Economics*. Vol. 12. No. 1, pp. 1–27. – <https://doi.org/10.1017/S1744137415000053>. (In Eng.).
19. Minsky, H. P. (1992) The Financial Instability Hypothesis. *The Jerome Levy Economics Institute Working Paper*. Vol. 74, pp. 1–11. (In Eng.).
20. Mokyr, J. (2016) *A culture of growth: the origins of the modern economy*. Princeton University Press, 400 p. (In Eng.).
21. Muniesa, F., Callon, M. (2007) Economic Experiments and the Construction of Markets. In: MacKenzie D.,

Muniesa F., Siu L. et al. Do Economists Make Markets?: On the Performativity of Economics. *Princeton: Princeton University Press*, pp. 163–189. (In Eng.).

22. Sen, A. (2005) On ethics and economics. *Malden, MA ; Oxford, UK : Blackwell Publishing*, 131 p. (In Eng.).

23. Singh, S., Jain, S., Jha, S. S. (2023). On Subset Selection of Multiple Humans To Improve Human-AI Team Accuracy. In Proc. of the 22nd International Conference on Autonomous Agents and Multiagent Systems (AAMAS 2023), *London, United Kingdom*, May 29 –June 2, pp. 317–325. (In Eng.).

24. Straitouri, E., et al. (2023) Improving Expert Predictions with Conformal Prediction. *Proceedings of the 40th International Conference on Machine Learning*, pp. 32633–32653. – <https://doi.org/10.48550/arXiv.2201.12006>. (In Eng.).

25. The precautionary principle: Definitions, applications and governance. – Available at: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/et/document/EPRS_IDA\(2015\)573876](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/et/document/EPRS_IDA(2015)573876) (accessed: 03.11.2025) (In Eng.).

26. Zhang, Z., Wells, K., Carneiro, G. (2023) Learning to Complement with Multiple Humans (LECOMH): Integrating Multi-rater and Noisy-Label Learning into Human-AI Collaboration. – <https://doi.org/10.48550/arXiv.2311.13172>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Надежда Дмитриевна Астахова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

ORCID iD: 0000-0002-9338-7763, **SPIN-код:** 2175-0955, **AuthorID:** 933944

e-mail: nadya.astashova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 01.07.2026; принята в печать: 17.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Nadezhda Dmitrievna Astashova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID iD: 0000-0002-9338-7763, **SPIN-code:** 2175-0955, **AuthorID:** 933944

e-mail: nadya.astashova@mail.ru

The paper was submitted: 01.07.2026.

Accepted for publication: 17.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

РЕЛИГИОЗНОЕ ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ КАК АУТОТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

В. В. Габеев

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия
e-mail: v.gabeti@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена религиозного трансцендирования как одной из антропологических стратегий аутотрансформации личности, то есть преобразования своего бытия с целью восполнить его недостаточность и несовершенство. Актуальность обращения к такому исследованию определяется наличием в современной культуре различных предложений «совершенствования себя», которые не имеют выстроенной критериологии, не проверены в своих результатах и потому приводят к непрогнозируемым последствиям. Их внешняя привлекательность для современного человека, «ищущего себя», затмевает практики трансцендирования, выработанные религиозными традициями. В статье предлагается рассмотреть аскетические практики трансцендирования как обладающие такой критериологией. Цель статьи состоит в обосновании суждения о религиозном трансцендировании как контролируемой практике аутотрансформации. Достижение поставленной цели осуществляется путём решения трёх взаимосвязанных задач: философского анализа концептов «аутотрансформация» и «трансцендирование», определения специфики религиозного трансцендирования, дескрипции критериологии религиозного трансцендирования. Решение поставленных задач осуществляется на основе концептуального анализа существующих в философской литературе исследований феномена аутотрансформации и герменевтики религиозного опыта, главным образом – исследований православной аскетики, выполненных С.С. Хоружим. В ходе проведённого анализа установлено, что религиозное трансцендирование как выход из несовершенного наличного бытия в бытие божественное можно разделить на три стадии, прохождение каждой из которых имеет определённый результат, зафиксированный в религиозной традиции и служащий для её адепта критерием аутотрансформации. Результатом трансформации личности на первой стадии является формирование у неё радикального и невозвратного разрыва с повседневностью. Результатом второй стадии является состояние непрерывного диалога со Сверхсущим в молитве или медитативном созерцании. Результатом третьей стадии, то есть конечным результатом аутотрансформации, является вхождение в Высшее бытие: «слияние», «растворение» или же соединение воли и сознания человека и Бога и обретение сверхприродных способностей. Новизна полученных выводов состоит в обосновании значимости исследования религиозного трансцендирования для современной философской антропологии. Дальнейшие исследования религиозного трансцендирования предполагают рассмотрение его программы, техник и результатов на примере конкретной религиозной традиции.

Ключевые слова: антропологическая стратегия, аскетика, аутотрансформация, религиозное сознание, религиозный опыт, трансгрессия, трансцендирование.

Для цитирования: Габеев В. В. Религиозное трансцендирование как аутотрансформация личности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 100–108. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-100>.

Original article

RELIGIOUS TRANSCENDENCE AS AUTOTRANSFORMATION OF PERSONALITY

V. V. Gabeev

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia
e-mail: v.gabeti@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of religious transcendence as one of the anthropological strategies of personality autotransformation, i.e., the transformation of existence of a person to compensate for their

insufficiency and imperfection. The relevance of the article is determined by the presence of various proposals for «self-improvement» in modern culture, which lack clear criteria and, consequently, lead to unpredictable outcomes. Their external attractiveness for modern individuals who are «searching for themselves» overshadows the practices of religious transcendence. The article suggests exploring ascetic practices of transcendence as possessing such criteria. The purpose of the article is to substantiate the statement that religious transcendence is a controlled practice of autotransformation. This purpose is achieved through the solving of three interrelated tasks: philosophical analysis of the concepts of «autotransformation» and «transcendence», identification of the specific features of religious transcendence, and description of the criteria for religious transcendence. These tasks can be solved through a conceptual analysis of results of studies on the phenomenon of autotransformation and the hermeneutics of religious experience, which have published in philosophical literature, particularly the works of Sergey. Khoruzhij on Orthodox asceticism. The study reveals that religious transcendence, which involves moving from an imperfect, present existence to a divine existence, can be divided into three stages. Each stage has a specific outcome that is recorded in the religious tradition and serves as a criterion for autotransformation for its adherent. The first stage results in a radical and irreversible break with everyday life. The second stage leads to a state of permanent dialogue with the Supernatural through prayer or meditative contemplation. The third stage, which is the final result of autotransformation, involves entering the Highest Being through «fusion», «dissolution», or the union of the wills and minds of a person and God, and the acquisition of superhuman abilities.

Key words: anthropological strategy, asceticism, autotransformation, religious consciousness, religious experience, transcendence, transgression.

Cite as: Gabeev, V. V. (2026) [Religious transcendence as autotransformation of personality]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 100–108. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-100>.

Введение

В последние десятилетия XX в. в отечественной гуманитарной мысли произошло переоткрытие феномена религиозного аскетизма как практики аутотрансформации личности. Понятие «практики аутотрансформации субъекта» ввёл Мишель Фуко, определяя их (или под другим названием – «техники себя») как целенаправленные практики, в которых человек обращается к себе и преобразует себя: «продуманные и добровольные практики, посредством которых люди не просто устанавливают для себя правила поведения, но стараются изменить самих себя, преобразовать себя в собственном особом бытии и сделать из своей жизни произведение, несущее в себе определенные эстетические ценности и отвечающее критериям стиля» [18, с. 17–18].

Поскольку практики аутотрансформации целеобусловлены, постольку они включены в так называемую «антропологическую стратегию», то есть программу личностной трансформации, обосновывающую необходимость достижения определённой цели, распределение деятельности по достижению этой цели на этапы, описывающую результаты каждого этапа, критерии результативности и т.п. Эта программа или стратегия, даже в описании самих практик, не является некоторой инструкцией или единым документом – она представляет собой антропологическое учение, включённое в определённое мировоззрение, в котором центральным является вопрос: «Что есть человек?».

Этот вопрос выступает стержневым вопросом всей философской антропологии. Его можно было бы на-

звать вечным вопросом о сущности человека, если бы в ряде направлений философии XX в. не произошёл отказ от поисков сущности человека, как, впрочем, и от поисков сущности вообще чего бы то ни было. Тем не менее, даже когда философы говорят о недостаточности или незавершённости человека: биологической «ущербности» (*mangelwesen*), как А. Гелен [4], или биологической недостаточности, как Х. Плеснер [12], или нехватке бытия, как экзистенциалисты: М. Хайдеггер [19], К. Ясперс [27] и Ж. П. Сартр [14], об «энергичном человеке, определяемом антропологической границей», как С. С. Хоружий [22] и сущность всё равно мыслится – пусть не как сущее, но как должное. А для понимания человека в таком нон-эссенциалистском (по-другому – нон-субстантивистском) дискурсе концепция аутотрансформации как преодоления недостаточности оказывается ещё более значимой, чем в классической философии, рассматривающей человека как особого рода сущность, постольку, поскольку в нон-эссенциалистском дискурсе философам приходится описывать деятельность и качества человека не как акты и характеристики сущности, а как его проекты и интенции конструирования себя.

Как правило, понятие, обозначающее какое-либо явление, появляется после обнаружения этого явления. В отношении практик аутотрансформации можно утверждать, что они существуют с древнейших времён, но осмыслены по-разному в разных традициях и, соответственно, выражены в разных понятиях. Если говорить о европейской интеллектуальной традиции, то это «забота о себе» у стоиков, «превосхо-

ждение» (*transcensus*) и «обожение» (*theosis*) в христианской мысли, «забота» М. Хайдеггера и проч. Среди отечественных авторов последней четверти XX – первой четверти XXI в., посвятивших свои работы исследованию данной проблемы, следует назвать С. С. Хоружего [21; 22; 23; 25 и др.], С. А. Смирнова [15; 16; 28], В. Н. Сагаатовского [13], Е. В. Захарову [8; 9], А. А. Горелова и Т. А. Горелову [6; 7], Е. В. Золотухину-Аболину [10; 11]. Терминология этих авторов также различна, равно как и их отношение к религиозным аскетическим практикам и религиозному трансцендированию, но все они едины в понимании того, что бытие человека – это не просто жизнь ограниченного смертностью мыслящего существа, а стремление (не только желание, но и его реализация) преодолеть свои границы, обрести некое трансфинитное (божественное или космическое) состояние.

Целью данной статьи является обоснование положения о том, что религиозное трансцендирование является контролируемой практикой аутотрансформации. Реализация данной цели предполагает решение трех взаимосвязанных задач: во-первых, рассмотреть значение концептов «аутотрансформация» и «трансцендирование», во-вторых, выявить специфику религиозного трансцендирования, в-третьих, продемонстрировать, что среди всех практик аутотрансформации только религиозное трансцендирование имеет выверенную критериологию, а следовательно, и способы контроля трансформационных процессов, и уверенность традиции в том, что результаты трансформации будут соответствовать поставленной цели. Данное обоснование осуществляется на основе концептуального анализа существующих в философской литературе исследований феномена аутотрансформации и герменевтики религиозного опыта.

Трансцендирование в контексте антропологических стратегий

Любая антропологическая стратегия предполагает, что человек способен совершать свободную целеполагающую деятельность, направленную на развитие его личности. Важными понятиями, характеризующими это развитие в контексте концепций антропологических стратегий, являются понятия трансцендирования и трансгрессии.

Трансцендирование – это выход человека за границы своего наличного бытия как преодоление себя в сложившемся статусе существования и продвижение к бытию более высокоорганизованного уровня – «превосхождение себя», согласно Аврелию Августину, призывавшему: «Превзойди и себя самого!» (*transcende et teipsum*) [1, с. 480]. В Античности и Средние века этим понятием обозначалось восхо-

ждение к Высшему Благу, каковым в европейском Средневековье мыслился только Бог. В Новое время на первый план вышли гносеологические коннотации данного понятия, которые в феноменологии Э. Гуссерля и его преемников стали способом описания конституирования сознанием внешнего ему предметного мира, а в феноменологической социологии А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана привели к пониманию трансценденции не как восхождения к более высшей реальности, а как простого переключения между реальностями [26; 2]. Однако понимание трансцендирования как онтологического акта перехода к более совершенной форме бытия является преобладающим в философии [подробнее см. 3], и в этом плане трансцендирование отличается от трансгрессии.

Трансгрессия – это выход из повседневности через преодоление окружения, самоутверждение. Исследователи определяют её чаще всего как выход за общепринятые в социуме рамки, совершающийся через конфликт с социальной средой, нарушение моральных, правовых, религиозных и прочих норм. Трансгрессия пронизана внутренними конфликтами личности, возможностями для роста и падения, глубокими экзистенциальными размышлениями о нравственности, вере и человеческой природе. Порождая конфликт с внешним миром, трансгрессия направляет личность на бытие, которое представляется личности лучшим, чем наличное, но это представление может быть глубоко субъективным. Встречая негативную оценку со стороны общественного мнения, трансгрессия приводит к отторжению трансгрессивной личности и тем самым вызывает у нее потребность в определении или переосмыслении способа своего существования. В силу этого трансгрессивные личности поднимают глубокие экзистенциальные вопросы о свободе совести, жизненного выбора, соотношении общественного и личного, традиции и новации и т. п. Таким образом, трансценденция представляет собой своего рода переход границ собственного бытия, а трансгрессия – их расширение.

Понятия «граница человека бытия», «граница бытия» (имеется в виду бытие человека), «горизонт бытия» активно использовались философами-экзистенциалистами для обозначения пределов человеческих возможностей. К понятию «Граница Человека» обратился и С. С. Хоружий (заглавные буквы в словах – так у С. С. Хоружего), задавшись вопросом: «Что такое «трансцендирование» Человека? Не есть ли это лишь фикция, фантом языка, эпифеномен метафизического дискурса?» [24, с. 38].

Такой границей прежде всего служит осознание смерти, а неприятие смерти порождает желание преодолеть эту границу. Это желание, как считает

С. С. Хоружий, становится импульсом для разработки разных антропологических стратегий и практик «заботы о себе». Одна из таких стратегий, которая зародилась ещё в архаических культах, а затем через орфиков вошла в философию Платона и получила продолжение у разных философов: «от стоиков до Хайдеггера», состояла в том, чтобы с помощью особых «духовных упражнений» преобразовать изначальное органическое неприятие смерти в «философическое приятие» [24, с. 39]. Другая стратегия – это ответ на вопрос, почему существует неприятие смерти наряду с пониманием невозможности растягивания наличного биологического существования в бесконечность. На этом пути происходит не признание ценности смерти в качестве события, придающего смысл жизни, как это предлагала первая стратегия, а признание человека не только биологическим существом, точнее говоря – признание того, что биологическая смерть не является концом личностного бытия. Осознание себя существом, способным перейти предел биологической жизни, означает признание того, что источником личностного бытия является не биологическая природа, а нечто внеположенное, трансцендентное ей. Как результат, целью такой антропологической стратегии становится достижение этого трансцендентного (Внеположенного Истока – у С. С. Хоружего [24, с. 41]) через трансформацию наличного образа бытия из «природного» человека в образ Сверхприродного.

Указанная трансформация делится на три основные стадии. «Начальная стадия – становление и формирование практики как *альтернативной*, “мета-антропологической” антропологической стратегии, цель (телос) которой – не в пределах горизонта человеческого существования, но в Инобытии» [24, с. 43]. Эта стадия прохождения через разного рода упражнения, обеспечивающие сепарацию от всего присущего обыденной жизни. Это практики аскетического разрыва с миром, очищения ума или перемены сознания. Следующая стадия «заключается в сочетании двух активностей: одна из них – прямой отклик на Зов, напряженная диалогическая обращенность к Призывающему Телосу практики, принимающая форму некоторой методики медитации и (или) молитвы; другая же – защита, «стража» обращенности к Телосу от всех нарушений и отвлечений, осуществляемая особыми техниками концентрации внимания» [24, с. 44]. Третья, заключительная, стадия – «переустройство способностей восприятия», свидетельствующее о том, что «начинает формироваться новая, мета-антропологическая перцептивная модальность» [24, с. 44].

Кроме аскетических практик, приводящих к описанной трансформации, существуют и иные психологические практики, основанные на использовании

паттернов бессознательного или виртуальной реальности, они тоже как бы выводят человека за границы наличного бытия, но, по мнению С. С. Хоружего, не могут считаться антропологическими стратегиями, поскольку то, к чему они ведут, не находится на более высоком уровне бытия: «паттерны духовной практики подменяются паттернами другого ареала, с низшим типом энергетики, и поэтому телос духовной практики не может быть достигнут» [24, с. 51]. Можно сказать, что переход из наличного бытия в «альтернативное» бытие в них происходит так же, как и происходит трансформация личности, но не онтологическая, а психологическая: формируется зависимость от этих низших уровней бытия, что на языке аскетики называется прелестью или одержимостью. Конечность человеческого бытия в них не преодолевается, вместо того возникает тяга расширить пределы наличного бытия, то есть трансгрессивное поведение.

Религиозное трансцендирование и критерии трансформации личности

Если следовать концепции С. С. Хоружего, то трансцендирование на каждой из трёх стадий должно демонстрировать определённый результат трансформации личности. И действительно, религиозные традиции такие результаты фиксируют и описывают как различающиеся в зависимости от стадии.

На первой стадии должен произойти разрыв с повседневностью, формирующий у субъекта невозвратность к прежнему состоянию или, по крайней мере, отсутствие желания такого возвращения. Это достигается разного рода упражнениями, система которых в европейской традиции называется аскезой (от греч. *askēsis* – упражнение). М. Фуко в известных лекциях 1981–1982 гг. в Коллеж де Франс отмечал ведущую роль техник на этом этапе, причём единого набора техник для разных традиций он не усматривал: «В каком-то смысле вопрос этот – об аскетике, о комплексе аскетических упражнений – чисто технический... Можно перечислить их формы: воздержание, медитация, размышление о смерти, о грядущих бедствиях, испытание сознания и т.д. (вот вам уже целый комплекс)» [17, с. 451]. Специалисты в области антропологии религии разделяют это мнение. Например, А. ван Геннеп приводит десятки ритуалов «отделения», то есть открепления от прежнего социального статуса [5].

В начале всего процесса преобразования личности находится свободный осознанный выбор «не быть прежним». Предшествовать ему может и жизненный кризис, и неудовлетворённость собой: «томление духа» и «поиски себя», и мистическое озарение. Кроме того, необходима встреча с тем, кто уже прошёл

путь преобразования, кто может стать наставником на пути преобразования.

Важно отметить, что процесс, хоть он и называется аутотрансформацией, не предполагает автоматического совершения некоей последовательности актов, приводящей к запланированному результату. Несмотря на то что именно субъект осуществляет «заботу о себе»: свободно и осознанно, он не должен считать, что трансформация его личности – результат исключительно его усилий. В этом особенность религиозного трансцендирования: субъект осознаёт, во-первых, что его превосхождение себя осуществляется с помощью того, к Кому это превосхождение в конечном счёте приведёт, во-вторых, что религиозная традиция накопила опыт такого трансцендирования и существуют носители данного опыта.

Именно поэтому преобразование личности, особенно на первом его этапе, осуществляется под контролем опытного наставника, который сам прошёл этот путь и знает, какие ошибки и вследствие чего может совершить начинающий, как они проявляются в опыте начинающего, как начинающий может не допустить их или исправить. При этом авторитет лица, которое может стать наставником, должен быть признан не только субъектом, осуществляющим или намеревающимся осуществить аутотрансформацию, но и религиозной традицией. Осознанность, концентрация воли, последовательность упражнений, самоконтроль и диалог с религиозным наставником – это необходимые условия и начала, и первого этапа религиозного трансцендирования.

Вторая стадия, наступающая после сепарации от прежнего образа жизни, это стадия лиминальности (не в смысле неопределённости или дезориентации, как у Геннепа, а в прямом смысле слова *limen* – «порог», то есть стадия стояния на пороге, или на границе нового бытия), когда жизнь субъекта не определяется физиологическими потребностями (удовлетворение тех из них, которые обеспечивают жизненные функции тела, не исключается, но предельно минимизируется и уходит в подсознательный план) и насущными помыслами, т.к. субъект исключил себя из круга повседневных забот. Теперь жизнь определяется движением к трансцендентной цели как к высшему благу, и всё сознание направлено именно на это Высшее Благо. Субъект находится в непрестанном диалоге с этим Высшим Благом в молитве или медитативном созерцании. Его жизнь уже организована так, чтобы ничто не нарушало этот диалог. Как правило, она предполагает уединение (отшельничество) и минимизацию внешних речевых актов (священнобесмолвие). В тех же случаях, когда аскет вступает в общение с другими людьми, он уже не столько выражает свою волю, сколько передаёт

волю Высшего. Об этом писал апостол Павел в Послании к Галатам: «И уже не я живу, но живёт во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия...» (Гал. 2, 20).

Результатом третьей стадии и вместе с тем конечным результатом является вхождение в Высшее бытие, а значит, и полная трансформация личностного бытия. Эту стадию описывают мистики всех религий примерно одинаково в содержательном плане, но малоинформативно и очень образно, можно сказать, поэтично. Причина в том, что субъект-объектное мышление, «схватывающее» объект в понятии, при произошедшей трансформации заменяется субъект-субъектным, вместо понятия здесь – невербализуемое «усмотрение», «видение», «созерцание». Когда же мистик пытается выразить это видение дискурсивно, он понимает нетождественность дискурсивного мышления своему умственному созерцанию и поэтому прибегает к образам и метафорам.

Если это Высшее бытие понимается мистиками как имперсональный Абсолют, то состояние субъекта характеризуется как «слияние» и «растворение», если же как Божественная Личность (что наблюдается в теистических религиях), то – как соединение воли и сознаний, без утраты личностной особенности субъекта. Когда С. С. Хоружий пишет о «переустройстве способностей восприятия» и «новой перцептивной модальности», он имеет в виду описываемое в религиозных традициях и в спекулятивной мистике обретение сверхприродных способностей непосредственного усмотрения сути вещей, истинного положения дел, «видения, постижения вещей и явлений мира в их сокровенном устройстве, связи и смысле» [20, с. 120].

Обращает на себя внимание то, что переход с одной стадии на следующую не отменяет тех действий субъекта, которые он должен был совершать на предыдущей стадии. Поэтому на высшей стадии, несмотря на то, что граница наличного бытия преодолена и субъект находится в постлиминарной стадии, вне зависимости от него также сохраняется необходимость аскетических упражнений и строгой дисциплины, постоянного диалога со Сверхсущим, самоконтроля (здесь уже именно само-контроля) актов сознания. На этой стадии трансформируется и связь сознания и телесных функций. Субъект в своём сознании находится вне физических характеристик пространства и времени, он воспринимает не их, а вечность, что, однако, не означает расставания души с телом или обретения телесного бессмертия. Несмотря на то, что функции тела становятся подчинёнными сознанию, процессы старения всё равно приведут тело к смерти. Бессмертие субъект получает не в бесконечном сохранении соматических функций (хотя «нетленные

мощи» также могут служить признаком произошедшей аутотрансформации), а в сохранении личностной структуры в вечном бытии своего сознания.

Заключение

На всем протяжении культурной истории существовали аскетические практики как способы онтологической трансформации личности и как способы самопознания, точнее говоря, способы познания в себе специфически человеческого. Их формы менялись, но их важность осознавалась и на Востоке, и на Западе до Нового времени, когда, во-первых, познание стало пониматься исключительно как автономная деятельность человеческого разума, во-вторых, трансценденция как состояние субъекта, превосходящее его наличное бытие, стала описываться исключительно как гносеологический акт, а религиозному самопознанию было противопоставлено Просвещение, как программа выработки у индивида единственно полезного, позитивного знания – способности познавать себя в системе связей окружающего мира. Религиозные практики аутотрансформации ушли «в тень» общественного интереса, пока философы XX века не передали ощущение недостаточности и неподлинности бытия человека. С тех пор возникает интерес к антропологическим стратегиям и практикам «заботы о себе». Но этот интерес в условиях секулярного общества обусловил обращение не к религиозной аскетике, а к разного рода эзотерическим учениям, не связанным ни с одной конкретной религиозной традицией, психоанализу, разного рода философско-религиозным синкретическим учениям (например, «интегральный подход» К. Уилбера). Следствием всего этого явилось появление разного рода практик расширения сознания, по большей части не имеющих внятной критериологии, в том числе

с использованием психоделических веществ и виртуальной реальности, а также разного рода коучеров-шарлатанов, предлагающих такие практики. Эти практики приводят не к трансцендированию личности, а к её трансгрессии. В связи с этим обращение к аскетическим традициям, которое в нашей постсекулярной культуре также имеет место быть, заслуживает и философско-антропологического, и философско-религиоведческого анализа.

В данной статье рассмотрено религиозное трансцендирование в общих чертах. Следующей задачей является рассмотрение программы, техник и результатов трансцендирования на примере конкретной религиозной традиции. Нельзя сказать, что таких исследований не проводилось. В отечественной философии хорошо известны, например, работы С. С. Хоружего по исихазму. Имеются и компаративные религиоведческие исследования, результаты которых нуждаются в философско-антропологических обобщениях. Самым сложным вопросом в исследовании аутотрансформации личности остаётся вопрос о её критериях, точнее – об их объективности и способах проверки. Установлено, что критериология не является универсальной: она находится внутри определённой религиозной традиции и воплощает её коллективный опыт. Решение вопроса об объективности критериев требует исследований специфики религиозного опыта, сравнительного анализа мистического опыта разных субъектов в одной религиозной традиции и принадлежащих к разным традициям. Разумеется, и такие исследования проводятся, их результаты известны и являются почвой для дискуссий. Они могут служить хорошим материалом для философского анализа антропологических стратегий в современной культуре.

Литература

1. Августин А. Об истинной религии // А. Августин. О бессмертии души. – М.: АСТ, 2004. – С. 428–510.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: Пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Габеев В. В. Религиозный смысл трансцендирования // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2023. – № 4 (220). – С. 6–13. – <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-4-6-13>. – EDN: SUAJDF.
4. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Сборник переводов с английского, немецкого, французского / под общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 152–251.
5. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов: Пер. с франц. Ю. В. Ивановой, А. В. Покровской. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.
6. Горелов А. А., Горелова Т. А. Религиозные аспекты современной парадигмы самотворчества // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 3. – С. 57–73. – <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.4>. – EDN: WFYTYZ.
7. Горелов А. А., Горелова Т. А. Тезаурусный анализ подходов к человеку в концепциях синергичной антропологии и интегральной духовности // Горизонты гуманитарного знания. – 2021. – № 4. – С. 3–34. – <https://doi.org/10.17805/ggz.2021.4.1>. – EDN: FRFXYS.

8. Захарова Е. В. Онтологическая недостаточность человека // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 7 (126). – С. 175–179. – EDN: MRWXYE.
9. Захарова Е. В. Онтологическая недостаточность человека: взгляд со стороны религии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2011. – № 1 (21). – С. 121–127. – EDN: ONNIGZ.
10. Золотухина-Аболина Е. В. Личное бытие: признание и оправданность (к вопросу о социокультурной онтологии) // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 2. – С. 36–48. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.2.3>. – EDN: SSHCAL.
11. Золотухина-Аболина Е. В. Трансперсональная философия XX века о человеке (С. Гроф и К. Уилбер) // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 2. – С. 63–71. – EDN: REZVDT.
12. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию: Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 367 с. – EDN: QWGDJX.
13. Сагатовский В. Н. Философия развивающейся гармонии: (Философские основы мировоззрения): Авт. курс: В 3 ч. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – Ч. 3: Антропология. – 288 с.
14. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии: Пер. с франц. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 638 с.
15. Смирнов С. А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека: монография. – Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016. – 438 с. – EDN: XGPQNV.
16. Смирнов С. А. (В)место человека: монография. – СПб.: Алетея, 2025. – 572 с.
17. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / Пер. с франц. А. Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
18. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности / Пер. с франц. В. Каплуна. – СПб.: Акад. проект, 2004. – Т. 2. – 432 с.
19. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Библихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
20. Хоружий С. С. Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия: Науч. сб. – М.: Изд-во Ди-Дик, 1995. – С. 42–150.
21. Хоружий С. С. К антропологической модели третьего тысячелетия // Философия науки. – 2002. – Т. 8, № 1. – С. 108–137. – EDN: TWQTIF.
22. Хоружий С. С. Очерки синергийной антропологии: монография. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 407 с. – EDN: QTULBH.
23. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергийной антропологии // Философские науки. – 2008. – № 2. – С. 10–31. – EDN: IJOQWF.
24. Хоружий С. С. Человек: сущее, трояко размыкающее себя // Человек.RU. – 2006. – № 2. – С. 31–56. – EDN: UZOTAB.
25. Хоружий С. С. Что такое synergeia? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 19–36. – EDN: OPLARR.
26. Шюц А. О множественных реальностях // А. Шюц Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 401–455.
27. Ясперс К. Философская вера // К. Ясперс Смысл и назначение истории / Пер. с нем. Левиной М. И. – М.: Политиздат, 1991. – С. 419–508.
28. Smirnov S. A. (2018) Anthropological Practices of Self-Care: Eventfulness of the Concept. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – Vol. 11. – No. 2, pp. 306–324. – <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0182>. – EDN: YQATQN. (In Eng.).

References

1. Augustine, A. (2004) [On True Religion]. *O bessmertii dushi* [A. Augustine. On the Immortality of the Soul]. Moscow: AST, pp. 428–510. (In Russ.).
2. Berger, P., Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium, 323 p. (In Russ, transl. from Engl.).
3. Gabeev, V. V. (2023) [The Religious Meaning of Transcending]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences]. Vol. 4 (220), pp. 6–13. – <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-4-6-13>. (In Russ.).

4. Gehlen, A. (1988) [On the Systematics of Anthropology]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: Sbornik perevodov s angliyskogo, nemetskogo, frantsuzskogo* [The Problem of Man in Western Philosophy: A Collection of Translations from English, German, and French]. Moscow: Progress, pp. 152–251. (In Russ.).
5. Gennep, A. van. (1999) *Obryady perekhoda. Sistematicheskoye izucheniye obryadov* [Rites of Passage. A Systematic Study of Rites]. Moscow: Publishing Company «Eastern Literature» of the Russian Academy of Sciences, 198 p. (In Russ., transl. from French).
6. Gorelov, A. A., Gorelova, T. A. (2021) [Religious Aspects of the Modern Paradigm of Self-Creation]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill]. Vol. 3, pp. 57–73. – <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.3.4>. (In Russ.).
7. Gorelov, A. A., Gorelova, T. A. (2021) [Thesaurus analysis of approaches to man in the concepts of synergetic anthropology and integral spirituality]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of humanitarian knowledge]. Vol. 4, pp. 3–34. – <https://doi.org/10.17805/ggz.2021.4.1>. (In Russ.).
8. Zakharova, E. V. (2011) [Ontological insufficiency of man]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 7 (126), pp. 175–179. (In Russ.).
9. Zakharova, E. V. (2011) [Ontological Insufficiency of Man: A View from the Side of Religion]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Science]. Vol. 1 (21), pp. 121–127. (In Russ.).
10. Zolotukhina-Abolina, E. V. (2024) [Personal Being: Recognition and Justification (on the Issue of Sociocultural Ontology)]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. Vol. 13. No. 2, pp. 36–48. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.2.3>. (In Russ.).
11. Zolotukhina-Abolina, E. V. (2012) [Transpersonal Philosophy of the 20th Century about Man (S. Grof and K. Wilber)]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. Vol. 2, pp. 63–71. (In Russ.).
12. Plessner, H. (2004) *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedeniye v filosofskuyu antropologiyu* [Stages of the Organic and Man: Introduction to Philosophical Anthropology]. Moscow: «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 367 p. (In Russ., transl. from German).
13. Sagatovsky, V. N. (1999) *Filosofiya razvivayushcheyasya garmonii: (Filosofskiy osnovy mirovozzreniya): Avt. kurs: V 3 ch* [Philosophy of Developing Harmony: (Philosophical Foundations of the Worldview): Author's course: In 3 parts]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. University Press. Part 3: Anthropology, 288 p.
14. Sartre, J. P. (2000) *Bytiye i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology]. Moscow: Republic, 638 p. (In Russ., transl. from French).
15. Smirnov, S. A. (2016) *Antropologicheskii navigator. K sobytiynoy ontologii cheloveka: monografiya* [Anthropological Navigator. Toward an Eventful Ontology of Man: A Monograph]. Novosibirsk: Offset-TM, LLC, 438 p.
16. Smirnov, S. A. (2025) *(V)mesto cheloveka: Monografiya* [(In)the Place of Man: A Monograph]. St. Petersburg: Aleteya, 572 p.
17. Foucault, M. (2007) *Germenevtika sub'yekta: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [Hermeneutics of the Subject: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1981–1982 Academic Year]. St. Petersburg: Science, 677 p. (In Russ., transl. from French).
18. Foucault, M. (2004) *Ispol'zovaniye udovol'stviy. Istoriya seksual'nosti* [The Use of Pleasures. History of Sexuality]. St. Petersburg: Acad. Proekt. Vol. 2, 432 p. (In Russ., transl. from French).
19. Heidegger, M. (2003) *Bytiye i vremya* [Being and Time]. Kharkov: Folio, 503 p. (In Russ., transl. from German).
20. Khoruzhy, S. S. (1995) [Analytical Dictionary of Hesychastic Anthropology]. *Sinergiya. Problemy asketiki i mistiki Pravoslaviya: Nauch. sb* [Synergy. Problems of Asceticism and Mysticism of Orthodoxy: Scientific Collection]. Moscow: Di-Dik Publishing House, pp. 42–150. (In Russ.).
21. Khoruzhy, S. S. (2002) [Toward an Anthropological Model of the Third Millennium]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Vol. 8. No. 1, p. 108–137. (In Russ.).
22. Khoruzhy, S. S. (2005) *Ocherki sinergiyonoy antropologii: monografiya* [Essays on Synergetic Anthropology: Monograph]. Moscow: Institute of Philosophy, Theology, and History of St. Thomas, 407 p.
23. Khoruzhy, S. S. (2008) [The Problem of the Posthuman, or Transformative Anthropology through the Eyes of Synergetic Anthropology]. *Filosofskiy nauki* [Philosophical Sciences]. Vol. 2, pp. 10–31. (In Russ.).
24. Khoruzhy, S. S. (2006) [Man: a being that unlocks itself in three ways]. *Chelovek.RU* [Man.RU]. Vol. 2, pp. 31–56. (In Russ.).
25. Khoruzhy, S. S. (2011) [What is synergeia? Synergy as a universal paradigm: leading subject spheres, discursive connections, heuristic resources]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 12, p. 19–36. (In Russ.).

26. Schütz, A. (2004) [On multiple realities]. *A. Shyuts Izbrannoye: Mir, svetyashchiysya smyslom* [A. Schütz Selected Works: A World Glowing with Meaning]. Moscow: ROSSPEN, pp. 401–455. (In Russ., transl. from German).
27. Jaspers, K. (1991) [Philosophical Faith]. *K. Yaspers Smysl i naznachenіye istorii* [K. Jaspers The Meaning and Purpose of History]. Moscow: Politizdat, pp. 419–508. (In Russ., transl. from German).
28. Smirnov, S. A. (2018) Anthropological Practices of Self-Care: Eventfulness of the Concept. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Vol. 11. No. 2, pp. 306–324. – <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0182>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Валерий Васильевич Габеев, кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук, Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия

ORCID iD: 0009-0008-0602-5758, **SPIN-код:** 5505-7217, **AuthorID:** 1050388

e-mail: v.gabeti@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 27.05.2026; принята в печать: 17.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Valery Vasilievich Gabeev, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences, Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia

ORCID iD: 0009-0008-0602-5758, **SPIN-code:** 5505-7217, **AuthorID:** 1050388

e-mail: v.gabeti@mail.ru

The paper was submitted: 27.05.2026.

Accepted for publication: 17.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ЭТИКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕСОИЗМЕРИМОСТИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А. М. Дорожкин¹, С. В. Шибаршина²

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹ e-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

² e-mail: lanashibarshina@yandex.ru

Аннотация. Цель данной статьи – изучение некоторых важных аспектов несоизмеримости в междисциплинарных исследованиях с акцентом на выявление и анализ этико-эпистемологических барьеров, а также процедур их рефлексии и преодоления. Актуальность проведенного исследования обусловлена нарастающей ролью междисциплинарных проектов и связанными с этим трудностями интеграции разнородных эпистемологических подходов. Научная новизна статьи заключается в подробном теоретико-методологическом анализе этико-эпистемологических оснований несоизмеримости, а также в предложении модели их практической диагностики на основе реконструированного кейса взаимодействия инженеров и социологов при разработке городских технологий. Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на механизмы возникновения скрытых конфликтов и неучтенных расхождений в междисциплинарной работе, расширив рамки традиционного эпистемологического подхода. На материале философии науки (Т. Кун, В. Гейзенберг, П. Галисон), социологии научного знания (К. Кнорр-Цетина, Б. Латур), этико-эпистемологических исследований (Н. Туана, Э. Бристер), а также реконструкции эмпирического кейса продемонстрировано, что несоизмеримость между дисциплинами не просто проявляется в различиях научного языка, понятийного аппарата и исследовательских методов, но и глубоко укоренена в несовпадающих ценностях, этических нормах и социальных ролях участников. Особое внимание уделяется критике поверхностного компромисса, возникающего при техническом согласовании терминов и процедур («зоны обмена», «пиджин-язык»), которые зачастую маскируют фундаментальные расхождения в целях, оценках и интерпретации значимости результатов. Анализ смоделированного кейса показал, каким образом технические и социогуманитарные подходы к таким понятиям, как «безопасный сбор данных», «доступный интерфейс», «информированное согласие», и утверждению «учтено мнение жителей» порождают неявные разночтения, оказывающиеся скрытыми в гибридном упрощенном языке. На материале данного кейса раскрывается значимость процедур рефлексии над неявными барьерами для успешной междисциплинарной работы. Показано, что преодоление несоизмеримости требует развития особых практик коллективной рефлексии: совместного обсуждения ценностей, этических установок и целей всех участников проектных коллективов. В заключение обозначены перспективы использования предложенного инструментария для повышения эффективности научного сотрудничества, указаны направления для дальнейших эмпирических исследований по диагностике и преодолению этико-эпистемологических барьеров в междисциплинарной науке.

Ключевые слова: междисциплинарность, несоизмеримость, эпистемическая культура, зона обмена, замкнутая теория, гибридный словарь, этико-эпистемологический барьер, черный ящик, неявные ценности.

Для цитирования: Дорожкин А. М., Шибаршина С. В. Этико-эпистемологические аспекты несоизмеримости в междисциплинарных исследованиях // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 109–118. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-109>.

Original article

ETHICAL AND EPISTEMOLOGICAL ASPECTS OF INCOMMENSURABILITY IN INTERDISCIPLINARY RESEARCH

A. M. Dorozhkin¹, S. V. Shibarshina²

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

¹ e-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

² e-mail: lanashibarshina@yandex.ru

Abstract. This article aims to examine a few important aspects of incommensurability in interdisciplinary research, with an emphasis on identifying and analyzing ethical and epistemological barriers and procedures for reflecting on and overcoming them. The relevance of this study stems from the growing role of interdisciplinary projects and the associated difficulties in integrating diverse epistemological approaches. The scientific novelty of this research lies in its detailed theoretical and methodological analysis of the ethical and epistemological foundations of incommensurability, as well as in the proposal of a model for their practical diagnosis based on a reconstructed case of interaction between engineers and sociologists on the design of urban technologies. The obtained results allow for a new understanding of the mechanisms underlying latent conflicts and unaccounted discrepancies in interdisciplinary work, expanding the scope of the traditional epistemological approach. Drawing on the philosophy of science (T. Kuhn, W. Heisenberg, P. Galison), the sociology of scientific knowledge (K. Knorr-Cetina, B. Latour), ethical and epistemological studies (N. Tuana, E. Brister), and the reconstruction of an empirical case, the authors demonstrate that incommensurability between disciplines not only manifests itself in differences in scientific language, conceptual apparatus, and research methods, but is also deeply rooted in the divergent values, ethical norms, and social roles of the participants. Particular attention is given to the critique of superficial compromises arising from the technical coordination of terms and procedures («trading zones», «pidgin»), which often mask fundamental differences in goals, assessments, and interpretations of the significance of results. By analyzing the simulated case study, the authors have demonstrated how technical and socio-humanitarian approaches to concepts such as «secure data collection», «accessible interface», «informed consent», and the statement «residents' opinions have been taken into account» generate implicit misunderstandings hidden in a simplified, hybrid language. This case study reveals the importance of reflecting on implicit barriers to successful interdisciplinary work. It is shown that overcoming incommensurability requires the development of specific practices of collective reflection: a joint discussion of the values, ethical principles, and goals of all project team members. The conclusion outlines prospects for using the proposed tools to improve the effectiveness of scientific collaboration and points to directions for further empirical research on diagnosing and overcoming ethical and epistemological barriers in interdisciplinary science.

Key words: interdisciplinarity, incommensurability, epistemic culture, trading zone, closed theory, hybrid vocabulary, ethical-epistemological barrier, black box, implicit values.

Cite as: Dorozhkin, A. M., Shibarshina, S. V. (2026) [Ethical and epistemological aspects of incommensurability in interdisciplinary research]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 109–118. — <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-109>.

Введение

Научная проблема рассматриваемого исследования заключается в выявлении и анализе глубинных причин несоизмеримости в междисциплинарных проектах. В последние десятилетия междисциплинарные исследования (МИ) получают статус одного из базовых направлений развития современной науки, что подтверждается как данными отечественных опросов [4], так и общемировыми трендами. Однако внедрение междисциплинарных подходов сталкивается со множеством скрытых и явных препятствий, одним из которых является феномен несоизмеримости, порождающий непонимание, причем не только из-за различий в понятиях и методах, но и вследствие фундаментальных отличий в ценностях, эпистемологических допущениях и этических нормах различных научных культур.

В эпистемологии науки долгое время оставались влиятельными представления Т. Куна о том, что разные научные парадигмы (дисциплинарные матрицы) несоизмеримы в отношении языка, методов, критериев истины и даже восприятия мира. Однако дальнейшие исследования (Б. Латур, К. Кнорр-Цетина, Дж.

Кляйн, П. Галисон, Н. Туана, Э. Бристер и др.) акцентировали значимость социальных и этических аспектов. Кроме того, указанные авторы, а также реальная практика развития науки продемонстрировали не только затруднения в реализации междисциплинарных проектов, но и, в конечном счете, продуктивность МИ. Если бы принципиальная несоизмеримость действительно существовала, то междисциплинарные проекты едва ли преодолевали бы методологические, семантические и прочие барьеры, а представителям разных наук пришлось бы получать второе высшее образование. На практике оказывается, что эти барьеры в той или иной степени преодолеваются с помощью различных стратегий. Это вновь актуализирует вопрос о возможном единстве науки, только не в виде возрождения идеи монолита, построенного на онтологической и эпистемологической редукции, а, скорее, в более гибкой форме совместного поиска решений, в том числе по выявлению и преодолению этико-эпистемологических препятствий. Это обуславливает актуальность нашего исследования.

Исходя из сказанного, целью нашего исследования мы обозначили анализ значимых факторов несо-

измеримости в междисциплинарной работе с акцентом на выявление этико-эпистемологических барьеров, а также процедур их рефлексии и преодоления в междисциплинарных проектах.

Методы

В данной статье используется комплексный подход, сочетающий концептуально-теоретический анализ, критико-аналитический обзор исследований по проблематике несоизмеримости в междисциплинарных исследованиях, а также сравнительный кейс-стади. Рассмотрим это подробнее.

Философский анализ, предлагаемый авторами, включает сопоставление концепций несоизмеримости в трудах Т. Куна, П. Галисона, В. Гейзенберга, а также современных представителей социальных исследований науки (К. Кнорр-Цетины, Б. Латура и др.) с целью выявления основных аспектов несоизмеримости. Кроме того, предпринят критико-аналитический обзор современных теоретических и эмпирических работ для выявления конкретных барьеров междисциплинарной коммуникации. Особое внимание уделялось публикациям по этико-эпистемологическим аспектам междисциплинарности (Н. Туана и Э. Бристер).

В качестве иллюстрации применимости теоретических подходов к анализу современных практик смоделирован кейс взаимодействия инженеров и социологов по дизайну городских технологий, в ходе рассмотрения которого были подвергнуты анализу базовые понятия гипотетического гибридного словаря («безопасный сбор данных», «доступный интерфейс» и др.) и возникающие неявные разногласия. Авторы применили разработанный Н. Туаной и Э. Бристер этико-эпистемологический анализ междисциплинарных барьеров, включающий выявление неявных этических и ценностных допущений, влияющих на формирование исследовательских практик и процедур согласования. Предложена интерпретация ключевых понятий через призму их функционирования в различных дисциплинарных и ценностных контекстах, позволяющая выявить глубинные основания дисциплинарных конфликтов.

В разделе «Обсуждение» концепция Н. Туаны и Э. Бристер и примеры интерпретировались с учетом их вклада в развитие представлений о возможностях и ограничениях преодоления несоизмеримости в междисциплинарной научной практике.

Эпистемологические и этические аспекты несоизмеримости как проблема междисциплинарного взаимодействия

Понимание Т. Куном несоизмеримости подразумевает не только сложность точного семантического

перевода, но и принципиальные различия в видении мира [5]. Несмотря на радикальность данного взгляда, эмпирические исследования действительно фиксируют концептуальные, методологические, интерпретационные отличия между разными научными традициями, названными К. Кнорр-Цетиной «эпистемическими культурами» [15]. Разное понимание одних и тех же понятий, разногласия в критериях истинности, а также различия в интерпретациях исследуемых объектов обуславливают особую сложность процесса междисциплинарной коммуникации.

Рассмотрим основные барьеры подробнее. Использование одних и тех же понятий в разных смыслах приводит к тому, что, к примеру, «модель» для математика будет означать систему уравнений, для биолога – биологический организм для эксперимента, а для социолога – теоретическую концепцию. Различное понимание того, что считать достоверным фактом или доказательством, можно проиллюстрировать следующим примером: если для физика доказательством служит строгий эксперимент и математическая формула, то для антрополога это могут быть качественные полевые исследования и интервью. То, что одна дисциплина считает важным открытием, другая может отвергнуть как «ненаучное» или «несущественное». Различная же интерпретация объектов исследования приводит к тому, что «ученые разных традиций смотрят на мир с разных точек зрения», реально видя разное в одних и тех же феноменах [11, р. 6]. Например, изучая изменение климата, экономист выделит проблему рыночных издержек и стимулов, а биолог – проблему нарушения экосистем и биоразнообразия.

Однако говорить о несоизмеримости как о полной невозможности взаимопонимания в МИ – значит игнорировать примеры успешного взаимодействия представителей разных дисциплин. Нередко речь идет об инструментальном преодолении несоизмеримости, как, например, в концепции зон обмена П. Галисона [1]. Это довольно гибкий подход, который позволяет обходиться без глубокого погружения специалистов в чужую культуру, без глубокой интеграции фундаментальных смыслов. Подход Галисона близок, на наш взгляд, описанию инструментальной междисциплинарности Дж. Кляйн [14], предложенному для объяснения практической необходимости решать конкретную проблему или отвечать на запрос рынка/государства. Здесь важен не теоретический синтез, а эффективность; прагматизм доминирует над теоретическим осмыслением.

Зоны обмена по П. Галисону возникают из необходимости решения конкретной практической задачи, и это «вынужденное согласование» общей деятельности заставляет договариваться представителей

разных культур, которые вырабатывают общий базовый гибридный словарь («пиджин»), понятный всем участникам проекта. Однако это порождает вопросы о том, достаточно ли такая упрощенная коммуникация для формирования нового знания и этично ли создавать универсальный язык через редукцию смысловых полей до общего знаменателя.

Еще раньше П. Галисона В. Гейзенберг предложил свою концепцию «замкнутых теорий» – устойчивых систем научных представлений, методов, экспериментальных практик, которые внутри своей области являются непротиворечивыми и самодостаточными [2, с. 178]. Они образуют своего рода «языковые острова», но не являются принципиально разобщенными. Каждая фундаментальная теория – логически и концептуально замкнутая система, которая имеет собственные основания, набор понятий, законов, методов проверки и не может быть сведена к исходным понятиям другой теории без искажений. Согласно Гейзенбергу, между такими теориями возможно частичное взаимопроникновение смыслов, обусловленное усложнением опыта и развитием экспериментальных техник: например, классическая и квантовая механика не полностью изолированы, а связаны посредством принципа соответствия Н. Бора [2, с. 178–190]. Но полного редукционизма или тотального слияния здесь не происходит.

В отличие от галисоновской концепции зон обмена, которая в большей степени способствует пониманию развития прикладных направлений, идея В. Гейзенберга о связи между «замкнутыми теориями» направлена на объяснение развития фундаментального научного знания. Вместе с тем оба подхода – и Галисона, и Гейзенберга – сосредоточиваются на эпистемологических разночтениях между представителями разных теорий и научных культур, не учитывая сложные социоэтические коллизии. Как показано Н. Туаной и Э. Бристер, критический анализ чисто эпистемологического разрешения проблемы несоизмеримости [7; 20] недостаточен.

Несоизмеримость в МИ во многом коренится не только в разнице понятий, методов, критериев достоверности, но и в различиях этико-социальных оснований дисциплин. Как показала К. Кнорр-Цетина [15], каждая область знания формирует уникальную культуру, где устанавливаются не только самостоятельные критерии достоверности и допустимые методы, но и этические стандарты.

Бруно Латур вводит метафору «черных ящиков» [6], указывая на то, что научный факт есть продукт компромиссов, скрытых переговоров, в том числе на уровне ценностей. В готовом знании происходит своего рода «запирание» споров и компромиссов между

учеными, администраторами, заказчиками, и для «непосвященных» это будет черным ящиком. С помощью данной метафоры возможно показать, на наш взгляд, что эпистемологически значимые вопросы (например, «что мы считаем достоверным знанием») и этически значимые вопросы (например, «что хорошо и что плохо для общества») в действительности оказываются взаимосвязанными.

Н. Туана [20] и Э. Бристер [7] разрабатывают вопрос взаимосвязи этико-эпистемологических барьеров, присутствующих не только в явном несогласии между участниками МИ, но и в неявных допущениях и ценностях, заложенных в саму структуру исследования, его цели, выбранные методы, стандарты, сам контекст сбора данных и их анализа, развитие гипотезы, а также в социальные роли – все это в итоге влияет на принятие решений [20, р. 1964]. Подобные допущения и ценности зачастую не эксплицируются, автоматически воспринимаясь как само собой разумеющиеся. Конфликт между требованиями эффективности (программирование, инженерия) и справедливости (этика, право), между пользой и академической честностью, между научной объективностью и гуманитарными ценностями – далеко не частные случаи.

Подход Н. Туаны и Э. Бристер основан на убеждении в том, что процесс получения знаний никогда не бывает нейтральным: наши моральные ценности напрямую определяют то, что мы решаем изучать, а что – игнорировать. Конфликты возникают, когда участники не осознают, что их «чисто научный» выбор методов или данных на самом деле продиктован скрытыми этическими установками. Барьеры в нашем знании часто возникают там, где социальные ценности или интересы (этика) ограничивают круг вопросов, которые мы считаем достойными научного изучения (эпистемология). Например, решение о том, какой уровень доказательств считать достаточным для признания вреда (например, в экологии), – это не только эпистемологический и технический выбор, но и этический.

Э. Бристер показывает, что за коммуникативной проблемой непонимания могут стоять именно глубинные расхождения в этико-эпистемологических основаниях познавательной деятельности. В МИ ученые сталкиваются с дисциплинарными различиями, касающимися целей их исследовательской деятельности. Принимая решение о том, что изучать и как изучать, ученые применяют оценочные суждения для назначения приоритетов – исследовательских вопросов, которые полагаются интересными и стоящими рассмотрения, в то время как другие потенциальные вопросы будут игнорироваться. Оценочные суждения также влияют на дизайн исследования [7, р. 13–22].

Таким образом, неявные этико-эпистемологические допущения и ценности влияют на то, как понимается объект исследования, как определяются понятия, какие данные являются релевантными, как интерпретируются данные, какой объем и тип доказательств необходим для обоснования утверждения. Особую значимость приобретают также следующие вопросы: насколько осознаются эти барьеры участниками МИ? Каким образом их идентификация может способствовать интеграции или, напротив, усилению фрагментации научного знания? Необходимость рефлексии по поводу неявных предпосылок и ценностей, ответов на вопрос «что считать значимым знанием, методом, целью», в каждой дисциплине должна стать важной составляющей междисциплинарной коммуникации.

Если суммировать рассмотренные выше представления, возможно говорить о том, что в каждой науке формируются свои «черные ящики», запирающие некогда эксплицитные эпистемологические и этико-социальные допущения, которые впоследствии становятся неочевидными. В междисциплинарных проектах такие неявные компоненты становятся невидимыми зонами конфликта. Попробуем посмотреть, насколько применим анализ этико-эпистемологических барьеров на конкретных примерах.

Гипотетический кейс сотрудничества инженеров и социологов в урбанистике

Попробуем осуществить гипотетическую реконструкцию условной галисоновской зоны обмена между инженерами и социологами по дизайну городских технологий. Хотя галисоновские зоны обмена часто представляются как инструментальный и реально работающий путь преодоления несоизмеримости, на практике создание метаязыка или пиджина может сопровождаться отсеиванием этически значимых нюансов. Это может привести к тому, что вынужденно достигнутое согласие в виде технического гибридного языка и технических процедур будет скрывать, «запирать» сложные экзистенциально и социально значимые различия, которые в таком случае не артикулируются. Анализ различных работ по урбанистике позволяет утверждать, что в совместных исследованиях инженеров и социологов по городским технологиям упрощенный язык порой не позволяет учесть этические нюансы изучения поведения пользователей, что может привести к будущим конфликтам. Рассмотрим это подробнее.

(а) Понятие «безопасный сбор данных», разные интерпретации которого связаны со ставшим классическим конфликтом между технократическим и социально-гуманитарным подходом. Для инженеров сбор данных о поведении горожан представляет собой

способ повышения эффективности транспортных или сервисных решений, и, говоря о безопасности, они, скорее всего, будут подразумевать техническую анонимизацию, деперсонализацию данных. Однако без учета социогуманитарного измерения вопроса безопасности данных технический подход превращается в технократический, не учитывающий восприятие, поведение и социально-экзистенциальные потребности горожан. В частности, А. Гринфилд подробно разбирает, как корпоративные и сугубо инженерные IT-модели («панели управления городом») игнорируют реальное социальное поведение жителей, сводя сложную городскую жизнь к простым абстрактным оптимизациям [10]. В результате часть горожан может отказаться пользоваться технологиями или начать им противостоять, считая слежку вторжением в личную жизнь. Даже если инженеры утверждают, что автоматизированный сбор данных о поведении граждан анонимизирован и направлен во благо, он воспринимается людьми как экзистенциальная угроза, вызывающая в ответ страх и отчуждение [3]. Люди протестуют против сбора данных не из-за нарушения анонимности, а потому, что нарушается этический контекст: информация, собранная для одной цели, начинает использоваться в других, противоречащих ожиданиям, контекстах [18]. В гибридном понятии «безопасный сбор данных» таким образом «запирается» вопрос о том, насколько сам принцип отслеживания этически допустим.

(б) Понятие «доступный интерфейс». В населенных пунктах группы жителей отличаются по доходам, мобильности, доступу к технологиям, языку, физическим возможностям, в то время как новые системы чаще проектируются для так называемого «среднего пользователя». Для инженеров этот усредненный портрет пользователя и макроанализ данных могут оказаться более чем достаточными, и призывы социологов к инклюзии уязвимых групп могут быть не учтены в «пиджине». Социологи критикуют подход, при котором интерфейсы создаются под воображаемого «среднего человека», что автоматически дискриминирует и исключает маргинализированные, бедные или маломобильные группы [9]. В процессе разработки технологических систем (на этапе согласования технического задания) сложный социальный контекст может подменяться техническими метриками и макроанализом данных. Требование «доступности» в задании не должно сводиться к техническим стандартам типа размера шрифта и контрастности, но должно подразумевать несколько факторов, в том числе уровень цифровой грамотности, доходы, мотивацию потенциальных пользователей и т.д. [16, p. 3360–3361]. Таким образом, в гибридном словаре

фиксируется «доступный интерфейс», но при этом не обсуждается, насколько реально новая система решает проблемы уязвимых групп.

(в) Понятие «информированное согласие». Для внедрения городской технологии, которая выносилась на общественное обсуждение, важно, чтобы жители понимали, на что соглашаются, как будут использоваться их данные или каким образом новый сервис повлияет на приватность их данных. Информированное согласие не должно пониматься формально, будучи сводимым к автоматическому клику. В техническом языке согласие пользователя часто интерпретируется как автоматическое, когда пользователь нажал на «согласен». В результате согласие фиксируется алгоритмом автоматически, лишая людей реального выбора и понимания долгосрочных последствий для их повседневной жизни [17, р. 341–342]. В нашей гипотетической зоне обмена в протоколах фиксируется положение о том, что «обеспечено пользовательское согласие», но при этом игнорируются вопросы о том, действительно ли пользователь, соглашаясь на использование технологии, в полной мере понимал последствия и были ли ему предложены альтернативы.

(г) Утверждение «учтено мнение жителей» связано с вовлеченностью и представительством пользователей. Дело в том, что важно не просто учитывать мнение жителей, но включать их в процессы планирования, что требует специальных процедур, понимаемых по-разному техническими специалистами и социологами. Нередко вовлечение граждан рассматривается как инструмент получения обратной связи при решении практических проблем – например, в создании приложения, оценке плана развития или выполнении определенных ролей/обязанностей. При этом граждане редко допускаются до обсуждения и, тем более, оспаривания фундаментальных предпосылок проектирования и управления городом, лежащих в основе проблемы или плана. «Умные» граждане воспринимаются как потребители или «тестирующие» цифровых услуг и продуктов, источники данных, обеспечивающие функционирование городских платформ [16, р. 3359]; те, кого нужно контролировать и подталкивать к определенным действиям, ожидая в ответ определенное приемлемое поведение [8, р. 10]. Таким образом, в нашей гипотетической зоне обмена в общем словаре будет формально зафиксировано, что «мнение жителей учтено», однако какие группы и как учитывались, какая проводилась рефлексия по процедурам – это окажется частью «черного ящика».

Обсуждение

Рассмотренные в статье подходы к проблеме несоизмеримости в МИ демонстрируют, что несоизме-

римость не абсолютна. На практике, как это было отмечено еще Х. Новотны и ее соавторами [19], новые формы производства знания формируются именно на стыке дисциплин, где различия вынуждают к созданию новых гибридных языков и процедур согласования, и знание становится более контекстуальным и комплексным. Постоянные согласования и контекстуализация необходимы в том числе для того, чтобы адаптивность в МИ не достигалась исключительно через редукцию сложных смыслов.

Как показал анализ гипотетической реконструкции взаимодействия инженеров и социологов, упрощенная коммуникация в галисоновских зонах обмена может оказаться эффективной для быстрого достижения формального компромисса, но не всегда способна учитывать сложные этические нюансы в дизайне и управлении городскими технологиями. Согласование терминов и процедур не устраняет глубинные расхождения и может даже «запирать» их, что в перспективе становится источником этико-эпистемологических конфликтов. Ситуационные компромиссы нуждаются в выявлении этико-эпистемологических различий, что позволяет вести аргументированный диалог о ценностях, мотивах, допущениях, целях каждой дисциплинарной культуры, а не ограничиваться поверхностным согласием, при котором разногласия остаются неявными и позже приводят к кризисам или разрыву сотрудничества. По Н. Туане и Э. Бристер, решение дилеммы возможно через организацию постоянных процессов рефлексии, открытого обсуждения этико-эпистемологических оснований, того, что, в терминах Б. Латура, скрыто в «чёрных ящиках» научных практик.

Когда участники МИ становятся способными отразить собственные и чужие дисциплинарные неявные допущения, ценности, ожидания, представления о факте, истине, сущности данных и т.д., это становится основой для разработки новых подходов. Такие практики, как коллективное обсуждение ценностей («value elicitation» – процесс выявления, прояснения и согласования ценностей, приоритетов и этических установок участников проекта), совместные семинары, рабочие группы (например, по этике в проектах по биоинформатике, урбанистике или поведенческой экономике), способствуют более глубокому согласованию интерпретаций. В частности, в биоинформатике осознание этических последствий автоматизированного анализа больших данных (приватность, биобанки, генетическая дискриминация) требовало постоянных обсуждений не только статистических инструментов, но и этических стандартов, что отражено в коллективных документах по стандартам работы с данными. В урбанистике методы коллек-

тивного выявления и согласования ценностей используются для согласования разных интересов и ожиданий участников городских проектов, что описано, к примеру, в исследовании Л. Хенслер и ее соавторов [12]. Р. Херцогом и его соавторами предложен анализ процедур выявления конфликтующих ценностей при принятии решений о городской инфраструктуре [13].

Кроме того, хотелось бы отметить, что упрощенные гибридные языки и зоны обмена могут эволюционировать со временем до состояния более глубокого понимания и согласования разных перспектив и даже концептуального синтеза. Биоинформатика и урбанистика являются показательными примерами. По сути, обе прошли путь от гибридных форматов совместной работы по решению практических задач (секвенирование генома, организация доступного транспорта и пр.) до самостоятельных областей с развитым понятийным аппаратом, устоявшейся эпистемологией, научно-исследовательскими сообществами, образовательными программами и т.д. Это возвращает нас к приведенному ранее сравнению между инструментальным характером зон обмена П. Галисона и концептуальной самодостаточностью замкнутых теорий В. Гейзенберга. Когда необходимо нечто большее, чем временное прагматическое согласование перспектив, нужно выйти за пределы концептуально-понятийной замкнутости, а анализ этико-эпистемологических барьеров может оказаться важным инструментом выстраивания междисциплинарного взаимопонимания.

Вместе с тем у рассмотренного нами подхода есть свои ограничения. Он хорошо подходит для областей, где научно-технические проблемы имеют явную общественную значимость (изменение климата, городские исследования, медицина, биотехнологии, цифровые технологии и т.п.). Но его сложнее применять там, где ценностные составляющие менее очевидны, например в квантовой информатике. Здесь, по всей видимости, больший акцент будет на эпистемологической составляющей, нежели на этической. Если в климатологии или медицине ценностный конфликт явно выражен, поскольку основан на внешних, общественных ценностях (например, «сохранить рабочие места или спасти экосистему?», «кто должен первым получить дефицитное лекарство?»), то в квантовой информатике он не эксплицитен. Но тем не менее ценностный конфликт здесь присутствует, как и в любой сфере, связанной с проблемой сбора, обработки, хранения и защиты данных.

Заключение

Несоизмеримость, таким образом, остается одним из важнейших вопросов в философских исследованиях МИ, но не является непреодолимым барьером.

Критико-аналитическое изучение работ по междисциплинарности показывает, что несоизмеримость по Т. Куну, хотя и остается актуальной для обсуждения принципиальных границ между парадигмами и дисциплинарными матрицами, на практике оказывается недостаточной и даже не всегда адекватной для описания реальных вызовов и решений, с которыми сталкиваются междисциплинарные коллективы. Существуют разные подходы к трактовке и решению данного вопроса, среди которых мы особенно выделили работы Н. Туаны и Э. Бристер по выявлению, прояснению и интерпретации этико-эпистемологических барьеров. Последние оказываются значимыми для понимания успешных и неудачных моделей взаимодействия между научными культурами.

Таким образом, одним из центральных результатов данной работы является выявление и описание роли этико-эпистемологических барьеров, которые чаще всего формируются неявно – через сложившиеся профессиональные стандарты, представления о допустимых методах, через устоявшиеся нормы этики и критерии истинности различных научных сообществ. Демонстрируется, что эти барьеры не только препятствуют коммуникации между участниками междисциплинарных проектов, но и влияют на сам выбор проблем, стратегий исследования и интерпретацию результатов.

При этом основной научный вклад исследования заключается в том, что произведен анализ гипотетического кейса взаимодействия между представителями разных областей, включающий выявление и интерпретацию этико-эпистемологических различий. Кроме того, в разделе «Обсуждение» представлены способы преодоления данных различий. В числе последних ключевое место занимают процедуры коллективной рефлексии по выявлению и согласованию ценностей, профессиональные этические рабочие группы, семинары и практики документирования неявных предпосылок совместной работы. Такие механизмы не сводятся к минимальному согласованию базовых понятий, а позволяют работать с фундаментальными основаниями конфликтов на уровне целей, способов оценки научного результата, критериев участия и представительства. Показано, что в современных междисциплинарных областях, таких как биоинформатика и урбанистика, подобные практики способствуют переходу от временного поверхностного компромисса к устойчивым практикам взаимодействия, где вырабатывается единая (но не монолитная) культурная и понятийная база.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения описанных механизмов этико-эпистемологической рефлексии в реальных про-

ектах – прежде всего там, где различия в аксиологических основаниях приводят к скрытым конфликтам и подрывают доверие между участниками. Вовлечение заинтересованных сторон на ранних этапах проектирования, введение совместных обсуждений ценностей, публичное документирование ключевых решений и процедур не только минимизируют риски поверхностного согласия, но и значительно повышают качество и устойчивость итоговых решений.

Для дальнейших исследований перспективным представляется разработка более формализованных методик диагностики и картирования этико-эпистемологических барьеров, а также институциональное закрепление процедур коллективной рефлексии в крупных междисциплинарных инициативах (от образова-

ния до технологических проектов). Дальнейшее накопление эмпирического материала может уточнить рекомендации по структурированию таких процедур, их роли в управлении инновациями и формировании стандартов оценки научного результата.

В целом результаты настоящей работы не только способствуют более глубокому теоретическому осмыслению природы несоизмеримости в МИ, но и включают конкретный инструментарий для практического повышения эффективности и согласования междисциплинарной работы. Таким образом, движение от формального согласия к развитию продуктивного диалога и, возможно, даже культуре осмысленного несогласия становится краеугольным камнем развития междисциплинарной науки в XXI веке.

Литература

1. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий (пер. с англ.) // Вопросы истории естествознания и техники. – 2004. – № 1. – С. 64–91.
2. Гейзенберг В. Шаги за горизонт / пер. с нем. А. В. Ахутина. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.
3. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. – 784 с.
4. Китова Г. А. Будущее науки: междисциплинарность. – М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1013764486.html> (дата обращения: 04.03.2026).
5. Кун Т. Структура научных революций: монография / пер. с англ. И. Э. Налетова. – М.: Прогресс, 1975. – 287 с. – EDN: TJNGXT.
6. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2013. – 414 с.
7. Brister E. (2016) Disciplinary capture and epistemological obstacles to interdisciplinary research: Lessons from Central African Conservation disputes. *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. – Vol. 56, pp. 82–91. – <https://doi.org/10.1016/j.shpsc.2015.11.001>. (In Eng.).
8. Cardullo P., Kitchin R. (2019) Being a ‘citizen’ in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation in Dublin, Ireland. *GeoJournal*. – Vol. 84. – No. 1, pp. 1–13. – <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9845-8>. – EDN: GLDOFS. (In Eng.).
9. Costanza-Chock S. (2020) Design Justice: Community-Led Practices to Build the Worlds We Need. – Cambridge, MA: MIT Press. – 360 p. – <https://doi.org/10.7551/mitpress/12255.001.0001>. (In Eng.).
10. Greenfield A. (2013) Against the Smart City: The City Is Here for You to Use. – London: Verso. – 147 p. (In Eng.).
11. Harel Y. (2026) Productivity of interdisciplinary research as a challenge to Kuhn’s account of incommensurability. *Synthese*. – Vol. 207. – No. 5, pp. 1–24. – <https://doi.org/10.1007/s11229-026-05593-y>. – EDN: MSJGLY. (In Eng.).
12. Hensler L., Merçon J., Vilsmaier U. (2021) Diverse values and a common utopia. *Case Studies in the Environment*. – Vol. 5. – No. 1. Art. No. 1234747, pp. 1–19. – <https://doi.org/10.1525/cse.2021.1234747>. – EDN: VEPNZG. (In Eng.).
13. Herzog R. H., et al. (2024) Cities for citizens! Public value spheres for understanding conflicts in urban planning. *Urban Studies*. – Vol. 61. – No. 7, pp. 1327–1344. – <https://doi.org/10.1177/00420980231207475>. – EDN: YWPQAI. (In Eng.).
14. Klein J. T. (1990) Interdisciplinarity: History, Theory, and Practice. – Detroit, MI: Wayne State University Press. – 331 p. (In Eng.).
15. Knorr-Cetina K. (1999) Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. – Cambridge, London: Harvard University Press. – 352 p. – <https://doi.org/10.4159/9780674039681>. (In Eng.).
16. Kolotouchkina O., Ripoll González L., Belabas W. (2024) Smart cities, digital inequalities, and the challenge of inclusion. *Smart Cities*. – Vol. 7. – No. 6, pp. 3355–3370. – <https://doi.org/10.3390/smartcities7060130>. – EDN: ICQELR. (In Eng.).

17. Mamadiyarov Z., et al. (2025) The ethics of data collection and usage in smart city infrastructure // Navigating Cybersecurity and Privacy in the Evolution of Smart Urban Ecosystems / Ed. by A.M. Alhakimi, S.N. Saud Al-Humairi, S. Rubab. – London: Igi Global Scientific Publishing. – Pp. 337–369. – <https://doi.org/10.4018/979-8-3373-4455-3.ch012>. (In Eng.).
18. Nissenbaum H. (2010) Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life. – Stanford University Press. – 304 p. – <https://doi.org/10.1515/9780804772891>. (In Eng.).
19. Nowotny H., Scott P., Gibbons M. (2001) Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. – Cambridge: Polity Press. – 288 p. (In Eng.).
20. Tuana N. (2013) Embedding philosophers in the practices of science: bringing Humanities to the Sciences. *Synthese*. – Vol. 190. – No. 11, pp. 1955–1973. – <https://doi.org/10.1007/s11229-012-0171-2>. – EDN: DRLDTB. (In Eng.).

References

1. Galison, P. (2004) [Trading zone: coordinating action and belief]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in History of Science and Technology]. Vol. 1, pp. 64–91. (In Russ.).
2. Heisenberg, W. (1987) *Shagi za gorizont* [Steps beyond the Horizon]. Moscow: Progress Publ., 368 p. (In Russ., transl. from German).
3. Zuboff, Sh. (2022) *Epoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]. Moscow: Gaidar's Institute Publ., 784 p. (In Russ., transl. from Engl.).
4. Kitova, G. A. (2025) *Budushchee nauki: mezhdisciplinarnost* [The Future of Science: Interdisciplinarity]. Moscow: Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge Higher School of Economics Publ. Available at: <https://issek.hse.ru/news/1013764486.html> (accessed: 04.03.2026) (In Russ.).
5. Kuhn, T. (1975) *Struktura nauchnykh revolyuciy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Progress Publ., 287 p. (In Russ., transl. from Engl.).
6. Latour, B. (2013) *Nauka v dejstvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action. How to follow scientists and engineers through society]. Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg Publ., 414 p. (In Russ., transl. from Engl.).
7. Brister, E. (2016) Disciplinary capture and epistemological obstacles to interdisciplinary research: Lessons from Central African Conservation disputes. *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. Vol. 56, pp. 82–91. – <https://doi.org/10.1016/j.shpsc.2015.11.001>. (In Eng.).
8. Cardullo, P., Kitchin, R. (2019) Being a 'citizen' in the smart city: up and down the scaffold of smart citizen participation in Dublin, Ireland. *GeoJournal*. Vol. 84. No. 1, pp. 1–13. – <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9845-8>. (In Eng.).
9. Costanza-Chock, S. (2020) Design Justice: Community-Led Practices to Build the Worlds We Need. *Cambridge, MA: MIT Press*, 360 p. – <https://doi.org/10.7551/mitpress/12255.001.0001> (In Eng.).
10. Greenfield, A. (2013) Against the Smart City: The City Is Here for You to Use. *London: Verso*, 147 p. (In Eng.).
11. Harel, Y. (2026) Productivity of interdisciplinary research as a challenge to Kuhn's account of incommensurability. *Synthese*. Vol. 207. No. 5, pp. 1–24. – <https://doi.org/10.1007/s11229-026-05593-y>. (In Eng.).
12. Hensler, L., Merçon, J., Vilsmaier, U. (2021) Diverse values and a common utopia: insights from a participatory art-based plural valuation experience in Xalapa, Mexico. *Case Studies in the Environment*. Vol. 5. No. 1. Art. No. 1234747, pp. 1–19. – <https://doi.org/10.1525/cse.2021.1234747>. (In Eng.).
13. Herzog, R. H., et al. (2024) Cities for citizens! Public value spheres for understanding conflicts in urban planning. *Urban Studies*. Vol. 61. No. 7, pp. 1327–1344. – <https://doi.org/10.1177/00420980231207475>. (In Eng.).
14. Klein, J. T. (1990) Interdisciplinarity: History, Theory, and Practice. *Detroit, MI: Wayne State University Press*, 331 p. (In Eng.).
15. Knorr-Cetina, K. (1999) Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, London: *Harvard University Press*, 352 p. – <https://doi.org/10.4159/9780674039681>. (In Eng.).
16. Kolotouchkina, O., Ripoll González, L., Belabas, W. (2024) Smart cities, digital inequalities, and the challenge of inclusion. *Smart Cities*. Vol. 7. No. 6, pp. 3355–3370. – <https://doi.org/10.3390/smartcities7060130>. (In Eng.).
17. Mamadiyarov, Z., et al. (2025) The ethics of data collection and usage in smart city infrastructure. Navigating Cybersecurity and Privacy in the Evolution of Smart Urban Ecosystems / Ed. by A.M. Alhakimi, S.N. Saud Al-Humairi, S. Rubab. *London: Igi Global Scientific Publishing*, pp. 337–369. – <https://doi.org/10.4018/979-8-3373-4455-3.ch012>. (In Eng.).

18. Nissenbaum, H. (2010) Privacy in Context: Technology, Policy, and the Integrity of Social Life. *Stanford University Press*, 304 p. – <https://doi.org/10.1515/9780804772891>. (In Eng.).

19. Nowotny, H., Scott, P., Gibbons, M. (2001) Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. *Cambridge: Polity Press*, 288 p. (In Eng.).

20. Tuana, N. (2013) Embedding philosophers in the practices of science: bringing Humanities to the Sciences. *Synthese*. Vol. 190. No. 11, pp. 1955–1973. – <https://doi.org/10.1007/s11229-012-0171-2>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Александр Михайлович Дорожкин, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Национальный исследовательский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

ORCID iD: 0000-0003-2954-1647, **SPIN-код:** 4960-6177, **AuthorID:** 313987

e-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

Светлана Викторовна Шибаршина, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Национальный исследовательский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

ORCID iD: 0000-0002-6741-8909, **SPIN-код:** 3835-0865, **AuthorID:** 661103

e-mail: lanashibarshina@yandex.ru

Вклад соавторов:

В равных долях, авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 01.07.2026; принята в печать: 17.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Alexander Mikhailovich Dorozhkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID iD: 0000-0003-2954-1647, **SPIN-code:** 4960-6177, **AuthorID:** 313987

e-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

Svetlana Viktorovna Shibarshina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor in the Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID iD: 0000-0002-6741-8909, **SPIN-code:** 3835-0865, **AuthorID:** 661103

e-mail: lanashibarshina@yandex.ru

Contribution of the authors:

Equally, the authors declare no conflicts of interest.

The paper was submitted: 01.07.2026.

Accepted for publication: 17.07.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 123.1; 141.319.8

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-119>

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВОЛИ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: А. ШОПЕНГАУЭР И А. БЕРГСОН

Б. Л. Недяк¹, И. И. Евлампиев²

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ e-mail: bogdan.nediak@yandex.ru

² e-mail: yevlampiev@mail.ru

Аннотация. Проблема свободы воли на протяжении всей истории философии оставалась одной из наиболее сложных и дискуссионных. В классической традиции свобода чаще всего редуцировалась либо к внешней возможности совершения желаемого действия, либо к осознанной необходимости, так или иначе подчинённой принципу детерминизма. В неклассической философии XIX–XX веков происходит радикальный пересмотр этих представлений. Целью настоящего исследования является раскрытие эволюции понимания свободы воли в неклассической философии посредством сравнительного анализа концепций А. Шопенгауэра и А. Бергсона. Работа показывает, как детерминизм Шопенгауэра, отрицающий свободу в эмпирических поступках и актах воли, переходит в онтологическое обоснование свободы как фундаментального свойства самой личности. Методологической основой исследования выступают историко-философская реконструкция и сравнительный анализ ключевых текстов мыслителей. Авторы последовательно прослеживают, как Шопенгауэр, развивая кантовское различие феноменального и noumenального, переносит свободу в довременный метафизический акт самоопределения единой Мировой Воли, в результате которого формируется неизменный эмпирический характер человека. Свобода, согласно Шопенгауэру, принадлежит не действиям и даже не отдельным хотениям, а сущности самой личности. Особое внимание уделяется творческому развитию этой идеи у А. Бергсона. Вводя центральное понятие длительности (*la durée*) как подлинной реальности и Абсолюта, в котором укоренено сознание, Бергсон превращает свободу в постоянно актуализируемую творческую спонтанность глубинного «Я». В отличие от Шопенгауэра, свобода у Бергсона предстаёт не как однократный акт выбора индивида, а как непрерывная возможность возвращения к целостности собственного «Я» в живом потоке длительности, которая и является самой свободой. Подлинно свободный акт – это действие, вырастающее из всей полноты личности и несущее в себе качество абсолютной непредсказуемости и творческой новизны. Научная новизна исследования заключается в целостном сопоставлении шопенгауэровской и бергсоновской концепций как двух ключевых этапов становления неклассической парадигмы свободы.

Ключевые слова: свобода воли, детерминизм, Шопенгауэр, Бергсон, эмпирический характер, творческая спонтанность сознания.

Для цитирования: Недяк Б. Л., Евлампиев И. И. Проблема свободы воли в неклассической философии: А. Шопенгауэр и А. Бергсон // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 119–129. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-119>.

Original article

THE PROBLEM OF FREE WILL IN NON-CLASSICAL PHILOSOPHY: A. SCHOPENHAUER AND H. BERGSON

B. L. Nediak¹, I. I. Evlampiev²

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

¹ e-mail: bogdan.nediak@yandex.ru

² e-mail: yevlampiev@mail.ru

Abstract. The problem of free will has remained one of the most complex and controversial throughout the history of philosophy. In the classical tradition, freedom was most often reduced either to the external possibility of performing

a desired action or to a conscious necessity, one way or another subordinated to the principle of determinism. In the non-classical philosophy of the 19th and 20th centuries, a radical revision of these ideas took place. The aim of this study is to reveal the evolution of the understanding of free will in non-classical philosophy through a comparative analysis of the concepts of A. Schopenhauer and H. Bergson. The work shows how Schopenhauer's determinism, which denies freedom in empirical actions and acts of will, develops into an ontological justification of freedom as a fundamental property of the individual. The methodological basis of the study is a historical and philosophical reconstruction and comparative analysis of key texts of these thinkers. The authors consistently traces how Schopenhauer, transfers freedom to the pre-temporal metaphysical act of self-determination of the single World Will, which results in the formation of the unchanging empirical character of man. Freedom, according to Schopenhauer, belongs not to actions or even to individual desires, but to the essence of the individual itself. Particular attention is paid to the creative development of this idea in Henri Bergson. By introducing the central concept of duration (la durée) as the true reality and the Absolute in which consciousness is rooted, Bergson transforms freedom into the constantly actualized creative spontaneity of the deep «I». Unlike Schopenhauer, Bergson's freedom is presented not as a single act of individual choice, but as the continuous possibility of returning to the integrity of one's self in the living flow of duration. The scientific novelty of this study lies in its comprehensive comparison of Schopenhauer's and Bergson's concepts as two key stages in the development of the non-classical paradigm of freedom.

Key words: free will, determinism, Schopenhauer, Bergson, empirical character, creative spontaneity of consciousness.

Cite as: Nediak, B. L., Evlampiev, I. I. (2026) [The problem of free will in non-classical philosophy: A. Schopenhauer and H. Bergson]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 119–129. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-119>.

Введение

Определение сущности свободы всегда было одной из главных задач философии. Уже в античности было осознано различие двух разных подходов к определению свободы. Во-первых, свободу можно понимать как возможность выполнить в мире действие, которое человек хочет выполнить. Так понятая свобода является чисто внешней характеристикой, ничего не говорящей о сущности самого человека; она характеризует его природное и социальное окружение, которое может как способствовать реализации действия, так и противиться ему. Тем не менее, именно такое определение свободы стало основным в философии эпохи Просвещения, и на его основе возникла утопическая модель «государства свободы», либерального государства, ставшая главной темой всей последующей европейской политической философии.

Более сложной и содержательной является проблема рождения в сознании (в воле) того или иного намерения, которое затем реализуется во внешнем действии. Человек на развилке дорог решил пойти по правой дороге и потом реализовал это свое намерение. Тот факт, что ему никто не помешал пойти по правой дороге, свидетельствует о том, что он свободен в первом смысле, в смысле внешней свободы. Но обладает ли он внутренней свободой: мог ли он в тот момент, когда решил идти по правой дороге, внезапно передумать и принять решение идти по левой дороге?

Таким образом, в понятии свободы нужно различать два аспекта: собственно *свободой* нужно называть возможность для человека реализовать в ма-

териальном мире выбранный способ деятельности, а *свободой воли* – возможность немотивированного, ничем не обусловленного выбора того или иного способа действия в сознании. Далее мы под *проблемой свободы* во всех случаях будем понимать именно вторую проблему, полагая, что первая в своем решении выводится из второй через совмещение ее решения с какой-то концепцией природы – детерминистской или индетерминистской.

Классические подходы к проблеме свободы воли

Демокрит и материализм Просвещения отвечали на вопрос о свободе воли отрицательно: поскольку все в мире есть совокупность атомов, а атомы двигаются только по однозначным и строго предопределенным траекториям, в мире невозможно произвольное действие, не определенное причинным образом из предшествующего состояния мира. Человек может думать, что он немотивированно, произвольно выбрал правую дорогу, но в реальности он просто не знает тех причин, которые с неизбежностью привели его к этому решению, и оно не могло быть иным. Впрочем, уже в античности появилось и альтернативное мнение, Эпикур дает на этот же вопрос положительный ответ: он предположил возможность спонтанного, не имеющего причины отклонения атомов от предопределенной траектории, тем самым он обосновывал возможность произвола в наших намерениях, а значит, и в действиях.

В христианскую эпоху проблема свободы воли,

т.е. проблема выбора нашей волей различных намерений, приобретает совершенно другой смысл. Это связано с тем, что подлинная свобода приписывается только Богу как особой инстанции, влияющей на нас и одновременно трансцендентной по отношению к миру, в котором мы совершаем действия. Августин отвергает идею произвола как основания нашей свободы. Намерение нашей воли тогда свободно, когда оно вызвано внутренними мотивами, происходящими из сущности разумного существа, а не внешними причинами, происходящими из мира. Это решение проблемы свободы можно было бы признать ничего не дающим – ведь разница между внешней и внутренней причинностью не кажется очень существенной – если бы Августин не добавлял к этому тезису утверждение, что в конечном счете наша глубинная сущность – это сам Бог, трансцендентный по отношению к миру и к нашей эмпирической личности, поэтому внутренняя «причинность» оказывается совсем не похожей на внешнюю, механистическую и необходимую причинность. Внутренняя «причинность» – это *благодать*, которая не может быть необходимой и закономерной и которая вполне можно было бы понять как «произвол» в его божественном выражении. Тем не менее Августин не пошел по этому последнему пути, основанием нашей воли у него оказалось действие морального закона, происходящего из Бога, а не божественный «произвол» благодати.

Окончательная формулировка августиновской концепции свободы была дана Декартом (затем повторена в несколько измененной форме Спинозой), который само божественное, духовное бытие, к которому принадлежит наше сознание и наша воля, признал субстанцией, полностью подобной материальной субстанции. Это привело к редукции свободы воли к внутренней причинности, столь же закономерной и необходимой, как и внешняя причинность. В результате свобода воли уже у Декарта предстает как «осознанная необходимость», т.е. решения нашей воли были признаны столь же обусловленными внутренней причинностью, действующей в духовной субстанции, как наши действия в материальном мире обусловлены физической причинностью.

Тем не менее указанный выше вариант обоснования нашей свободы через божественный «произвол», который не реализовал Августин, понимая, что он приведет его к явно еретической концепции, оставался возможным и вполне перспективным. Он появляется

в философии И. Канта, хотя и здесь не был осуществлен в полной мере. Противопоставляя феноменальное и ноуменальное измерения человеческого бытия и полагая первое полностью подчиненным мировой закономерности, Кант признает человека в его ноуменальном измерении непосредственно связанным с Богом и поэтому обладающим той же абсолютной свободой, что и Бог. Однако, пытаясь уточнить, как устроена эта свобода, Кант сводит ее, как и Августин, к свободному подчинению моральному закону, категорическому императиву [6, с. 24–25]. Впрочем, новая идея здесь состоит в том, что указанный моральный закон ничего общего не имеет с мировой, природной закономерностью, более того, его веления явно противоречат этой закономерности, в разительном отличии от точки зрения Декарта, который не видел принципиального различия (по способу действия) между законами материальной и духовной субстанций. По Канту, осознавая в себе принудительность морального закона, требующего действия вопреки эмпирическим склонностям, мы познаем свою свободу, которая есть определение нашей ноуменальной сущности, расположенной в трансцендентной сфере. Парадокс такого понимания свободы заключается в том, что, согласно Канту, все действия человека в эмпирическом мире причинно обусловлены и, следовательно, необходимо вытекают из предшествующей ситуации; возникает естественный вопрос, каким же образом человек может действовать не по эмпирической склонности, а в соответствии с моральным долгом, который не является фактором, входящим в совокупность условий эмпирической реальности. Как долг может стать эмпирической причиной поступка?

Проблема свободы в философии А. Шопенгауэра

У Канта можно найти только отдаленные намеки на то, каким образом он видел решение этой проблемы, однако в данном случае уместно обратиться к неклассической философии, и, более точно, к ее родоначальнику А. Шопенгауэру¹, который правильно уловил тенденцию, заданную Кантом, и развил ее в целостную и последовательную концепцию. Вслед за Кантом Шопенгауэр решительно утверждает, что все наши поступки в физической реальности причинно обусловлены и приписывать качество свободы именно *поступкам* нелепо с философской точки зрения, хотя обычные люди и считают свои действия

¹ Мы придерживаемся принятого во многих современных курсах истории философии деления европейской философской традиции нового и новейшего времени на две эпохи – классическую (от Ф. Бэкона и Р. Декарта до Гегеля), и неклассическую (от А. Шопенгауэра до мыслителей первой трети XX века); последняя отмечена, прежде всего, резкой критикой основных принципов новоевропейского рационализма.

«свободными». Если бы мы могли проникнуть вглубь сознания, на уровень самой воли, то и там, согласно Шопенгауэру, мы не нашли бы свободы, поскольку хотения нашей воли столь же причинно обусловлены, как и наши материальные действия. Иллюзия свободы возникает только от скрытости и тонкости многообразных *психологических мотивов*, которые действуют на волю и определяют ее решение. Если бы мы могли также ясно увидеть все эти мотивы, как мы видим физические причины, действующие на тела в пространстве, мы бы столь же уверенно сказали бы о полной предопределенности всех хотений нашей воли, как физик делает вывод о предопределенности траекторий движения тел. Шопенгауэр с обескураживающей резкостью формулирует этот вывод, прямо уравнивая человека с движущимся физическим телом: «Совсем не метафора и не гипербола, а вполне трезвая и буквальная истина, что, подобно тому как шар на бильярде не может прийти в движение, прежде чем получит толчок, точно так же и человек не может встать со своего стула, пока его не отзовет или не согонит с места какой-либо мотив; а тогда он поднимается с такой же необходимостью и неизбежностью, как покатится шар после толчка» [12, с. 332].

Казалось бы, в рамках такой концепции не остается никакого места для представления о человеческой свободе, однако Шопенгауэр утверждает, что он открывает для нее единственный правильный способ понимания. Отрицая свободу как качество наших действий и даже как качество нашей воли в ее актах (хотениях), он приписывает свободу самому *бытию* личности. Здесь центральную роль играет понятие эмпирического характера человека. Зададимся вопросом, почему в одной и той же ситуации и при наличии одних и тех же мотивов, действующих на волю, разные люди совершают разные поступки. Например, один человек, на глазах которого насильник нападает на невинного ребенка, бросится на злодея, чтобы усмирить его, другой заслонит невинное дитя собой, а третий пройдет мимо, хладнокровно замечая, что не его дело вмешиваться в ход событий. Каждый, кто будет оценивать поступки этих людей и их нравственность, скажет, что они обладают разным *характером* – добродетельным, злым, бесстрастным и т.п. Именно через разнообразие характеров единая человеческая сущность проявляется в конкретных людях, выступая вторым причинным фактором, который во взаимодействии с набором мотивов однозначно определяет поступок человека. Вслед за Кантом, который ввел это понятие, Шопенгауэр утверждает, что характер человека дается ему прямо в момент рождения и не меняется на протяжении всей жизни. «Характер человека *постоянен*: он остается одинаковым в течение всей

жизни. Под изменчивой оболочкой своих лет, своих отношений, даже своих знаний и взглядов скрывается, как рак в своей скорлупе, тождественный и подлинный человек, совершенно неизменный и всегда одинаковый. Лишь в направлении и в материале испытывает его характер кажущиеся видоизменения, как следствие различия возрастов и их потребностей. *Человек никогда не меняется*: как он поступил в одном случае, так при совершенно одинаковых обстоятельствах (к которым, однако, принадлежит и правильное знание этих обстоятельств) будет он всегда поступать» [12, с. 336]. Отсюда проистекает весьма пессимистическое мнение Шопенгауэра о неисправимости человеческих пороков, о том, что ни один человек не в состоянии избавиться от своих недостатков и никакие наказания и убеждения не в состоянии исправить преступника и злодея. Впрочем, это не означает, что наказания не нужны, наоборот, чем более суровые наказания следуют за преступлениями, тем более мощными психологическими мотивами они становятся, действуя на возможных злодеев и отвращая их от преступных деяний.

Чтобы дать окончательный ответ на вопрос о свободе в философии Шопенгауэра, нужно понять, откуда берется у конкретного человека его характер. Это можно понять, обращаясь к его метафизике, согласно которой каждый индивид является частным, индивидуально-конкретным проявлением в формах пространства и времени единой воли как трансцендентного Абсолюта. По сути, рождение каждого человека – это свободный акт воли, в котором она трансформирует себя в конкретную ограниченную форму данной личности. Но одновременно, в силу того, что личность в своем довременном бытии тождественна воле, можно сказать, что это есть первый, довременный акт *самой личности*, свободно избирающей свою эмпирически проявленную человеческую сущность, т.е. свой характер. Свобода этого акта и является единственно возможной свободой, которую, по Шопенгауэру, мы можем приписать человеку: «...дело нашей *свободы* приходится искать уже не в наших отдельных поступках, как обычно полагают, а во всем бытии и сущности (existencia et essentia) самого человека, которое следует считать его свободным деянием и которое только для познавательной способности, связанной временем, пространством и причинностью, представляется во множественности и разнообразии поступков <...>» [12, с. 370]. Именно в силу того, что каждый человек в указанном довременном акте свободно избрал свой характер, он должен отвечать за все поступки, которые совершает в эмпирической реальности, ведь они определены не столько мотивами, происходящими из внешнего мира, сколько этим характером.

Такое понимание свободы можно признать «еретической» версией концепции Августина. Последний, признавая, что глубинная сущность человека происходит из Бога, не мог буквально приписывать человеку качества Бога, в частности его свободу; Августин утверждал, что действие Бога на мир приводит к установлению всеобщего причинного порядка, а действие на человека (точнее, в человеке) – к внедрению в него в момент творения морального закона. Свобода в этом случае есть добровольное подчинение моральному закону, т.е. приведение своей воли в согласие с божественной волей и следование по пути добра. Соответственно, отклонение от морального закона и от воли Бога означает подчинение физической закономерности и связанным с ней низшим страстям и аффектам, т.е. следование по пути зла. Шопенгауэр в этой же модели признает более глубокое единство Абсолюта и человека, причем Абсолют, волю, он понимает как свободную и стоящую вне добра и зла, поэтому в акте «творения», в акте перехода воли в конечную форму конкретного индивида, она может придать ему (иначе говоря, он может избрать) любой характер, в результате чего он может занять любое место на моральной шкале – от крайнего злодейства до совершенной святости, причем итог этого акта непредсказуем, реализуется по модели абсолютного произвола.

Эта концепция оказалась чрезвычайно влиятельной в последующей философии, ее отзвуки можно найти в творчестве многих известных мыслителей второй половины XIX–XX века, особенно важно отметить ее влияние на Ф.М. Достоевского (в «Записках из подполья»), Л.Н. Толстого (упоминание работы Шопенгауэра «О свободе воли» есть в черновых редакциях эпилога романа «Война и мир»), Ф. Ницше и А. Бергсона. Последний наиболее полно воспринял идеи Шопенгауэра и превратил их в очень стройную концепцию, дающую в определенном смысле окончательную модель понимания свободы в европейской философии. Самое главное изменение, которое Бергсон вносит в модель свободы, предложенную Шопенгауэром, это признание акта перехода Абсолюта в форму конечного индивида, не однократным, раз и навсегда определяющим характер человека, а *постоянно осуществляющимся* и тем самым делающим возможным постоянные изменения характера во времени. Тем самым свобода в ее самом резком понимании, как «божественный произвол», оказывается потенциально присущей субъекту в каждый момент времени.

Окончательное решение проблемы свободы в философии А. Бергсона

В конце XIX века западная философия, стремясь обрести статус строгой науки, столкнулась с пара-

доксальным результатом: чем последовательнее она усваивала методы естествознания и принципы позитивистской эпистемологии, тем неизбежнее приходила к отрицанию свободы воли. Детерминизм в его различных формах – от лапласовского механицизма и ассоцианизма до биологического эволюционизма – становится концептуальным ядром большинства философских учений обозначенного периода. В данной интеллектуальной атмосфере, отмеченной доминированием каузальных объяснений как материального мира, так и психических феноменов, Анри Бергсон в своей первой значительной работе «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889) предпринимает оригинальную попытку реабилитации свободы как неотъемлемой составляющей сознания.

Как справедливо отмечал Бергсон, обыденное и научное сознание привыкло воспринимать реальность сквозь призму однородного пространства – среды, которая по самой своей природе является экстенсивной, количественной и бесконечно делимой [16, р. 84]. Такой тип мышления превращает непосредственный опыт восприятия реальности в ряд дискретных, внешних друг другу элементов. Чтобы связать эти разрозненные элементы некоторой непротиворечивой связью, сознание вынуждено вводить между ними отношения причинности. Следуя данному методу, научный разум неизбежно приходит к выводу о всеобщей детерминированности явлений, то есть к механицизму, рассматривавшемуся со времён Просвещения как высшее выражение научного мировоззрения.

Особую остроту данное противоречие приобретает в тот момент, когда та же методологическая установка переносится на исследование внутреннего мира человека. Психические состояния, подвергнутые пространственной схематизации и включённые в сеть причинно-следственных связей, утрачивают свою качественную, текучую природу и превращаются в своего рода «вещи» среди других вещей, как элементы, соположенные и внешние друг другу. В результате проблема свободы воли предстает как не имеющая никакого смысла. «Проблема свободы – пишет Бергсон, – порождена недоразумением: для современных мыслителей она является тем же самым, чем были софизмы элейской школы для древних. Подобно этим софизмам, она коренится в иллюзии, в силу – которой последовательность смешивается с одновременностью, длительность – с протяженностью, количество – с качеством» [2, с. 155].

Ключевой идеей Бергсона является противопоставление абстрактного, измеримого количественно времени ньютоновской физики, представляющего последовательность дискретных моментов, и длительности (*la durée*) – «живого», творческого и целостного

времени, в котором прошлое не исчезает, а непрестанно проникает в настоящее, обогащая его и делая каждый момент неповторимым [14, р. 1]. Длительность мы открываем в особой интуиции внутри себя как свою глубинную сущность, и именно длительность оказывается в философии Бергсона метафизическим Абсолютом, от которого зависят вся физическая реальность и который производит эту реальность. Отождествляя внутреннюю духовную сущность отдельного человека с Абсолютом, Бергсон идет по пути Шопенгауэра (впервые такую метафизическую модель предложил еще в начале XIX века И. Г. Фихте), но, в отличие от последнего, который так и не прояснил, каким образом мир происходит из Абсолюта, Бергсон дает ясную модель такого порождения: акт трансформации целостного и непрерывно изменяющегося Абсолюта в «застывший», разделенный на отдельные вещи и явления мир – это и есть акт нашего сознания, воспринимающего мир; акт восприятия мира в действительности является актом его «творения» в данной нам форме.

Человек в этом случае оказывается существом, которое одной стороной своего существа помещается в Абсолюте, а другой – расположено в материальном мире. Следуя за Шопенгауэром, Бергсон усматривает онтологическую связь между переживанием времени как длительности, т. е. укорененностью личности в Абсолюте, и сущностью свободного акта. Именно в недрах длительности формируется *глубинное «я»*, понимаемое Бергсоном как подлинная сущность личности, свободная от пространственной необходимости внешнего мира.

Согласно Бергсону, свобода не требует внешних доказательств и не может быть выведена из причинно-следственных связей. Она представляет собой фундаментальное проявление самой природы сознания. Свободный акт – это всегда возвращение к подлинности собственного «я», в полноту бытия длительности как Абсолюта. «Действовать свободно – значит вновь овладеть самим собой, снова помещать себя в чистую длительность» [2, с. 151].

Современные естественные науки, прежде всего нейрофизиология мозга, а вслед за ними и «нейрофилософия» сознания, продолжают традицию, глубоко укорененную в интеллектуальной культуре конца XIX – начала XX века. Они пытаются достичь объективного знания о сознании, механически перенося на него методы исследования внешнего материального мира. Сознание при этом рассматривается как объект среди объектов – сложный, но в принципе постигаемый в рамках нейрофизиологических процессов. Классическим примером такого подхода служит знаменитый эксперимент Бенджамина Либета (1983),

в ходе которого регистрировалась мозговая активность за несколько сотен миллисекунд до того, как испытуемый осознавал своё намерение совершить то или иное действие. Подобные исследования стремятся установить строгую причинную зависимость между процессами в мозге и волевыми, свободными актами, экстраполируя на внутренний мир принципы детерминизма, заимствованные из физики и биологии.

С точки зрения Бергсона, здесь совершается фундаментальная ошибка. Причинность, действующая в мире пространственных явлений, где одна и та же причина (неважно, физическая или нейрофизиологическая) при одинаковых условиях неизменно производит одно и то же следствие (или их стандартный набор), некорректно переносится на качественно иную реальность – чистую длительность сознания. Внутренняя жизнь сознания подчиняется принципиально иной логике: здесь каждое состояние возникает из уникального, неповторимого переплетения всего предшествующего опыта индивида. Даже если одно психическое состояние вытекает из другого, производится им, это не доказывает необходимой причинно-следственной связи в механистическом смысле. «Если в мире внутренних фактов и существует причинная связь, она не имеет ничего общего с тем, что мы называем причинностью в природе. Для физика одна и та же причина всегда вызывает одно и то же следствие; но для психолога, не доверяющего внешним аналогиям, глубокая внутренняя причина лишь однажды может породить соответствующее ей следствие и больше никогда его не вызовет» [2, с. 137].

Идея всеобщего детерминизма, по Бергсону, не есть абсолютная истина, а специфическая точка зрения сознания, проецирующая на реальность количественное, пространственное понимание времени. При таком подходе время как длительность подменяется однородной последовательностью дискретных моментов, что закономерно приводит к *психологическому детерминизму* – неправомерному перенесению каузальных схем внешнего мира на внутреннюю жизнь человека [15, р. 42]. Именно поэтому Бергсон начинает своё исследование свободы воли со своеобразной редукции. Отказавшись от готовых теоретических конструкций, он призывает вернуться к непосредственному опыту – к интуитивному переживанию свободы, ещё не искажённому научным исследованием.

Большинство наших повседневных поступков действительно совершается автоматически. «Мы видим, – пишет Бергсон, – что большинство наших повседневных действий совершаются именно так, что благодаря кристаллизации в нашей памяти определенных ощущений, чувств, идей мы отвечаем на внешние впечатления движениями, которые, будучи сознатель-

ными и даже разумными, во многом напоминают рефлекторные акты» [2, с. 123]. Однако подлинная свобода действует иным образом. Она проявляется тогда, когда действие перестаёт быть автоматическим ответом на внешний стимул и начинает исходить из всей неповторимой глубины личности, т.е. из Абсолюта: «Мы свободны, когда наши действия исходят из всей нашей личности, когда они ее выражают, когда они имеют то неопределимое сходство с ней» [2, с. 125].

Бергсон локализует подлинную свободу в самой глубине человеческой личности, в её творческой спонтанности, которая разворачивается в потоке времени-длительности. Человек как биологический организм и как субъект социальных отношений, безусловно, пребывает в сфере необходимости, подчиняясь «социальным условиям и давлению языка» [13, р. 70]. Однако он обладает потенциалом стать свободным, сознательно погружаясь в глубины собственного «Я» и позволяя своему действию или поступку «вырасти» из целостной, неповторимой оригинальности собственного внутреннего мира [2, с. 123]. Вместе с тем данное обращение сознания к самому себе сопряжено с огромными усилиями, и именно поэтому подлинно свободные акты и по-настоящему свободные личности встречаются очень редко.

Исходя из темпоральной и целостной природы внутреннего мира человека, Бергсон даёт предельное, не допускающее никакого дальнейшего уточнения определение свободы: «Свободой, – утверждает он, – мы называем отношение конкретного “я” к совершаемому им действию. Это отношение неопределимо именно потому, что мы свободны» [2, с. 145]. Только таким образом можно описать свободу, не впадая в противоречие, любая попытка дать ей более конкретное определение уже заранее подчиняет её логике детерминизма. На что указывает сам Бергсон: «...всякое определение свободы оправдывает детерминизм» [2, с. 145].

Подлинно свободным является лишь тот акт, в который человек вкладывает всю свою личность целиком во всем ее многообразии, т.е. полностью перемещается в Абсолют как в подлинное место своего «я». Свобода всегда ускользает от символических структур языка, логических категорий и математических формул, которые описывают разделенную пространственную реальность. Она постигается только интуитивно, сверхчувственно, поскольку коренится непосредственно в глубине «я», т.е. в целостном и текущем Абсолюте, не допускающем никакого разделения на «элементы» и «состояния». Именно поэтому Бергсон связывает возможность ее фиксации и хотя бы какого-то описания только с метафизикой, которая, по его мнению: «есть наука, имеющая притязание обходиться без символов» [1, с. 1176].

Бергсоновское понимание свободы обнаруживает сходство с классическим определением свободы как определения себя к действию из собственной сущности. Как уже было сказано выше, оно впервые было сформулировано Августином и потом не раз повторялось в истории философии, особенно известна формулировка Б. Спинозы: «Свободной называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой» [10, с. 362]. Однако важно увидеть фундаментальное различие между определением Бергсона и указанным классическим определением. Спиноза и другие сторонники классического определения пытаются сделать свободу естественной частью пространственно-геометрического мира и дать ее рациональное познание. Сама формулировка «свободная вещь» указывает на то, что речь идёт о модусе, подчинённом всеобщему, необходимому порядку субстанции. Бергсон, напротив, радикально переосмысливает идею внутреннего самоопределения. Для него свобода – это не необходимая внутренняя обусловленность пространственной вещи или модуса, а полностью иррациональная творческая спонтанность глубинного «Я», непосредственно слитого с целостным, творчески развивающимся Абсолютом, т.е. трансцендентная по отношению к пространственному миру.

Акт свободы совершается не в статичном, пространственно размеченном времени, которое можно разделить на отдельные отрезки и элементы, обозначить символами и таким образом подвергнуть рациональному постижению, а в живом, протекающем потоке времени-длительности, не допускающем никаких рациональных конструкций для своего описания. Так понятое время, время-длительность, схватывается в непосредственной интуиции, а через нее и свобода предстаёт как самоочевидная, неоспоримая данность [2, с. 146]. Вместе с тем, как подчёркивает И. И. Блауберг, подлинное постижение свободы не является легко доступным, но требует особого усилия: «Хотя свобода, как и длительность, непосредственно даны человеку, для их постижения необходимо усилие. Это особого рода акт, который Бергсон обозначает в ранних работах по-разному – как “интеллектуальное усилие”, “внимательный анализ” – т.е. то, что предполагает сосредоточение, напряжение внимания; во всяком случае, это не пассивное, безучастное самонаблюдение, а именно действие, влекущее за собой подлинный переворот в сознании» [5, с. 122].

Поэтому путь к переживанию свободы и тем более к ее осуществлению в поступках чрезвычайно труден. Повседневное сознание почти полностью опосредовано автоматизмом привычек, устоявшимися языковыми конструкциями и рассудочными представлениями

ми, которые незаметно превращают живое «Я» в цепь поверхностных реакций. Мы постоянно заслоняем себя от самих себя вышеупомянутыми посредниками, погружаясь тем самым в иллюзии, среди которых особенно устойчива иллюзия всеобщей необходимости. Подлинная свобода открывается лишь в практически скачкообразном сдвиге восприятия, в решительном обращении от опыта внешнего к опыту внутреннему и *мистическому*, поскольку в этом опыте мы осознаем себя тождественными Абсолюту.

В данном контексте любопытный смысл приобретает широко распространенное противопоставление «свободы от» и «свободы для». Его корни восходят к ницшеанскому пониманию свободы как воли к ответственности. Ницшеанский Заратустра вопрошает: «Свободный от чего? Какое дело до этого Заратустре! Но твой ясный взор должен поведать мне: свободный для чего?» [8, с. 45]. А в другом месте он даёт ещё более прямое определение: «Ибо что такое свобода? То, что имеешь волю к собственной ответственности» [7, с. 614]. С точки зрения Бергсона, оба модуса остаются поверхностными, поскольку подчиняют свободу внешним факторам и в конечном итоге превращают её в разновидность необходимости. Только когда свобода предстаёт не как освобождение от чего-либо и не как направленность к заранее поставленной цели, а как неотъемлемое, непосредственно данное и самое глубокое качество личности, тогда она раскрывается в своей сущности. Свобода не принадлежит ни прошлому («от чего»), ни вырванному из потока настоящему, ни будущему («для чего»). Любое целеполагание сразу же превращает её в необходимость. Подлинная свобода есть спонтанно длящийся поток творческой жизни глубинного человеческого «Я», который вдохновляет и пронизывает всякое его действие. Главным проявлением свободы в нашем эмпирическом мире, по Бергсону, является творческий акт гениального художника – писателя, живописца, музыканта. Хотя, как материальный объект, создаваемое художником произведение подчинено законам эмпирического мира, его духовный смысл оказывается абсолютно непредсказуемым, и именно это качество, т.е. проявление в нем абсолютной свободы, поражает нас, заставляет считать произведение искусства уникальным явлением.

Близкое Бергсону понимание свободы развивал русский философ Николай Александрович Бердяев, высоко ценивший философию французского мыслителя. В своей книге «Смысл творчества» он прямо связывает свободу с творческим актом духа, не принадлежащего миру и его законам: «Свобода есть мощь творить из ничего, мощь духа творить не из природного мира, а из себя. Свобода в положительном своем

выражении и есть творчество» [4, с. 370].

Еще более глубокое созвучие с Бергсоном обнаруживается в метафизике И. Г. Фихте. Бергсоновская концепция творческой, свободной активности сознания, лежащей в основании всякого опыта, очень близка по своему смыслу к одному из центральных понятий системы немецкого философа – к понятию дела-действия (*Tathandlung*), «которое не встречается и которого нельзя встретить среди эмпирических определений нашего сознания, которое, напротив того, лежит в основании всякого сознания и только одно делает его возможным» [11, с. 73]. Как и у Бергсона, свобода для Фихте есть выражение всей полноты бытия личности, она не является одним из психических фактов наряду с другими, но представляет собой изначальное, динамическое условие рождения подлинного «Я» из глубины Абсолюта.

Указанная версия решения проблемы свободы может быть названа «окончательной» в том смысле, что в строго философском (метафизическом) анализе этой проблемы дальше идти просто некуда. Исходной точкой и классической, и неклассической философии является полагание Абсолюта как истока всего сущего, причем в неклассической философии его главным определением является творческая свобода. Соответственно, самым радикальным вариантом решения проблемы *человеческой* свободы является ее отождествление с указанным главным качеством Абсолюта, это и происходит в философии Бергсона.

Заключение

По отношению к философской концепции свободы, заданной А. Шопенгауэром и А. Бергсоном, возникает закономерный вопрос: не скрывается ли за спонтанностью свободы иррациональный произвол [5, с. 125]? Шопенгауэр в своем понимании свободы пошел именно по этому пути, по сути отождествляя свободу с произволом, который он полагал главным качеством воли как Абсолюта. В «Опыте о непосредственных данных сознания» Бергсон не затрагивает данной проблемы, однако в «Творческой эволюции» (1907), доказывая невозможность предвидения поступков индивида, говорит следующее: «Повторяем, это не значит, что свободное действие есть действие, следующее капризу, безрассудное. Поступать, повинаясь капризу, – значит механически колебаться между двумя или несколькими готовыми решениями и все же остановиться в конце концов на одном из них; здесь нет созревания внутреннего состояния, нет эволюции: каким бы парадоксальным ни показалось это утверждение, здесь воля опускается до подражания механизму интеллекта» [3, с. 42]. Хотя Бергсон противопоставляет свободу любой форме закона, действие

свободы должно вести к какому-то нарастанию смыслов, к духовному развитию личности, и это тоже можно назвать своего рода «закономерным» процессом, ничего общего не имеющим с «произволом» и «капризом». В конце концов, идея Бергсона об особой «закономерности» свободы в наших действиях получила выражение в книге «Творческая эволюция» в противопоставлении *двух форм порядка*: «Вообще говоря, реальность *упорядочена* именно в той мере, в какой она соответствует нашему мышлению. Порядок есть, следовательно, определенное согласие между субъектом и объектом. Это – дух, находящий себя в вещах. Но <...> он может идти в двух противоположных направлениях. Либо он следует своему естественному направлению – тогда это будет развитие в форме напряжения, непрерывное творчество, свободная деятельность; либо он поворачивает назад, и эта инверсия, доведенная до конца, приводит к протяжению, к необходимой взаимной детерминации элементов, ставших внешними по отношению друг к другу, – словом, к геометрическому механизму» [3, с. 224–225]. Вторая форма порядка – это закономерный порядок природных процессов, в которых полностью отсутствует свобода. А вот первая форма как раз задает творческое развитие, основанное на

свободе, это и есть своего рода «закономерность» свободы. В качестве примера Бергсон приводит «порядок», т. е. закономерную структуру, симфонии Бетховена, которая, конечно, совершенно непохожа на упорядоченность природных явлений.

Хотя «Опыт о непосредственных данных сознания» оставил в понимании свободы ряд важных вопросов открытыми, некоторые современники и критики Бергсона (в частности, Г. Риккерт) ставили данную раннюю работу выше последующих [9, с. 330].

Современная западная философия во многом утратила понимание своего более высокого познавательного статуса по отношению к науке и во многом повторяет судьбу философии эпохи Просвещения, принимая за основу научные данные и отвергая метафизику. Тем самым она утрачивает строго философскую методологию решения проблемы свободы и в результате возвращается к ходам мысли, давно отвергнутым серьезными мыслителями; именно так мы оцениваем популярную ныне дискуссию «компатибилизма» и «инкомпатибилизма». Что-то по-настоящему новое в интерпретации нашей свободы философия сможет сказать, только если возвратится к строгой метафизической постановке этой проблемы и к ее базовому решению, данному А. Бергсоном.

Литература

1. Бергсон А. Введение в метафизику // А. Бергсон Творческая эволюция. Материя и память. – Минск: Харвест, 1999. – С. 1172–1223.
2. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // А. Бергсон Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Опыт о непосредственных данных сознания; Материя и память. – М.: Московский клуб, 1992. – С. 50–160.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. 2-е изд. – М.: Академический проект, 2022. – 319 с.
4. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Н. А. Бердяев Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 254–580.
5. Блауберг И. И. Анри Бергсон. – М.: Прогресс-традиция, 2003. – 672 с.
6. Кант И. Критика практического разума. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 177 с.
7. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Ф. Ницше Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 556–631.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ф. Ницше Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 5–238.
9. Риккерт Г. Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени // Г. Риккерт Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С. 269–448.
10. Спиноза Б. Этика // Б. Спиноза Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 359–619.
11. Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // И. Г. Фихте. Сочинения. В 2 т. Т. 1. – СПб.: Мифрил, 1993. – С. 65–339.
12. Шопенгауэр А. О свободе воли // А. Шопенгауэр Собр. соч. в 6 т. Т. 3: Малые философские сочинения. – М.: ТЕПРА-Книжный клуб; Республика, 2001. – С. 303–376.
13. Guerlac S. (2006) Thinking in Time: An Introduction to Henri Bergson. New York: Cornell University Press. – 246 p. (In Eng.).
14. Lawor L. (2003) The challenge of Bergsonism. Phenomenology, Ontology, Ethics, New York: Continuum. – 154 p. – <https://doi.org/10.5040/9781472547569>. (In Eng.).
15. Mullarkey J. (1999) Bergson and Philosophy. Edinburgh: Edinburgh University Press. – 303 p. (In Eng.).
16. Sinclair M. (2020) Bergson, New York: Routledge, 2020. – 303 p. (In Eng.).

References

1. Bergson, H. (1999) [Introduction to Metaphysics]. *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'* [Creative Evolution. Matter and Memory]. Minsk: Harvest, pp. 1172–1223. (In Russ.).
2. Bergson, H. (1992) [An Essay on the Immediate Data of Consciousness]. *Sobraniye sochineniy: v 4 t. Vol. 1: Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniya, Materiya i pamyat'* [Collected Works: in 4 volumes. Vol. 1: An Essay on the Immediate Data of Consciousness; Matter and Memory]. Moscow: Moscow club, pp. 50–160. (In Russ.).
3. Bergson, H. (2022) *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative Evolution]. 2nd edition. Moscow: Academic project, 319 p.
4. Berdyaev, N. A. (1989) [The Meaning of Creativity]. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow: Truth, pp. 254–580. (In Russ.).
5. Blauberg, I. I. (2003) *Anri Bergson* [Henri Bergson]. Moscow: Progress-traditsiya, 672 p.
6. Kant, I. (2021) *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of Practical Reason]. Moscow: Yurait Publishing House, 177 p.
7. Nietzsche, F. (1996) *Sumerki idolov, ili kak filosofstvuyut molotom* [Twilight of the Idols, or How to Philosophize with a Hammer]. Works in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Thought, pp. 556–631. (In Russ.).
8. Nietzsche, F. (1996) *Tak govoril Zaratustra* [Thus Spoke Zarathustra]. Works in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Thought, pp. 5–238.
9. Rikert, G. (1998) [Philosophy of Life. Exposition and Critique of Fashionable Trends in the Philosophy of Our Time]. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Nauki o prirode i nauki o kul'ture]. Moscow: Republic, pp. 269–448. (In Russ.).
10. Spinoza, B. (1957) *Etika* [Ethics]. Selected Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: State Publishing House of Political Literature, pp. 359–619. (In Russ.).
11. Fichte, J. G. (1993) *Osnova obshchego naukoucheniya* [The basis of general scientific doctrine]. Works in 2 volumes. Vol. 1. St. Petersburg: Mifril, pp. 65–339. (In Russ.).
12. Schopenhauer, A. (2001) *O svobode voli* [About free will]. Collected Works in 6 Volumes. Volume 3: Short Philosophical Works. Moscow: TERRA–Book club, pp. 303–376. (In Russ.).
13. Guerlac, S. (2006) *Thinking in Time: An Introduction to Henri Bergson*. New York: Cornell University Press, 246 p. (In Eng.).
14. Lawor, L. (2003) The challenge of Bergsonism. *Phenomenology, Ontology, Ethics*, New York: Continuum, 154 p. – <https://doi.org/10.5040/9781472547569>. (In Eng.).
15. Mullarkey, J. (1999) *Bergson and Philosophy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 303 p. (In Eng.).
16. Sinclair, M. (2020) *Bergson*. New York: Routledge, 303 p. (In Eng.).

Информация об авторах:

Богдан Леонидович Недяк, аспирант, научная специальность 5.7.8. Философская антропология, философия культуры, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID iD: 0009-0006-2906-6419

e-mail: bogdan.nediak@yandex.ru

Игорь Иванович Евлампиев, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID iD: 0000-0002-7209-2616, **SPIN-код:** 8459-2723, **AuthorID:** 72080

e-mail: yevlampiev@mail.ru

Вклад соавторов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 26.04.2026; принята в печать: 17.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Bogdan Leonidovich Nediak, postgraduate student, science specialty 5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID iD: 0009-0006-2906-6419

e-mail: bogdan.nediak@yandex.ru

Igor Ivanovich Evlampiev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID iD: 0000-0002-7209-2616, **SPIN-code:** 8459-2723, **AuthorID:** 72080

e-mail: yevlampiev@mail.ru

Contribution of the authors:

The authors declare no conflicts of interest.

The paper was submitted: 26.04.2026.

Accepted for publication: 17.07.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

О НЕКОТОРЫХ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ КОМАНД

О. И. Соколова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия
e-mail: lesyabelikova@mail.ru

Аннотация. В условиях усложнения научных задач и социального запроса междисциплинарный подход становится главным инструментом решения комплексных проблем. Однако его реализация требует специального анализа эпистемологических предпосылок, лежащих в основе междисциплинарного взаимодействия, позволяя вскрыть принципы эффективного сотрудничества, вместе с тем гарантирующих достоверность получаемых результатов.

Цель исследования – выявить ключевые эпистемологические предпосылки построения эффективных междисциплинарных команд. В статье обозначаются проблемные вопросы, связанные с природой и границами междисциплинарного познания. Анализируются условия достижения взаимопонимания между представителями разных дисциплин, фиксируется значимость понятия общего эпистемического пространства. Рассматривается вопрос об особенностях организации работы проектной команды в современной научной и профессиональной практике.

В работе использован комплексный подход, сочетающий дескриптивистский (описание существующих форм междисциплинарности) и нормативистский (анализ норм научного этоса как условия продуктивного взаимодействия) аспекты. Также использованы эмпирические методы: анализ кейсов (на материале базы Российского научного фонда), педагогический эксперимент (организация групповой работы студентов в рамках курса «Введение в проектную деятельность»), изучение теоретической разработки междисциплинарного проекта по формированию бережливого мышления (ННГУ и «Гринатом»).

Основные результаты исследования заключаются в фиксации эпистемологических барьеров междисциплинарного взаимодействия (различия в понятийных системах, методологические расхождения); выявлении условий, мешающих построению эффективной коммуникации (рамки образовательных стандартов, ограниченность ресурсов, асинхронность вовлечения участников); демонстрации противоречия между теоретическим освоением принципов проектирования и реальной практикой междисциплинарной работы в системе высшего образования; формулировке ключевых предпосылок успешного построения междисциплинарных команд.

Научная новизна состоит в комплексном анализе эпистемологических факторов, влияющих на эффективность междисциплинарных команд, с опорой на реальные кейсы и педагогический эксперимент.

Практическая значимость заключается в возможности использовать полученные результаты для совершенствования образовательных программ по проектной деятельности, разработки моделей организации междисциплинарного взаимодействия в науке и образовании, а также повышения эффективности работы междисциплинарных научных и проектных команд.

Направления дальнейших исследований включают углублённое изучение механизмов выработки общего понятийного аппарата и культуры взаимопонимания в междисциплинарных командах, а также апробацию новых образовательных форматов, обеспечивающих практический опыт междисциплинарного сотрудничества.

Ключевые слова: междисциплинарная команда, эпистемология, нормативный характер знания, консенсус, коллективное познание, проектная деятельность.

Для цитирования: Соколова О. И. О некоторых эпистемологических предпосылках построения междисциплинарных команд // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 130–138. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-130>.

Original article

ON SOME EPISTEMOLOGICAL PREREQUISITES FOR BUILDING INTERDISCIPLINARY TEAMS

O. I. Sokolova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

e-mail: lesyabelikova@mail.ru

Abstract. *In the context of increasing complexity of scientific tasks and social demands, an interdisciplinary approach is becoming the main tool for solving complex problems. However, its implementation requires a special analysis of the epistemological prerequisites underlying interdisciplinary interaction, allowing us to reveal the principles of effective cooperation, at the same time guaranteeing the reliability of the results obtained.*

The purpose of the study is to identify the key epistemological prerequisites for building effective interdisciplinary teams. The article outlines problematic issues related to the nature and boundaries of interdisciplinary cognition. The author has produced the analysis of the conditions for achieving mutual understanding between representatives of different disciplines and emphasized the importance of the concept of a common epistemic space. Also, the specifics in the organization of the project team's work in modern scientific and professional practice is considered.

Methods and approaches. The study uses an integrated approach combining descriptivist (description of existing forms of interdisciplinarity) and normativist (analysis of norms of scientific ethos as conditions for productive interaction) aspects. Also, the author has employed empirical methods, such as case analysis (based on the material of the Russian Science Foundation), pedagogical experiment (organization of students' group work within the the course «Introduction to Project Activity»), and study of the theoretical development of an interdisciplinary project on the formation of lean thinking (UNN and Greenatom).

The main results of the study are to identify epistemological barriers to interdisciplinary interaction (differences in conceptual systems, methodological differences); identify conditions that hinder effective communication (educational standards, limited resources, asynchronous involvement of participants); demonstrate the contradiction between the theoretical development of design principles and the actual practice of interdisciplinary work in higher education; formulate key prerequisites for successful building of interdisciplinary teams.

The scientific novelty consists in a comprehensive analysis of epistemological factors which influence the effectiveness of interdisciplinary teams, based on real-world cases and pedagogical experiment.

The practical significance lies in the possibility of using the results obtained to improve educational programs on project activities, develop models for organizing interdisciplinary interaction in science and education, as well as increase the effectiveness of interdisciplinary scientific and project teams.

Areas of further research include an in-depth study of the mechanisms for developing a common conceptual framework and a culture of mutual understanding in interdisciplinary teams, as well as the testing of new educational formats that provide practical experience in interdisciplinary collaboration.

Key words: *interdisciplinary team, epistemology, normative nature of knowledge, consensus, collective cognition, project activity.*

Cite as: Sokolova, O. I. (2026) [On some epistemological prerequisites for building interdisciplinary teams]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 130–138. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-130>.

Введение

Современная наука всё чаще сталкивается с задачами, которые не поддаются решению в рамках отдельных дисциплин. В этих условиях особую актуальность приобретает междисциплинарность – методологическая стратегия, объединяющая знания, методы и концептуальные перспективы нескольких научных областей для изучения сложных объектов и выработки инновационных решений.

Междисциплинарный подход открывает новые возможности для научного познания, позволяя ставить и решать проблемы, которые едва ли возможно изучать в рамках отдельных дисциплин, и объединяя разнородные данные в единую систему. Кроме того, междисциплинарность предполагает налаживание коммуникации и совместной работы между гетерогенными и не взаимодействовавшими ранее исследовательскими группами. Однако при формировании

общего коммуникативного поля обнаруживаются серьезные эпистемологические затруднения.

Цель данной статьи – раскрыть основные эпистемологические предпосылки построения успешных междисциплинарных команд. Под эпистемологическими предпосылками в данном случае понимаются базовые принципы и установки, которые определяют процесс получения научного знания. Анализ указанных предпосылок позволяет выявить и обсудить некоторые проблемные вопросы, связанные с природой и границами междисциплинарного познания. В работе исследуются условия достижения взаимопонимания между представителями разных дисциплин и принципы формирования общего эпистемического пространства. Особое внимание уделяется процессам целеполагания, распределения ролей и нормирования в организации коллективной научной деятельности. Отдельный исследовательский интерес представляет выявление различий между научной группой, организованной в долгосрочной перспективе, и проектной командой. Особенности коммуникации и взаимодействия внутри проектов, ограниченных во времени и нацеленных на конкретный результат, до сих пор остаются малоизученным вопросом, несмотря на свою актуальность.

Анализ этих аспектов позволит приблизиться к пониманию того, как обеспечить продуктивность междисциплинарного взаимодействия, сохраняя научную ценность и достоверность получаемых результатов.

Методы и подходы в исследовании эпистемологических предпосылок создания междисциплинарных команд

Достижение поставленной цели предполагает использование методологических подходов, в целом связанных с исследованиями в области эпистемологии. К особенностям методологии исследования следует отнести сочетание дескриптивистского (описание существующих форм междисциплинарности) и нормативистского (рассмотрение норм научного этоса как условия продуктивного взаимодействия в команде) подходов. Автором разделяется принцип интеграции идей из эпистемологии, философии науки, менеджмента, педагогики и социологии для комплексного анализа проблемы.

Далее приведены основные направления исследований в современной эпистемологии, которые задают концептуальную основу для понимания правил и условий построения междисциплинарного взаимодействия с учетом его коллективного характера.

Вопросы достижения взаимопонимания в команде необходимо рассматривать в аспекте понятия нор-

мы. Если представители дисциплин руководствуются разными нормами (или исходят из различных трактовок получения и верификации знания), возникает риск недопонимания и несогласованности действий. Условием выработки совместных норм и критериев оценки результатов выступает общее эпистемическое пространство. Когда мы говорим об эпистемическом пространстве, то под этим понимаем определенную подвижную систему взаимосвязанных методов, правил и закономерностей, а также того, что принимается в качестве достоверного знания. За основу понимания эпистемического пространства может быть принято понятие «эпистема» М. Фуко. Здесь оно предстает как «совокупность связей, которые могут объединить в данную эпоху дискурсивные практики, которые предоставляют место фигурам эпистемологии, наукам и любым возможным формализованным системам» [8, с. 190]. Организация работы в команде, таким образом, предстает не как деятельность, организованная в рамках той или иной теории или опыта, а как наличие заранее заданных правил и принятых познавательных установок. Нам представляется, что рассмотрение проблемы организации междисциплинарного взаимодействия в аспекте выстраивания эпистемического пространства открывает новые перспективы ее исследования.

Современная интерпретация научной нормы во многом выстраивается вокруг переосмысления сформулированных Р. Мертоном классических норм научного этоса с учетом современных факторов организации научной деятельности и социальных запросов. А. М. Аблажей подчеркивает, что разработанная Р. Мертоном идея о следовании нормам нацелена в первую очередь на «оптимизацию процесса научного производства и тем самым на максимально эффективное решение главной цели науки – приращение удостоверенного знания» [1, с. 103]. В исследованиях И. Т. Касавина отмечается, что наличие определенных норм вместе с тем не гарантирует их исполнение: они не могут выступать в качестве непосредственного руководства к действию, а «этический дискурс и не имеет цели давать конкретные рецепты поведения» [4, с. 37].

Говоря об эпистемическом пространстве, мы акцентируем внимание на субъективных факторах, которые играют важную роль в организации научных исследований. О научной деятельности как стратегии достижения консенсуса пишет Л. Лаудан [18, р. 4]. Отечественные исследователи Б. И. Пружинин и Т. Г. Щедрина подвергают специальному анализу «коллективные исследовательские программы», которые предполагают «не только серьезные организационные усилия, но и разработку междисциплинарной

эпистемологической составляющей» [7, с. 21]. Коллективные исследовательские программы учитывают не только обмен данными, но и принципы согласования способов обоснования, аргументации и интерпретации фактов.

Условием консенсуса является умение выстраивать коммуникацию, достижение равноправия участников диалога и отсутствие приоритетной точки зрения, довлеющей над другими. С точки зрения Ю. Хабермаса, условием правильно выстроенной коммуникации выступает состояние диалога и сотрудничества, где участники могут «договариваться» [9, с. 32].

Т. Кун утверждает, что «всякий отдельный выбор между конкурирующими теориями зависит от смеси объективных и субъективных факторов и критериев, разделяемых группой, а также индивидуальных критериев» [17, р. 325]. Термин «нормальная наука» – в центре внимания исследования В. Н. Поруса и В. А. Бажанова, которые отмечают значимость психологических и социальных факторов научного творчества, «где ученые до поры до времени укрываются от потрясений “революционной” или “экстраординарной” науки» [6, с. 16], где зафиксированы стандарты исследовательского поведения. Здесь же стоит отметить труды М. Полани, который отводит особую роль наличию доверия в научной группе: «Склоняться в пользу той или иной теории – это значит установить определенную концепцию правомочности, которой мы облачаем всякий основанный на нашем внутреннем доверии выбор, совершаемый в определенное время как выбор взвешенный и неизбежный, как наилучший из тех, на который способна личность» [19, р. 314].

Далее в статье продемонстрировано использование ряда эмпирических методов, позволяющих не только описать теоретические предпосылки междисциплинарного взаимодействия, но и проверить их на конкретных примерах. Речь идет о методе анализа кейсов, который включает изучение конкретных примеров междисциплинарных научных проектов на основе базы Российского научного фонда (археологические исследования, разработки в области когнитивного искусственного интеллекта), а также анализ теоретической разработки междисциплинарного проекта по формированию бережливого мышления (ННГУ и «Гринатом»). Для проведения исследования используется метод педагогического эксперимента по организации групповой работы студентов для выявления признаков междисциплинарного взаимодействия, оценки преимуществ и сложностей реальной научной коммуникации в группе.

Комплексный подход позволяет вскрыть эпистемические предпосылки междисциплинарного взаи-

модействия не только в теоретической плоскости, но и через разбор реальных примеров.

Проектная команда как форма организации коллективного познания

В современной научной и профессиональной практике проектный подход утвердился в качестве универсального инструмента организации деятельности – он активно применяется не только в сфере научных исследований, но и в технических, гуманитарных, социальных областях [5; 10; 11]. Проектирование выступает эффективным механизмом создания инновационных решений: оно позволяет разрабатывать новые технологии, моделировать подходы к решению сложных социокультурных проблем и максимально реализовывать интеллектуальный и творческий потенциал участников [2; 3].

Понятие «проект» в научном контексте подразумевает целенаправленный, ограниченный во времени процесс, характеризующийся уникальностью замысла и ориентацией на инновационный результат. Проект предполагает последовательную реализацию плана действий, в рамках которого интегрируются различные компетенции. В российских университетах основы проектной деятельности закладываются уже на первом курсе бакалавриата в рамках дисциплины «Введение в проектную деятельность». В ходе освоения курса студенты постигают базовые этапы жизненного цикла проекта, осваивают методы и инструменты управления, усваивают ключевую терминологию, а также приобретают навыки планирования и минимизации рисков.

Успешная организация работы проектных команд, в том числе междисциплинарных, опирается на ряд устоявшихся подходов в современном менеджменте. Ключевым условием эффективности выступает наличие общей цели, разделяемой всеми участниками коллектива. Чёткое понимание стратегического ориентира консолидирует усилия членов команды, предотвращая их рассеивание и разнонаправленность действий. При этом цель должна быть не формальным элементом документации, а смысловым ядром, осмысленным и принятым каждым участником: каждый член команды должен осознавать как собственную роль в общем процессе, так и ожидаемый итоговый результат.

Система высшего образования является индикатором общественного запроса на реальные достижимые результаты, обладающие практической значимостью. Через систему образования как кузницу будущих научно-исследовательских кадров к науке предъявляются требования не только поставлять обществу надежное знание, но и одновременно способствовать

решению значимых практических проблем, возникающих в обществе. Реальность такова, что в центре всех современных преобразований находится понятие знания. Питер Ф. Друкер, специалист в области организационного управления, отмечает, что изменение значения знания преобразует общество и экономику. Знание становится основным условием производства, а необходимые ресурсы «можно получить, причем без особого труда, если есть необходимые знания» [16, р. 8]. Таким образом, в ответ на общественный запрос происходит возрастание роли знания буквально во всех сферах жизни. Источником, задающим целевую направленность исследований, могут выступать не только научные проблемы, но и внешние социальные запросы, «социальные вызовы» [4, с. 37]. Так, потребность в решении практических задач может влиять на выбор методов, приоритетов и форматов взаимодействия в команде.

Для конкретизации стратегических установок широко применяется методика SMART, где S (Specific) понимается как «конкретность», M (Measurable) – «измеримость», A (Achievable) – «достижимость», R (Relevant) – «значимость», T (Time bound) – «ограниченность во времени». Методику постановки целей SMART разработал Джордж Т. Доран – консультант и бывший директор по корпоративному планированию компании Washington Water Power Company. Эта методика позволяет трансформировать абстрактные намерения в операциональные задачи [15]. Подход обеспечивает перевод общих целей в плоскость практической реализации через критерии конкретности, измеримости, достижимости, релевантности и ограниченности во времени. Это создаёт систему чётких ориентиров, снижающих неопределённость и повышающих управляемость проекта.

Существенным фактором результативности проектной деятельности является рациональное распределение ролей в команде. В качестве основных подходов используются методологии Р. Белбина (распределение ролей и функций в команде) [13], И. Адизеса (выделение четырех ключевых ролей: производителя, администратора, предпринимателя и интегратора) [12]. Неотъемлемым условием участия в проектной деятельности выступает эффективная коммуникация. Она выходит за рамки простого обмена информацией и предполагает активное слушание, уточнение смыслов и предоставление конструктивной обратной связи. В качестве методологического основания здесь выступают уровни слушания, разработанные Д. Клаттербаком [14].

Важным элементом обучения является работа с реальными проектами, что позволяет закрепить теоретические знания на практике. Однако существующая

модель имеет существенные ограничения: как правило, проекты реализуются в рамках одной научной специальности силами одnogруппников с однородной подготовкой. Это создаёт барьер для формирования подлинно междисциплинарного взаимодействия.

Междисциплинарный анализ научных проектов как элемент профессиональной подготовки

В рамках исследования была организована групповая работа студентов ННГУ для выявления признаков междисциплинарности, оценки преимуществ и сложностей реального научного взаимодействия. В качестве эмпирической базы выступили исследования из Перечня поддержанных проектов на получение грантов Российского научного фонда по приоритетному направлению деятельности «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований по поручениям (указаниям) Президента Российской Федерации» (междисциплинарные проекты) за период с 2023 по 2025 год. Далее приведен краткий обзор структуры занятия и сформулированы некоторые выводы.

В рамках изучения курса «Введение в проектную деятельность» студентам была представлена возможность выбора одного из междисциплинарных проектов РНФ (от археологических исследований до разработок в области когнитивного искусственного интеллекта). Перед группами студентов была поставлена задача – выявить задействованные в проектах дисциплины, определить методы и инструменты дисциплин. Далее необходимо было оценить, как междисциплинарное взаимодействие усиливает исследование по сравнению с традиционным подходом, предполагающим исследование в пределах одной научной дисциплины, и выявить потенциальные сложности координации – различия в терминологии, методологии, целях или способах верификации результатов. Итогом работы стало общее обсуждение, включающее сопоставление кейсов, выделение общих черт и уникальных особенностей междисциплинарных исследований.

Несмотря на методическую продуманность формата проведенного занятия, в результате обнаружилось существенное расхождение между декларируемым теоретическим пониманием междисциплинарности и механизмами её практического воплощения.

1) *Абстрактность анализа.* Работа с текстовыми описаниями проектов из базы РНФ дает лишь поверхностное представление о реальном междисциплинарном взаимодействии. Студенты видели «заявленную» междисциплинарность, но не имели возможности наблюдать процесс согласования терминологии, методов или целей между специалистами разных профилей.

2) *Отсутствие живого опыта взаимодействия.* Групповая работа внутри студенческих команд одного профиля подготовки не воспроизводит специфику реальной междисциплинарной коммуникации. Обучающиеся осмысливают гипотетические сложности подобной координации в умозрительном ключе, не сталкиваясь с аутентичным опытом преодоления различий между дисциплинарными парадигмами и возникающих из-за этого конфликтов.

3) *Упрощение.* Анализ описания проекта предполагает его теоретическое осмысление, но не позволяет включиться в практику междисциплинарного исследования *in situ*. С одной стороны, это позволяет сразу сфокусироваться на результате, минуя сложный процесс согласования перспектив. Однако, с другой стороны, все это излишне упрощает, делает поверхностным понимание реальных трудностей, возникающих при организации междисциплинарной работы.

Таким образом, несмотря на развитую инфраструктуру обучения проектным навыкам, проведение специальных образовательных курсов и дисциплин, а также анализ реальных кейсов междисциплинарного взаимодействия, можно констатировать, что в системе высшего образования сохраняется разрыв между освоением базовых принципов проектной деятельности и практикой междисциплинарной командной работы. Реальные примеры успешного междисциплинарного сотрудничества чаще встречаются в рамках крупных научных инициатив (в том числе проектов Российского научного фонда). При этом остаются недостаточно исследованными успешные примеры организации этого взаимодействия, комплексный теоретико-эмпирический анализ которых позволил бы интегрировать лучшие практики в стандартную образовательную траекторию. Это ставит вопрос о необходимости исследования реальных кейсов междисциплинарной командной работы и разработки новых моделей организации проектной деятельности в системе высшего образования.

Бережливое мышление в междисциплинарном контексте: опыт разработки интегративной модели

В рамках реализации программы повышения квалификации педагогических кадров «Эффективное управление проектами, программами, персоналом организации» (ННГУ, 2025 г.) была инициирована разработка междисциплинарного научно-практического проекта, направленного на формирование и развитие бережливого мышления (Lean-подхода) в сотрудничестве между университетом (ННГУ) и индустриальным партнёром (АО «Гринатом», г. Нижний Новгород). Цель программы заключалась в создании

устойчивого долгосрочного взаимодействия между представителями разных научных специальностей, с одной стороны, и интеграции академических знаний с реальными бизнес-задачами – с другой. Междисциплинарная команда включала специалистов из области философии, менеджмента и экономики.

Важно подчеркнуть, что проект остался в рамках теоретической разработки и не был реализован на практике. Он включал детальное описание фаз, а также ожидаемых результатов. Именно этот факт позволил заключить, что полноценное междисциплинарное взаимодействие в ходе работы не было реализовано в полной мере. Проблемы, выявленные на этапе разработки, были порождены факторами эпистемологического характера. Кроме того, они продемонстрировали наличие существенных коммуникативных барьеров между представителями разных групп.

1) *Обнаружение различий в интерпретациях базовых категорий.* Например, основное понятие, которое концептуализировалось в рамках проекта – «бережливое мышление» – в философии и экономических дисциплинах трактуется по-разному. В философии «бережливое мышление» рассматривается как фундаментальная мировоззренческая установка, подразумевающая длительную перестройку мышления. В менеджменте и экономике, несмотря на использование общих с философской традицией понятий, таких как «мышление», «ценность», «культура», акцент делается на количественных показателях типа сокращения времени цикла и снижения потерь. В менеджменте формирование у сотрудников бережливого мышления предполагает использование конкретных методик и инструментов, вырабатывающих полезные (то есть нужные для организации) привычки. Эти концептуальные расхождения затрудняют выработку общего подхода и согласованных критериев достижения результата еще на стадии формулировки задач.

2) *Методологические расхождения.* Философское исследование ориентировано на фундаментальный анализ, обоснование и рефлексию, тогда как бизнес-среда требует быстрых, прагматичных решений с измеримым эффектом. В менеджменте востребовано знание, фиксирующее конкретные стороны изучаемого объекта и достаточное для решения практических задач. Здесь незнание и неопределенность воспринимаются как недостатки, которые необходимо устранить. В результате возникают ситуации, когда философские положения воспринимаются практиками как излишне абстрактные, а бизнес-инициативы оцениваются противоположной стороной как поверхностные.

Но как в таком случае возможно включение философского подхода в структуру междисциплинарного взаимодействия? На наш взгляд, философия может

выступать в качестве медиатора в выстраивании междисциплинарного взаимодействия. Философский подход (понимаемый в системе сотрудничества философии как дисциплины среди других научных дисциплин) предполагает наличие рефлексии над границами познания и учитывает плюрализм возможных ответов. Её ценность во многом связана с осмыслением незнания – выявлением границ понимания, критикой устоявшихся мнений и привычных методов решения проблем.

3) *Культурные и организационные ограничения* обозначились уже на этапе планирования. С одной стороны, у сотрудников предприятия нет возможности надолго отрываться от текущих задач, с другой стороны, преподаватели университета сталкиваются с жёсткими рамками учебного графика. Это приводит к асинхронности вовлечения и дефициту времени для глубокой проработки междисциплинарных решений (даже в теории). Кроме того, в явном виде обнаруживается установка на приоритет практико-ориентированного результата над теоретическим осмыслением, что сужает пространство для рефлексии над методологическими различиями.

Тем не менее, теоретическая разработка проекта позволяет выявить некоторые важные эпистемологические предпосылки, необходимые для успешного построения междисциплинарных команд. Прежде всего, это осознание различий в дисциплинарных оптиках и готовность к их обсуждению на ранних этапах совместной работы. Кроме того, необходима попытка разработки общего понятийного аппарата, который бы учитывал специфику каждой области, но при этом обеспечивал единое понимание целей и задач. Наконец, необходима проработка условий организационных форматов, где ценность вклада каждой дисциплины признаётся и поддерживается.

Выводы

Междисциплинарный подход всё чаще выступает необходимым инструментом для решения комплексных научных задач. Однако его практическая реализация может сталкиваться с различными эпистемологическими препятствиями.

Опыт теоретической разработки междисциплинарного проекта по формированию бережливого мышления наглядно демонстрирует, что формальное объединение специалистов разных профилей само по себе не обеспечивает интеграцию знаний. Без целенаправленной работы по согласованию понятий и выработке общих эпистемологических подходов междисциплинарность остаётся лишь декларируемым принципом, а не реальным механизмом познания. Успешное построение междисциплинарных команд, таким образом, требует не только управленческих решений, но и глубокой совместной аналитической работы со стороны участников и координаторов над предпосылками создания общего коммуникативного поля. Однако ограниченность ресурсов и формальность, поверхностность взаимодействия нередко создают условия, в которых приоритет отдаётся практико-ориентированным результатам в ущерб теоретическому осмыслению понятий и другим важным составляющим коммуникации. В процессе обучения студентов навыкам проектной работы обнаруживается разрыв между освоением базовых принципов проектирования и реальной практикой междисциплинарного сотрудничества. Это актуализирует задачу выстраивания системы «теория – практика – теория – трансляция знаний», где теоретическое изучение организации взаимодействия соединялось бы с формированием реальных навыков, а затем осуществлялся бы анализ и трансляция эффективных практик в качестве моделей организации коллективной работы.

Безусловно, необходимо создавать условия для постепенного формирования общего концептуально-понятийного поля, развития культуры взаимопонимания и регулярного смыслового обмена между участниками. Только комплексный подход, сочетающий организационные решения с рефлексией над дисциплинарными различиями, позволит реализовать потенциал подлинной, а не декларируемой междисциплинарности, обеспечив научную достоверность результатов и их практическую значимость в решении сложных современных проблем.

Литература

1. Аблажей А. М. Этика науки: классические нормы и современные деформации // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3-1. – С. 103–115. – <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-103-115>. – EDN: STCCUD.
2. Васильев Ф. В., Васильева Е. Д. Факторы формирования и роль совместной идентичности в работе проектных команд // Психологические исследования. – 2025. – Т. 18, № 99. – Порядковый номер 4. – <https://doi.org/10.54359/47c6ff30>. – EDN: YXGPUH.
3. Вершинина Е. В., Зверева О. М., Шабунин С. Н. Методика формирования проектных команд на основе ролевой модели Белбина // Вестник СибГУТИ. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 14–27. – <https://doi.org/10.55648/1998-6920-2024-18-3-14-27>. – EDN: FUZXEU.

4. Касавин И. Т. Амбивалентность научного этоса непреодолима // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, № 4. – С. 36–48. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-4-36-48>. – EDN: FBEDDU.
5. Несмеянов Е. Е., Харламова Г. С. Проектная деятельность в вузе как основа инноваций // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 101, № 6. – С. 20–27. – <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-101-6-20-27>. – EDN: BTCEIE.
6. Порус В. Н., Бажанов В. А. Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 15–33. – <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-15-33>. – EDN: FQPUGD.
7. Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Культурно-историческая эпистемология и перспективы философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2021. – Т. 58, № 2. – С. 19–26. – <https://doi.org/10.5840/eps202158223>. – EDN: GHDDOM.
8. Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. – К. : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
9. Хабермас Ю. Коммуникативное действие и детрансцендентализированный разум // Между натурализмом и религией. Философские статьи. – М. : Весь мир, 2011. – С. 26–75.
10. Чибикова Т. В., Болдовская Т. Е., Савченко Е. В. Внедрение методик Agile и Lean Startup в преподавание проектной деятельности в вузах // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 79–84. – <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2024-4-854>. – EDN: GQKZZE.
11. Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Организация проектной деятельности в вузе в системе научной рефлексии // Вестник Мининского университета. – 2024. – Т. 12, № 2 (47). – Порядковый номер 5. – <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-2-5>. – EDN: BQLELC.
12. Adizes I. K. (2004) *The Ideal Executive: Why You Cannot Be One and What to Do about It*. – Santa Barbara: The Adizes Institute Publishing. – 295 p. (In Eng.).
13. Belbin R. M., Brown V. (2023) *Team Roles at Work*. – 3rd ed. – London: Routledge. – 156 p. – <https://doi.org/10.4324/9781003163152>. (In Eng.).
14. Clutterbuck D. (2016) *Powerful Questions for Coaches and Mentors*. – London: Wordscapes. – 67 p. (In Eng.).
15. Doran G. T. (1981) There's a S.M.A.R.T. way to write management's goals and objectives. *Management Review*. – Vol. 70. – No. 11, pp. 35–36. (In Eng.).
16. Drucker P. F. (1993) *Post-capitalist society*. – New York: HarperBusiness. – 232 p. (In Eng.).
17. Kuhn T. (1977) Objectivity, value judgment, and theory choice. In book: *The Essential Tension. Selected Studies in Scientific Tradition and Change*. The University of Chicago Press, Chicago. – pp. 320–339. (In Eng.).
18. Laudan L. (1984) *Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debate*. – Berkeley: University of California Press. – 160 p. (In Eng.).
19. Polanyi M. (1962) *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. – London: Routledge & Kegan Paul. – 428 p. (In Eng.).

References

1. Ablazhej, A. M. (2021) [Ethics of science: classical norms and modern deformations]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals]. Vol. 13. No. 3–1, part 1, pp. 103–115. – <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-103-115>. (In Russ.).
2. Vasilev, F. V., Vasileva, E. D. (2025) [The factors of formation and the role of shared identity in the work of the project Teams]. *Psixologicheskie issledovaniya* [Psychological research]. Vol. 18. No. 99, index number 4. – <https://doi.org/10.54359/47c6ff30>. (In Russ.).
3. Vershinina, E. V., Zvereva, O. M., Shabunin, S. N. (2024) [Methodology for the formation of project teams based on the Belbin role model]. *Vestnik SibGUT* [Bulletin of SibGUTI]. Vol. 18. No. 3, pp. 14–27. – <https://doi.org/10.55648/1998-6920-2024-18-3-14-27>. (In Russ.).
4. Kasavin, I. T. (2021) [The ambivalence of the scientific ethos is irresistible]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. Vol. 30. No. 4. pp. 36–48. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-4-36-48>. (In Russ.).
5. Nesmeyanov, E. E., Kharlamova, G. S. (2023) [Project activity in higher education institutions as the basis of innovation]. *Gumanitarny'e i social'ny'e nauki* [Humanities and Social Sciences]. Vol. 101. No. 6, pp. 20–27. – <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-101-6-20-27>. (In Russ.).
6. Porus, V. N., Bazhanov, V. A. (2021) [Postnormal science: between Scylla of uncertainty and Charybdis politicization of knowledge]. *Filosofiya. Zhurnal Vy'sshej shkoly'e'konomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 5. No. 4, pp. 15–33. – <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-15-33>. (In Russ.).

7. Pruzhinin, B. I., Shhedrina, T. G. (2021) [Cultural and historical epistemology and perspectives of philosophy of science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. Vol. 58. No. 2, pp. 19–26. – <https://doi.org/10.5840/eps202158223>. (In Russ.).
8. Foucault, M. (1996) *Arxeologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Moscow: Nika-Center, 208 p.
9. Habermas, J. (2011) [Communicative action and detranscendentalized reason]. *Mezhdru naturalizmom i religiej. Filosofskie stat'i* [Between naturalism and religion. Philosophical articles]. Moscow: The whole world, pp. 26–75. (In Russ.).
10. Chibikova, T. V., Boldovskaya, T. E., Savchenko, E. V. (2024) [Implementation of Agile and Lean Startup techniques in teaching project activities at universities]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionny'x texnologij* [Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology]. Vol. 13. No. 4, pp. 79–84. – <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2024-4-854>. (In Russ.).
11. Shhuplenkov, O. V., Shhuplenkov, N. O. (2024) [Organization of project activities in higher education institutions in the system of scientific reflection]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Mininsky University]. Vol. 12. No. 2 (47). index number 5. – <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-2-5>. (In Russ.).
12. Adizes, I. K. (2004) *The Ideal Executive: Why You Cannot Be One and What to Do about It*. Santa Barbara: The Adizes Institute Publishing, 295 p. (In Eng.).
13. Belbin, R. M., Brown, V. (2023) *Team Roles at Work*. 3rd ed. London: Routledge, 156 p. – <https://doi.org/10.4324/9781003163152>. (In Eng.).
14. Clutterbuck, D. (2016) *Powerful Questions for Coaches and Mentors*. London: Wordscapes, 67 p. (In Eng.).
15. Doran, G. T. (1981) There's a S.M.A.R.T. way to write management's goals and objectives. *Management Review*. Vol. 70. No. 11, pp. 35–36. (In Eng.).
16. Drucker, P. F. (1993) *Post-capitalist society*. New York: Harper Business, 232 p. (In Eng.).
17. Kuhn, T. (1977) Objectivity, value judgment, and theory choice. In book: *The Essential Tension. Selected Studies in Scientific Tradition and Change*. The University of Chicago Press, Chicago, pp. 320–339. (In Eng.).
18. Laudan, L. (1984) *Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debate*. Berkeley: University of California Press, 160 p. (In Eng.).
19. Polanyi, M. (1962) *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. London: Routledge & Kegan Paul, 428 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Олеся Игоревна Соколова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

ORCID iD: 0009-0009-8554-1036, **Scopus Author ID:** 58199060800, **SPIN-код:** 2281-5253, **AuthorID:** 764996
e-mail: lesyabelikova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 01.07.2026; принята в печать: 17.07.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Olesya Igorevna Sokolova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID iD: 0009-0009-8554-1036, **Scopus Author ID:** 58199060800, **SPIN-code:** 2281-5253, **AuthorID:** 764996
e-mail: lesyabelikova@mail.ru

The paper was submitted: 01.07.2026.

Accepted for publication: 17.07.2026.

The author has read and approved the final manuscript.

ОСМЫСЛЕНИЕ РЕЛИГИИ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ В. Э. СЕЗЕМАНА

Ю. В. Соколова

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

e-mail: Sokolovayulv@mpei.ru

Аннотация. Русское неокантианство представляет собой одно из интереснейших явлений в истории отечественной философии рубежа XIX–XX веков, его развитие проходит в соперничестве с доминирующей русской религиозно-философской традицией. Целью статьи является исследование философии религии выпускника Санкт-Петербургского университета, одного из учеников Г. Когена и П. Наторпа – Василия Эмильевича Сеземана (1884–1963). К настоящему моменту осмысление религии представителями русского неокантианства не получило широкого исследовательского внимания, но обращение к наследию В. Э. Сеземана показывает потенциал и продуктивность таких изысканий. Сеземаном написано несколько специальных работ по религиозной проблематике, кроме того, он обращается к вопросам религии в сочинениях по онтогносеологии, логике, этике, эстетике и философии культуры. В силу этого полноценный анализ взглядов философа на религиозные вопросы потребовал целостного изучения его творчества и привлечения сочинений философа, написанных на русском, немецком и литовском языках. Центральной проблемой, рассматриваемой Сеземаном в философии религии, была проблема знания и его рационального и иррационального начал, исследование которой приводит мыслителя к необходимости глубокого историко-философского анализа двойственной роли знания в греческой и христианской интеллектуальных традициях. Философ анализирует специфику религиозного познания, привлекая такие понятия, как установка, предметное и непердметное, переживание, непосредственный опыт и др.; рассматривает религию как культурно-исторический феномен, исследует религиозный аспект проблемы свободы. Важнейшим для Сеземана является вопрос кризиса европейской культуры, осмысление которого побуждает его к анализу имманентной и трансцендентной тенденций в развитии христианства, определяющих отношение религии к культуре. Новизна исследования состоит в специфическом ракурсе анализа творчества Василия Сеземана, позволяющем увидеть теоретическую глубину, объективность и непредвзятость его подхода к религиозной проблематике. Кроме того, новым является использование в исследовании работ философа, изданных по-литовски и пока не переведенных на русский язык.

Ключевые слова: русское неокантианство, философия религии, Сеземан, познание, установка.

Для цитирования: Соколова Ю. В. Осмысление религии в философском наследии В. Э. Сеземана // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 5. – С. 139–147. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-139>.

Original article

UNDERSTANDING RELIGION IN THE PHILOSOPHICAL HERITAGE OF V. E. SESEMANN

Yu. V. Sokolova

National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia

e-mail: Sokolovayulv@mpei.ru

Abstract. Russian Neo-Kantianism is one of the most interesting phenomena in the history of Russian philosophy at the turn of the 19th and 20th centuries, its development took place in competition with the dominant Russian religious philosophy. The purpose of this article is to explore the philosophy of religion by Vasily Sesemann (1884–1963), a graduate of St. Petersburg University and a student of Hermann Cohen and Paul Natorp. To date, the understanding of religion in Russian Neo-Kantianism has not received much research attention, but an examination of the legacy of Sesemann shows the potential and productivity of such research. Sesemann has written several special works on religion, he also addresses the issue in his papers on ontology, epistemology, logic, ethics, aesthetics, and philosophy

of culture. Therefore, a comprehensive analysis of the philosopher's views on religion requires a thorough examination of his legacy written in Russian, German, and Lithuanian. The central problem for Sesemann in the philosophy of religion was the problem of knowledge and its rational and irrational aspects; he analyzes the dual role of knowledge in the Greek and Christian intellectual traditions. The philosopher identifies the specifics of religious knowledge, using concepts such as attitude, objectivity, experience, and direct experience. He also examines religion as a cultural and historical phenomenon and explores the religious aspect of the problem of freedom. The most important issue for Sesemann is the crisis of European culture, which prompts him to analyze the immanent and transcendent tendencies in the development of Christianity and their views on culture. The novelty of this research lies in its unique perspective on the work of Vasily Sesemann, which allows us to see the theoretical depth, objectivity, and unbiasedness of his approach to religious issues. Additionally, this research makes use of Sesemann's works unpublished in Russian.

Key words: Russian Neo-Kantianism, Philosophy of Religion, Sesemann, Cognition, Attitude.

Cite as: Sokolova, Yu. V. (2026) [Understanding Religion in the Philosophical Heritage of V. E. Sesemann]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 139–147. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-5-139>.

Введение

Существует немного работ, посвященных изучению взглядов русских неокантианцев на проблемы религии. Это связано прежде всего с намерением представителей этого направления развивать так называемую «чистую» философию – философию, свободную от какого-либо религиозного или идеологического начала. Становление русского неокантианства приходится на турбулентный в политическом и социальном отношении период отечественной истории – время, когда интеллектуальная среда России была захвачена бурными дискуссиями о путях отечественной философии. Русское неокантианство противостояло доминирующему религиозно-философскому направлению отечественной мысли и отстаивало свои позиции в том числе в дискуссиях по религиозной проблематике. Благоприятную почву для развития отечественной научной философии в традициях европейской создавала практика научных командировок выпускников отечественных университетов в европейские и, в частности, германские учебные заведения, широко распространившаяся в XIX в. и приостановленная в конце 1913 г.

Статья посвящена анализу взглядов на вопросы религии Василия Эмильевича Сеземана (1884–1963) – выпускника Санкт-Петербургского университета, одного из многочисленных учеников Марбургской школы, вернувшихся для построения академической карьеры в Россию после обучения в Германии. У В. Э. Сеземана нет специальных крупных опубликованных работ по религиозной проблематике, вопросы религии затрагиваются философом преимущественно в публикациях по теории познания, эстетике, философии культуры и в рецензиях. Один из исследователей творчества Сеземана, В. Повилайтис, в предисловии

к опубликованному по-русски переводу лекции Сеземана «Религия и ее значение для формирования мировоззрения»¹ [3] указывает на существование в архиве библиотеки Вильнюсского университета рукописи материалов курса Сеземана по философии религии на русском языке (VUB RS F 122-73) [5]. Он также упоминает, что изданная по-литовски работа «Христианство и социализм» [14; 15; 16] представляет собой сжатое изложение этого курса. Это свидетельствует о том, что Сеземан разрабатывал данную проблематику.

Целью статьи является исследование позиции В. Э. Сеземана в отношении религии как культурно-исторического феномена, а также прояснение специфики религиозного познания в интерпретации Сеземана. К настоящему моменту существует только одно исследование, посвященное философии религии В. Сеземана [1], что связано прежде всего с тем, что размышления автора по религиозной проблематике преимущественно растворены в гносеологических, этических, эстетических работах и сочинениях по философии культуры. Такое положение дел приводит к необходимости изучения всего творческого наследия Сеземана для прояснения его взглядов на религию.

Роль интеллектуального начала в европейской культуре и вопрос веры и знания в исследованиях В. Сеземана

В ходе разработки онтогносеологии как основополагающего раздела своей философской системы Василий Сеземан исследует роль интеллектуального начала в человеческой культуре и соотношение рационального и иррационального в познании [6; 4; 2]. Это приводит его к рассмотрению вопроса веры и знания, «с которым связаны самые тяжелые и глубокие кри-

¹ В. Повилайтис пишет, что этот текст [14] является «материалом лекции», прочитанной В. Э. Сеземаном в 1935 г. на литовском языке [2, с. 248].

зисы христианского сознания» [6, с. 225]. Сеземан задается вопросом: возможно ли полное растворение веры в знании как воплощение совершенного гнозиса у александрийцев или «утверждение первенства и автономности знания роковым образом убивает самую жизненную основу веры?» [6, с. 225].

Философ предпринимает глубокий философско-исторический анализ роли знания в человеческой культуре, в рамках которого демонстрирует, что и греческий миф, и христианская мысль указывают на двойственную роль знания: «Знание играет решающую роль в грехопадении человека, и оно определяет его исторический и религиозный путь спасения». Однако оценка этой двойственности в орфических мифах и библейском сказании прямо противоположна. Утрата знания в мифе есть отпадение от Божественного первоисточника, и возвращение к знанию через «припоминание» есть путь спасения и воссоединения с первоначалом. В библейском сказании же мы видим обратное: «Именно познание добра и зла не уподобляет человека Богу, а напротив, отчуждает от Него, не освобождает его, а ввергает в рабство греха» [6, с. 227].

Для объяснения этого противоположного взгляда на знание Сеземан обращается к сократовской формуле тождества добра и знания и выделяет три важнейших момента в учении Сократа: «противоположение подлинного и мнимого знания, определение истинного добра, как предмета истинного знания и сведение истинного знания на самопознание» [6, с. 229]. По Сеземану, именно анализ самопознания в учении Сократа открывает путь к пониманию тождества истинного знания и добра. Познание добра у Сократа «предполагает непосредственную опытную данность добра, т. е. подлинный нравственный опыт» [6, с. 230], добро познается «только тогда, когда оно нас непосредственно захватывает, затрагивает наше чувство, нашу волю, являясь целостным актом духа» [6, с. 233].

Сеземан указывает, что эти мотивы учения Сократа получают затем разработку в философии Платона, а позднее в неоплатонизме «развертываются во всеобъемлющую философию духа». Именно у неоплатоников самопознание становится не только методом познания добра, но и методом познания «всего духовного мира»; «оно знаменует собою процесс реального «уподобления» (homoiosis) души высшему божественному бытию и «наполнения» ее подлинно реальным содержанием», что, в свою очередь, наследуется христианской философией и, в частности, Августином [6, с. 235].

Еще одним важным выводом предпринятого Сеземаном исследования учения Сократа является трактовка сократовского осознания своего незнания как

избавления от заблуждения и уничтожения зла: «познание добра – приобщает к добру, тогда как познание зла есть вместе с тем и уничтожение зла, освобождение от него. Зло, избличенное как зло, также перестает быть злом, как заблуждение, опознанное как заблуждение, перестает быть заблуждением. Оно может существовать, лишь скрываясь под личиной добра, как кажущееся или мнимое добро» [6, с. 235].

Таким образом, мы видим, что анализ проблемы роли рационального начала в духовной и религиозной культуре человечества, осуществленный Сеземаном, приводит не только к осмыслению вопроса веры и знания, но и к проблеме самопознания, специфике познания добра и зла, осознанию исторической линии развития европейской культуры.

Специфика религиозного познания

Важным аспектом онтогносеологии Сеземана является определение специфики познания в разных его видах. Одним из центральных понятий всей философской системы Сеземана является установка, это понятие играет важнейшую роль в его теории познания, эстетике и этике. Установка трактуется философом как произвольная или непроизвольная направленность сознания к чему-либо, «открытость» к какому-либо аспекту или стороне бытия в познании. Различие установок определяет спектр потенциально «открытых» сторон действительности для познания.

Так, Сеземан различает эстетическую, этическую, религиозную, естественно-научную, повседневную или практическую, объективирующую и другие установки сознания. Он подчеркивает, что этическое, религиозное и эстетическое познание осуществляется только в форме внутреннего опыта, переживается человеком, требует его вовлеченности, в этих видах познания невозможна отстраненность или дистанция между субъектом и объектом познания, которая характерна для познания предметов внешнего мира. Сеземан убежден, что «иная природа объектов этического, эстетического и религиозного познания устанавливает иные отношения между объектом и субъектом» [8, с. 582]. Познание этих феноменов осуществляется только через самопознание, а их исключительная природа определяет особые методы их познания, «потому что не метод определяет объект, а объект определяет метод» [7, с. 36].

Центральным понятием в этих видах познания становится опыт, который переживается человеком и создает ядро его личности. Посредством переживания мы постигаем ценности как бы изнутри, «соприкасаясь или участвуя в них»² [13, р. 300]. В познании

² Здесь и далее цитаты по источникам на литовском языке даны в переводе автора статьи.

феноменов духовного бытия, по Сеземану, «простого восприятия (наблюдения) этих феноменов недостаточно», они «должны быть поняты и постигнуты. Но понимание... не может обойтись без определенного переживания, без внутреннего опыта, который предполагает непредметную установку сознания» [13, р. 298]. Специфика этической, эстетической и религиозной установок определяет особые черты этического, эстетического и религиозного опыта. В такого рода опыте трансцендентное совпадает с имманентным. «Своеобразие всех этих различных многослойных установок состоит в том, что они по существу непредметны или что, по крайней мере, их предпосылкой являются определенные непредметные моменты» [13, р. 100]. Из этого Сеземан делает вывод, «что непредметное познание, которое опирается не только на восприятие явлений, но и на непосредственные переживания, имеет важное значение в жизни отдельного человека и культуры» [13, р. 300].

Религиозность «глубочайшим образом связана... с самым центром нашего личного бытия, и потому ее можно ощутить и напрямую осознать только во внутреннем мире человека, его внутренней жизни», она требует глубоко личного внутреннего опыта для своего осознания [5, с. 254]. И только почувствовав ее в себе, человек может понять ее в жизни другого. Сеземан полагает, что догматичность религиозной установки не позволяет совмещения ее с какой-либо иной в силу враждебности, но она может стать почвой для этической, эстетической, теоретической установки.

Религия как культурно-исторический феномен

В лекции «Религия и ее значение для формирования мировоззрения» Сеземан ставит два вопроса: о значении религии в формировании человеческой культуры и о ее роли в современной жизни [5]. Отвечая на первый вопрос, Сеземан замечает, что «наша духовная культура, все ее области и ветви, мораль, искусство, философия, наука, право, социальный строй жизни органически связаны с религией и укоренены в ней», он подчеркивает, что на протяжении всей истории человеческой культуры религия «оплодотворяла» различные области культуры, «будила и освобождала их творческую энергию» [5, с. 250]. В силу этого определение европейской культуры как культуры христианской по своей сути не кажется Сеземану преувеличением. Даже такие, на первый взгляд, далекие от христианства тенденции культуры, как индивидуализм, провозглашение ценности свободы и независимости, идеи равенства, социальной справедливости и

даже атеизм, имеют «христианское происхождение», так как вырастают «из той вечной абсолютной ценности, которую христианское учение придает отдельной личности как образу Бога»³ [5, с. 251]. И несмотря на то, что сама идея индивидуальности во многом изменилась и даже выродилась в современности, ее ядро или основание, по мнению Сеземана, узнаваемо именно как христианская идея, где христианство понимается в широком смысле как учение, выросшее из платонических и стоических идей философии античности. Для Сеземана это свидетельство того, что европейская духовная культура укоренена в христианстве, несмотря на то, что в ряде своих проявлений кажется во всем ему противоположной. Европейская культура органически связана с религией, и понять культуру можно, именно усмотрев эту связь.

Сеземан обращает внимание на то, что необходимо осмыслить отрицательную роль религии в культуре. Это проявления жестокости и фанатизма, лжи и лицемерия в религиозной жизни, случаи, где религия выступает как сила, противостоящая прогрессу и свободе духа в таких областях, как наука, право и мораль. Сеземан убежден, что в этом вопросе следует четко разграничивать саму религию и произвол ее представителей (духовенства), использовавших учение в корыстных и эгоистических целях, а также религиозность и исторические формы ее объективации, которые всегда соответствуют уровню культуры и социальной жизни той или иной эпохи: «в христианстве следует различать то, что проистекает из определенных исторических обстоятельств и имеет лишь относительное значение, от того, что в нем является существенным и непреходящим» [17, р. 652].

Рассматривая второй вопрос, поставленный в лекции, об актуальности религии в современности, Сеземан обращается к исследованию религиозного чувства в человеке. Имманентное начало религиозности в человеке Сеземан объясняет через переживание им предельных ситуаций, «в которых внутренняя жизнь и деятельность личности достигают высочайшей степени интенсивности» [5, с. 260]. Переживание негативных предельных ситуаций, таких как смерть, болезнь, потеря, время и временность, когда рушится наш обыденный мир, есть переживание трансцендентного (непостижимого). Это моменты, когда человек вдруг оказывается «абсолютно одинок» (один на один с миром); они «демонстрируют ограниченность»⁴, условность нашего обыденного имманентного опыта, который на первый взгляд кажется нам абсолютным» [5, с. 259].

³ Курсив В. Э. Сеземана.

⁴ Курсив В. Э. Сеземана.

В противоположность этим моментам можно также выделить переживание позитивных предельных ситуаций, таких как единение с природой, ощущение ее могущества и красоты, вдохновение в творчестве, глубокая сильная любовь. Эти переживания не только показывают односторонность обыденной жизни, «но также позволяют нам почувствовать и понять нечто, таящееся за ее границами» и даже на миг почувствовать проявление этого начала в нашей жизни [5, с. 259]. Подобного рода переживания раскрывают человеку нечто, выходящее за пределы его личности, «раскрывают и показывают скрытые духовные возможности и силы и порождают те высочайшие и благороднейшие идеи, которые лежат в основании духовной культуры» [5, с. 260]. Это и есть, по Сеземану, имманентное начало религиозности, то, что «не потеряет своего значения и актуальности до тех пор, пока люди не перестанут быть людьми в подлинном смысле слова» [5, с. 260]. Это одновременно и источник культуры, побуждающий духовные силы человека к творчеству и стремлению к совершенству, и источник единения людей.

Религия и культура

Сеземана занимает вопрос отношения христианства к культуре, исследование которого, по его мнению, способно помочь в поиске путей выхода из кризиса, который охватил христианство в начале XX столетия. В статье «Христианство и социализм», впервые опубликованной на литовском языке в 1936 г. [11; 12], а позднее переизданной в 1997 г. [17], В. Сеземан выделяет и анализирует две фундаментальные тенденции в истории христианства, которые определяют «все его историческое развитие и все изменения в понимании самого христианства» [17, р. 642].

Первая тенденция основана на идеале трансцендентного и аскетического характера христианства, вторая же сосредоточена на имманентном начале; их отношение к культуре диаметрально противоположно. Главной задачей христианина в рамках первой тенденции является достижение вечного блаженства в Царстве Небесном. Все мирские ценности как материальные, так и духовные (объекты желаний и страстей) в этой парадигме только уведут человека от Бога. Как только они «превращаются в цель для человека», они начинают претендовать на то, чтобы быть абсолютной ценностью – занять место Бога в человеческой жизни, и, в силу этого, могут быть расценены исключительно как «отрицательные» [17, р. 642]. Аскетизм и отшельничество становятся тем, что приближает христианина к идеалу.

В такой концепции христианства религия и земная жизнь находятся на разных полюсах; согласно

аскетической точке зрения, культура и культурные ценности как проявление земного должны отрицаться; социальная жизнь никак не влияет на отношения человека и Бога, и, следовательно, вовлечение Церкви в социальное бытие и мирские заботы уводит ее от истинной цели. Эта линия, обоснованная некоторыми отцами Церкви и сохранившаяся отчасти в православии, по мнению Сеземана, не стала все же преобладающей в истории развития христианского учения. Не отказавшись полностью от аскетического идеала, Церковь фактически реализовала имманентную концепцию в своем развитии.

Имманентная линия в развитии христианства рассматривает земную жизнь как подготовку к загробной, в силу чего человек не может презирать или отрицать земное, ведь оно тоже есть проявление божественного. «В культуре выражается творческая сила человека», через культуру человек преобразует и освящает мир [17, р. 642]. Именно поэтому имманентная тенденция понимания христианства стремится наделить культуру христианским духом и утвердиться через культуру. Так, Сеземан замечает, что, став господствующей религией, христианство вынуждено было идти на компромисс с устоявшейся римской культурой и общественным строем.

Сеземан убежден, что нейтральная позиция религии по отношению к культуре невозможна: либо выбор делается в пользу первой, и тогда культура отрицается, как и все мирское, либо принимается вторая, и в этом случае культура и общественное устройство совершенствуются в соответствии с христианскими идеалами. Религиозный кризис первой трети XX века, по мнению Сеземана, происходит (как и все предыдущие кризисы христианства) от несоответствия христианских идеалов сложившемуся социальному порядку и вектору развития культуры. Он полагает, что выход для Церкви здесь состоит в осознании существенных принципов христианства и борьбе за их осуществление в культуре.

Очевидно, что улучшение общественного и политического устройства возможно при повышении уровня нравственности народа. Здесь можно предположить, рассуждает Сеземан, что, «воздействуя на отдельных людей как членов церковной общины» и «не вмешиваясь в политические и социальные вопросы», Церковь сможет добиться прогресса в общественной жизни в целом (такой точки зрения придерживался Л. Толстой) [17, р. 654]. Однако, по мнению Сеземана, «Истинная, совершенная нравственность невозможна без солидарности... Любовь к ближнему в своем истинном смысле есть любовь не к тому или иному индивиду», объектом этой любви является «коллектив (народ, общество, человечество) как

целостность» [17, р. 654]. Сеземан подчеркивает, что поскольку «человек по сути своей есть существо социальное», то, как «общественное устройство зависит от нравственности (религиозности) отдельных членов коллектива», так и «этическое отношение индивида зависит от социальной структуры»; эти два момента взаимосвязаны [17, р. 654].

Христианство утратило свои позиции в жизни христианских народов в начале XX столетия именно потому, что «дало возможность своим противникам заимствовать и присвоить себе те идеи, которые родились из учения Христа (абсолютная ценность личности, равенство, братская солидарность людей и народов)» [17, р. 655]. Церковь (католичество, протестантизм, православие) упустила инициативу во всех социальных вопросах, и этим воспользовались марксистский атеизм и другие формы атеизма, получившие широкое распространение. Сеземан отмечает, что социалистическая и коммунистическая молодежь проявляет «больше подлинного идеализма и готовности пожертвовать жизнью ради торжества идеала социальной справедливости», чем большинство практикующих христиан [17, р. 655]. Какой же выход возможен для Церкви, учитывая, что ей «не подобает заниматься политической агитацией» [17, р. 656]? Сеземан убежден, что Церкви следует отказаться от поддержки капиталистических классов и государства и сосредоточить свои усилия на воспитании чувства солидарности как социального начала нравственности, на восстановлении истинной иерархии ценностей, где «низшие (материальные) должны быть подчинены высшим», на непосредственном участии в изменении и улучшении социального строя.

Следует иметь в виду, что политическая и религиозная жизнь Литвы как самостоятельного государства с момента провозглашения ее национальной независимости в 1918 году и до вхождения в состав СССР была полна тревожений и осложнена отношениями с Польшей, Святым Престолом в Риме и Советским правительством. Острым вопросом начала 30-х гг. был спор о существовании университетских кафедр теологии и философии, который носил характер культурно-политической проблемы в отношениях Литвы с Римско-католической церковью. Именно таков контекст написания Сеземаном работы «Христианство и социализм». По мнению итальянского исследователя Алессандро Бонгарцони (Alessandro Bongarzone), «Сеземан в своем анализе возвышается одновременно над противоборствующими сторонами ради всестороннего анализа оснований проблемы», а его включение трех конфессий христианства в единую историко-политическую оценку одновременно «дистанцирует» его от «общей евразийской мысли», подчеркивавшей

особую роль православия [9]. Такой подход Сеземана к рассмотрению данной темы, безусловно, придает объективность и теоретическую взвешенность его размышлениям.

Религия и проблема свободы

В позднем творчестве особую актуальность для Сеземана приобретает проблема свободы, его рукопись спецкурса «Проблема свободы» была опубликована на литовском языке уже после его смерти [14; 15; 16]. Сеземан пишет о многогранности идеи свободы, подчеркивая, что она проявляется во всех аспектах человеческой жизни, «начиная с высших степеней духовного существования и деятельности и кончая телесной стороной» человеческой природы [14, р. 84]. Особое место проблема свободы занимает в религиозных концепциях. Она охватывает такие вопросы, как отношение человека к Богу, проблема предопределенности или свободы человеческой воли в выборе добра или зла и многие другие. Особое значение в религиозных концепциях иудаизма и христианства имеет «идея воспарения или спасения» как освобождения от природных сил и, прежде всего, от смерти [14, р. 91].

Сеземан подчеркивает, что религиозная трактовка свободы напрямую связана с этической стороной вопроса и включает в себя «отношение человека ко всему миру и, прежде всего, к своей собственной природе» [14, р. 84]. Этот вопрос в религиозном осмыслении не просто теоретический, он напрямую связан с религиозной жизнью человека, ведь от того, признает ли человек, что волен поступать свободно, зависит, считает ли он себя ответственным за свой выбор. Признание реальности свободы человека одновременно ставит вопрос о ее границах.

Кроме того, Сеземан убежден, что свобода органически связана с творчеством, что наиболее явственно проявляется в искусстве, но также важно и в других областях культуры. Конфликт между моральными требованиями (и в частности религиозными заповедями), который нередко возникает в конкретной жизненной ситуации, является той областью морального творчества, в понимании Сеземана, когда человек осуществляет выбор в пользу той или иной ценности, исходя из личного этического опыта. Сеземан настаивает, что невозможно создать такие универсальные общие правила морали, которые бы давали точный однозначный ответ в любой конкретной жизненной ситуации. Заповедь есть идеальный образец, ориентир, направляющий выбор человека, но предполагающий область творческой свободы: «абсолютная обязательность идеальной нормы становится относительной в конкретной действительности, и не потому, что моральные ценности общепризнанно являются вещью

относительной, а потому, что нравственность, добро в конкретной действительности могут быть реализованы не на общих принципах, а лишь с учетом актуальных требований жизни» [16, р. 106].

Заключение

Подводя итоги осмыслению взглядов Василия Сеземана на вопросы религии, можно заключить, что целостный анализ творчества философа, включая работы, изданные им на литовском языке, позволяет прояснить его понимание религии как культурно-исторического феномена. Исследуя проблему знания, его рационального и иррационального начал, Сеземан анализирует вопрос веры и знания, показывает двойственный характер знания в греческой и христианской культурах. Далее, через осмысление сократовского тождества добра и знания, Сеземан выходит на проблему самопознания, имеющую огромное значение для онтогносеологии и методологического каркаса его собственной философской системы.

Раскрытие специфики познавательных установок дает Сеземану возможность обосновать особый характер религиозного познания, в основании которого лежит непредметная установка, что роднит его с этическим и эстетическим познанием. Сеземан убедительно показывает, что непосредственное переживание и внутренний опыт составляют сущностное ядро религиозного познания, в котором имманентное совпадает с трансцендентным. Исследование религиозного познания осуществляется Сеземаном в рамках его онтогносеологии, логики, эстетики и этических построений. В поздний период творчества религиозная проблематика рассматривается философом

в связи с исследованием проблемы свободы, Сеземан показывает органическую связь этической жизни и творческого начала, что мысленно возвращает нас к сущности религиозного познания. Следует заметить, что теоретические построения философа никогда не носят отвлеченно-спекулятивного характера, за теоретической проблемой для Сеземана всегда стоит реальное человеческое бытие в мире, в этом, пожалуй, состоит одно из главных достоинств его философии.

Исследование религиозных вопросов проводится Сеземаном в границах «чистого» философского подхода. Он, будучи потомственным протестантом⁵, в своих научных работах сохраняет объективность и непредвзятость в отношении христианских течений, других религий, в том числе и верований языческих культур. Социально-политический фон творчества Василия Сеземана отличался особой турбулентностью и в период начала его академической карьеры в России, и в недолгий берлинский период, и в годы проживания в Литве, раздираемой национальными, религиозными и политическими конфликтами. В силу этого его решимость оставаться исключительно на позициях «чистой» философии, в том числе и в философии религии, заслуживает особого уважения.

Блестящее образование, знание множества современных и классических древних языков, а также пылкий ум и выдающиеся аналитические способности Василия Сеземана придают его работам глубину, оригинальность и убедительность, именно это позволяет его философии сохранять актуальность не только в сфере теоретической мысли, но и в решении проблем современной культуры.

Литература

1. Белов В. Н. Философия религии В. Э. Сеземана // Русская философия. – 2024. – № 2 (8). – С. 79–89. – <https://doi.org/10.25991/RPH.2024.8.2.007>. – EDN: YWCWBQ.
2. Белов В. Н., Сеземан В. Э. Этика Платона и проблема зла // Кантовский сборник. – 2010. – № 1(31). – С. 75–89. – EDN: LDLKFJ.
3. Повилайтис В. О философии Василия Сеземана // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2004/2005 год / под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. – М.: Модест Колеров, 2007. – С. 234–248.
4. Сеземан В. Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос, 1911. – Кн. 1. – М.: Тип. Т-ва А. А. Левенсон – С. 93–122.
5. Сеземан В. Э. Религия и ее значение для формирования мировоззрения (1935) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2004/2005 год / под ред. Н.С. Плотникова. – М., 2007. – С. 248–262.
6. Сеземан В. Э. Сократ и проблема самопознания // Евразийский временник. – 1925. – Кн. 4. – Берлин. – С. 224–267.

⁵ Его дед по матери – Карл Бекман (K.L. Baeckmann) с 1855 по 1875 гг. был пастырем прихода евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины в Санкт-Петербурге, а с 1864 по 1870 гг. – директором училища (школы) Св. Екатерины (Katharinschule) при этой церкви. К. Бекман был большим энтузиастом по организации обучения и приюта при школе; позднее (с 1896 по 1902 год) в школе Св. Екатерины обучался Василий Сеземан. См. подробнее: Катариненшule // Энциклопедия немцев в России. – URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/848> (дата обращения: 25.05.2024).

7. Сеземан В. Э. Эстетика: Пер. с англ. В. Н. Белова, Ю. В. Соколовой. – М.: Академический проект, 2025. – 380 с.
8. Соколова Ю. В. Проблема познания в философии В. Э. Сеземана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 575–588. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-575-588>. – EDN: TFRDZW.
9. Bongarzone A. (2016) Il rapporto fra cristianesimo e socialismo in Vasily Sesemann. *Filosofia e Politica. Electronico* –1, pp. 2–13. – URL: <https://phd.uniroma1.it> (accessed: 04.05.2026).
10. Sesemann V. (1935) Religija ir jos reikšmė pasaulėžiūrai susiformuoti: [Paskaita]. *Akademikas*. – No. 6(42), pp. 132–136.
11. Sesemann V. (1936) Krikščionybė ir socializmas. – *Akademikas*. – No. 6(62), pp. 138–141.
12. Sesemann V. (1936) Krikščionybė ir socializmas. – *Akademikas*. – No. 7/8 (63/64), pp. 160–162.
13. Sezemanas V. (1987) Raštai: Gnoseologija / Parengė A. Lozuraitis. Vilnius: Mintis, 383 p.
14. Sezemanas V. (1988-1989) Laisves problema. *Problemos*. – Vol. 38, pp. 83–107.
15. Sezemanas V. (1988-1989) Laisves problema. *Problemos*. – Vol. 39, pp. 103–120.
16. Sezemanas V. (1988-1989) Laisves problema. *Problemos*. – Vol. 40, pp. 99–118.
17. Sezemanas V. (1997) Krikščionybė ir socializmas. Raštai. *Filosofijos istorija, Kultūra*. Vilnius: Mintis, pp. 642–656.

References

1. Belov, V. N. (2024) [The Philosophy of Religion by V. E. Sesemann]. *Russkaya filosofiya* [Russian philosophy]. Vol. 2(8), pp. 79–89. – <https://doi.org/10.25991/RPH.2024.8.2.007>. (In Russ.).
2. Belov, V. N., Sezemann, V. E. (2010) [Plato's Ethics and the Problem of Evil]. *Kantovskij sbornik: nauchnyj zhurnal* [Kant's collection: a scientific journal]. No. 1(31). – pp. 75–89. (In Russ.).
3. Povilajtis, V. I. (2007) [On the philosophy of Vasily Sesemann]. *Issledovaniya po istorii russkoj mysli. Ezhegodnik za 2004/2005 god* [Research in the History of Russian Thought. Yearbook 2004–2005]. Edited by M.A. Kolerov, N. S. Plotnikov. Moscow: Modest Kolerov, pp. 234–248. (In Russ.).
4. Sezemann, V. (1911) [Rational and irrational in the system of philosophy]. *Logos* [Logos]. Vol. 1. Moscow: Publ. A. A. Levenson, pp. 93–122. (In Russ.).
5. Sezemann, V. E. (2007) [Religion and its importance for the formation of worldview]. *Issledovaniya po istorii russkoj mysli. Ezhegodnik za 2004/2005 god* [Research on the History of Russian Thought. Yearbook 2004/2005]. Edited by N. S. Plotnikov. Moscow, pp. 248–262. (In Russ.).
6. Sezemann, V. E. (1925) Sokrat i problema samopoznaniya [Socrates and the problem of self-knowledge]. *Evrazijskij vremennik* [Eurasian Timekeeper]. Vol. 4, pp. 224–267. (In Russ.).
7. Sezemann, V. E. (2025) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Academic project, 380 p. (In Russ., transl. from Engl.).
8. Sokolova, J. V. (2024) [The problem of knowledge in the philosophy of V.E. Sesemann]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy]. Vol. 28. No. 2, pp. 575–588. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-575-588>. (In Russ.).
9. Bongarzone, A. (2016) Il rapporto fra cristianesimo e socialismo in Vasily Sesemann. *Filosofia e Politica. Electronico*. Vol. 1, pp. 2–13. Available at: <https://phd.uniroma1.it> (accessed 04.05.2026.) (In Ital.).
10. Sesemann, V. (1935) Religija ir jos reikšmė pasaulėžiūrai susiformuoti: [Paskaita]. *Akademikas*. Vol. 6(42), pp. 132–136. (In Lit.).
11. Sesemann, V. (1936) Krikščionybė ir socializmas. *Akademikas*. Vol. 6(62), pp. 138–141. (In Lit.).
12. Sesemann, V. (1936) Krikščionybė ir socializmas. *Akademikas*. Vol. 7/8 (63/64), pp. 160–162. (In Lit.).
13. Sezemanas, V. (1987) Raštai: Gnoseologija. Parengė A. Lozuraitis. Vilnius: Mintis, 383 p. (In Lit.).
14. Sezemanas, V. (1988-1989) Laisves problema. *Problemos*. Vol. 38, pp. 83–107. (In Lit.).
15. Sezemanas, V. (1988-1989) Laisves problema. *Problemos*. Vol. 39, pp. 103–120. (In Lit.).
16. Sezemanas, V. (1988-1989) Laisves problema. *Problemos*. Vol. 40, pp. 99–118. (In Lit.).
17. Sezemanas, V. (1997) Krikščionybė ir socializmas. Raštai. *Filosofijos istorija, Kultūra*. Vilnius: Mintis, pp. 642–656. (In Lit.).

Информация об авторе:

Юлия Владимировна Соколова, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0002-4884-7185, **Scopus Author ID:** 57190088905, **SPIN-код:** 8368-5810, **AuthorID:** 708183
e-mail: sokolovayulv@mpei.ru

Статья поступила в редакцию: 22.05.2026; принята в печать: 17.07.2026.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Yulia Vladimirovna Sokolova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Political Science, and Sociology named after G.S. Arefieva, National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia

ORCID ID 0000-0002-4884-7185, **Scopus Author ID** 57190088905, **SPIN-code:** 8368-5810, **AuthorID:** 708183
e-mail: sokolovayulv@mpei.ru

The paper was submitted: 22.05.2026.
Accepted for publication: 17.07.2026.
The author has read and approved the final manuscript.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

К публикации принимаются ранее неопубликованные оригинальные научные статьи и научные обзоры по следующим научным специальностям:

- 2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.4. Этика (философские науки);
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Обзорная статья должна быть концептуальной, т.е. содержать новые идеи и концепции, вытекающие из массива опубликованных материалов.

В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий статья будет *ретрагирована* (отозвана из печати).

Статья включает в себя следующие элементы:

УДК. На первой странице статьи, слева в верхнем углу без отступа, указывается индекс по универсальной десятичной классификации.

Название статьи (на русском и английском языках). Название статьи должно быть однозначным, понятным специалистам в других областях, и отражать содержание статьи. Редакция просит не использовать в названии статьи аббревиатуры, вопросительные и восклицательные предложения, а также не формулировать название статьи в виде двух предложений.

Информацию об авторах (на русском и английском языках), включающую в себя следующие сведения по каждому автору:

- фамилия, имя, отчество;
- место работы (название организации согласно уставу);
- город, страна;
- контактный электронный адрес.

Аннотацию (на русском и английском языках). Аннотация является самостоятельным информативным текстом, содержащим краткую версию статьи. Рекомендуемый объем аннотации: 250–300 слов. Для большинства читателей она будет главным источником информации о представленном исследовании.

В аннотации следует отразить актуальность, цель, используемые подходы, методы и (или) методический аппарат исследования, основные результаты, научную новизну, практическую значимость (при наличии), направления дальнейших исследований, рекомендации. При изложении материала рекомендуется придерживаться вышеуказанной структуры аннотации.

Вся информация, содержащаяся в аннотации, должна быть раскрыта в основном тексте статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках). Ключевые слова являются поисковым аппаратом научной статьи. Они должны отражать основную терминологию данного научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов: 5–10 слов.

Благодарности (на русском и английском языках). Здесь следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, а также организации, оказавшие финансовую поддержку.

Основной текст статьи. Принимаются статьи на русском и английском языках. Объем текста статьи без библиографического списка должен составлять не более 20 страниц авторского текста, оформленного в соответствии с техническими требованиями журнала.

Основной текст статьи излагается *в следующей последовательности*:

Введение. Данный раздел должен содержать обоснование необходимости и актуальности проводимого исследования, краткое описание научной проблемы, которая требует решения, постановку цели исследования, согласованной с названием статьи, ее содержанием и результатами, а также иные аспекты, что в целом позволило бы читателю понять и оценить важность и значимость проведенного исследования.

Заголовки структурных частей статьи. Здесь описывается суть исследуемой проблемы, ее связь с темой статьи, степень ее разработанности в современной науке, методологический аппарат и (или) методический инструментарий проведенного исследования. Желательно наличие раздела «Методы», содержащего описание того, как было проведено исследование. Следует изложить все факторы, которые могли повлиять на результаты исследования.

Результаты исследования (или иной заголовок). Данный раздел статьи должен содержать описание полученных результатов исследования и их интерпретацию.

Заключение. Приводятся выводы, основывающиеся на полученных результатах, выводы о научной ценности и практической значимости полученных результатов, даются рекомендации для дальнейших исследований на основе данной работы. Ранее опубликованные результаты не должны включаться в этот раздел статьи.

Литература (References). Список литературы должен содержать, как правило, не менее 15–17 научных источников. В данный раздел могут быть включены следующие типы источников:

- статьи в научных *рецензируемых* журналах;
- статьи в *рецензируемых* сборниках трудов конференций;
- книги (кроме учебной и справочной литературы);
- монографии;
- патенты.

Не рекомендуется включать источники из малотиражных изданий (сборников статей, трудов конференций, монографий), не доступных для ознакомления онлайн, российских журналов, не входящих в РИНЦ или исключенных из РИНЦ.

Ссылки на правовые акты, справочные и статистические материалы, информационные и аналитические материалы сайтов необходимо оформлять в виде подстрочных библиографических ссылок. Нежелательны ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций. Рекомендуется ссылаться на оригинальные статьи и монографии. Диссертации рассматриваются как рукописи и не являются печатными источниками. Если ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций необходимы, то их предпочтительно оформлять также в виде подстрочных библиографических ссылок.

В списке источников рекомендуется наличие работ иностранных авторов (не менее 30%), а также работ, изданных за последние 5 лет.

Прямое библиографическое самоцитирование (процент работ авторов в общем списке источников) не должно превышать 20%.

Литература приводится в алфавитном порядке, иностранные источники размещаются в конце библиографического списка также в алфавитном порядке.

Для оформления списка источников используется ГОСТ Р 7.0.5-2008. Примеры оформления библиографических ссылок.

Для оформления **References** используется система Harvard system of referencing. Правила и примеры оформления.

На все источники должны быть ссылки в тексте статьи в квадратных скобках. Например, [5] или [9, с. 14], т. е. указывается номер источника в списке литературы или номер источника в списке литературы и номер страницы в этом источнике.

Аффилиация авторов (на русском и английском языках). Для каждого автора указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с названием структурного подразделения организации, наименование организации (постоянного места работы автора) полностью согласно уставу организации; **ORCID iD, Researcher ID, Scopus Author ID** (при наличии); город, страна, электронный адрес (e-mail).

Вклад соавторов (при наличии авторского коллектива).

Правила оформления статьи и ее шаблон представлены на сайте журнала <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx. Для всех частей статьи должны выполняться следующие технические требования:

- шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt;
- межстрочный интервал – 1,5 строки;
- абзацный отступ – 1,25 см.;
- выравнивание текста: по ширине;
- автоматическая расстановка переносов должна быть выключена;
- поля: левое – 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см.

Формулы и символы помещаются в тексте статьи, используется редактор формул Microsoft Equation.

Таблицы. Все таблицы, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается перед таблицей.

Формат названия таблицы:

Таблица <номер>. <Название без использования аббревиатуры>.

Под таблицей должно быть указано их авторство (источник). Рекомендуемый формат:

- Источник: разработано автором;
- Источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- Источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все таблицы.

Внутри таблицы допускается размер шрифта 12 pt (гарнитура Times New Roman)

Рисунки. Все рисунки, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается под рисунком.

Формат названия рисунка:

Рисунок<номер>. <Название без использования аббревиатуры>

После названия рисунка должно быть указано авторство (источник) этого рисунка. Рекомендуемый формат:

- источник: разработано автором;
- источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все рисунки.

Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены шрифтом Times New Roman, допускается размер шрифта 12 pt.

Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы.

Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi.

Подстрочные библиографические ссылки оформляются на основе использования команды MS Word «Ссылки / Вставить сноску».

BASIC REQUIREMENTS FOR THE ARTICLE, SUBMITTED TO THE EDITORIAL OF THE JOURNAL

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews in the following **journal headings** are accepted for publication:

Economic sciences

The results of fundamental and applied scientific research in the field of regional and sectoral economics, finance, management are published.

Philosophical sciences

The subject of the articles is topical issues in the field of ontology and the theory of knowledge, history of philosophy, aesthetics and ethics, philosophy of science and technology, social and political philosophy, philosophical anthropology and philosophy of culture, philosophy of religion and religious studies.

Transport

Original articles are published presenting the results of solving scientific and practical problems in the field of operation of road transport are considered.

The review article should be conceptual, that is, contain new ideas and concepts arising from an array of published materials.

If a manuscript is submitted simultaneously to several editions, the article will be retracted (withdrawn from print).

The article includes the following **elements**:

UDC. On the first page of the article, in the upper left corner without indentation, the index according to the universal decimal classification is indicated.

The title of the article (in English and Russian). The title of the article should be unambiguous, understandable to specialists in other fields, and reflect the content of the article. The editorial board asks not to use abbreviations, interrogative and exclamation sentences in the title of the article, and also not to formulate the title of the article in the form of two sentences.

Information about the authors (in English and Russian). including the following information for each author:

- full name;
- place of work (name of the organization according to the charter);
- city, country;
- contact email address.

Abstract (in English and Russian). The abstract is a self-contained informative text containing a short version of the article. Recommended annotation contains about 250–300 words. For most readers, it will be the main source of information about the presented research. The annotation should reflect the relevance, purpose, approaches used, methods and (or) methodological apparatus of the study, the main results, scientific novelty, practical relevance, directions for further research, recommendations. In the presentation of the material, it is recommended to adhere to the above structure of the annotation.

All information contained in the abstract should be disclosed in the main text of the article.

Key words (in English and Russian). Key words are a search engine for a scientific article. They should reflect the basic terminology of this scientific study. Recommended number of key words is 5–10 words.

Acknowledgments (in English and Russian). Mention should be made of the people who helped the author prepare this article, as well as the organizations that provided financial support.

The main text of the article. Articles in Russian and English are accepted. The volume of the text of the article without a bibliographic list should be to 20 pages of the author's text, designed in accordance with the technical requirements of the journal.

The main text of the article is presented in the *following sequence*:

Introduction. This section should contain a justification for the necessity and relevance of the study, a brief description of the scientific problem that needs to be solved, the goal of the study, consistent with the title of the article, its content and results, as well as other aspects, which in general would allow the reader to understand and appreciate the importance and significance of the study.

Headings of the structural parts of the article. Here the essence of the problem under study, its connection with the topic of the article, the degree of its elaboration in modern science, the methodological apparatus and (or) the methodological tools of the research carried out. It is desirable to have a section "Methods" containing a description of how the study was carried out. All factors that could influence the results of the study should be stated.

Research results (or another title). This section of the article should contain a description of the obtained research results and their interpretation.

Conclusion. Conclusions based on the results obtained, conclusions on the scientific value and practical significance of the results are given, recommendations are given for further research based on this work.

Previously published results should not be included in this section of the article.

References. The list of references should contain, as a rule, at least 15–17 scientific sources. The following types of sources can be included in this section:

- articles in scientific peer-reviewed journals;
- articles in peer-reviewed conference proceedings;
- books (except educational and reference literature);
- monographs;
- patents.

It is not recommended to include sources from small-circulation publications (collections of articles, conference proceedings, monographs) that are not available for online review, Russian journals that are not included in the RSCI or excluded from the RSCI.

References to legal acts, reference and statistical materials, informational and analytical materials of websites should be made in the form of subscribed bibliographic references. Undesirable are links to dissertations and abstracts of dissertations. It is recommended to refer to original articles and monographs. Theses are considered as manuscripts and are not printed sources. If references to dissertations and abstracts of dissertations are necessary, then it is preferable to place them also in the form of subscript bibliographic references.

The list of sources recommends the presence of works by foreign authors, (at least 30%) as well as works published over the last 5 years.

To compile a list of sources, GOST R 7.0.5–2008. Examples of the design of bibliographic references.

Direct bibliographic self-citation (percentage of authors' works in the general list of sources) should not exceed 20%.

The literature is given in alphabetical order, foreign sources are placed at the end of the bibliographic list also in alphabetical order.

The Harvard system of referencing is used for the design of References. Rules and examples of registration.

All sources should be referenced in the text of the article in square brackets. For example, [5] or [9, p. 14], i.e. the number of the source in the list of references or the number of the source in the list of references and the page number in this source is indicated.

Affiliation of authors (in English and Russian). For each author, the surname, first name, patronymic, academic degree, academic rank, position with the name of the structural unit of the organization, the name of the organization (permanent place of work of the author) are fully indicated in accordance with the charter of the organization; **ORCID iD**, **Researcher ID**, **Scopus Author ID** (if available); city, country, email address (e-mail).

Contribution of co-authors (the section is filled in if there is a group of authors).

The rules for the design of the article and its template are presented on the journal's website <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>.

TECHNICAL REQUIREMENTS

The material must be typed in a Microsoft Word text editor in the format *.doc or *.docx. The following technical requirements must be met for all parts of the article:

- font: Times New Roman typeface, 14 pt;
- line spacing – 1.5 lines;
- paragraph indentation – 1.25 cm.;
- text alignment: width;
- automatic hyphenation should be turned off;
- margins: left – 2 cm, right – 2 cm, top – 2 cm, bottom – 2 cm.

Formulas and symbols are placed in the text of the article, the Microsoft Equation formula editor is used.

Tables. All tables found in the text of the article should be numbered and have a name that is located in front of the table.

Format

of the table name: Table <number>. <Name without using an abbreviation>.

Their authorship (source) should be indicated under the table. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all tables.

A font size of 12 pt (Times New Roman typeface) is allowed inside the table

Drawings. All figures found in the text of the article should be numbered and have a name that is located under the figure.

Format of the picture title:

Figure<number>. <Name without using an abbreviation>

After the name of the drawing, the authorship (source) of this drawing should be indicated. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all the drawings.

All explication (captions) in the picture field must be made in Times New Roman font, font size 12 pt is allowed

Scanned graphs, tables, and diagrams are not allowed.

The photos presented in the article must be sent as a separate file in *.tiff or *.jpg formats with a resolution of at least 300 dpi.

Subscript bibliographic references are formed on the basis of using the MS Word command «Links / Insert footnote».

Интеллект. Инновации. Инвестиции
№ 5, 2026

Ответственный секретарь – Т. П. Петухова
Верстка – Г. Х. Мусина
Корректura – Е. Д. Денисова
Перевод – В. А. Захарова
Дизайн обложки – И. В. Возяков

Подписано в печать 06.10.2026. Дата выхода в свет 26.10.2026.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 17,90. Усл. изд. л. 15,59. Тираж 500. Заказ № 38.
Свободная цена

Адрес учредителя, редакции, издателя:
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13,
Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко.
Тел. редакции: +7 (3532) 37-24-53
e-mail редакции: intellekt-izdanie@yandex.ru

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Отпечатано в ООО Издательско-полиграфический комплекс «Университет»
Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6
тел./факс: +7 (3532) 90-00-26, 92-60-79
e-mail: cadr25@mail.ru